

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 10

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-0-359-31064-7

УДК: 1751

Budapest 2018

Итоги конкурса

1 место: Лихолетов Александр

Дополнительная информация от первого лица:

Я родился 5 февраля 1993 года в городе Донецке. Получил высшее образование в Донецком Национальном Университете по направлению подготовки «Компьютерные науки», после магистратуры поступил в аспирантуру, где и обучаюсь по сей день, преподаю на кафедре компьютерных технологий.

Пишу стихи, сказки и рассказы, публикуюсь в различных сборниках, устраиваю творческие вечера в арт-кафе родного города.

2 место: Татьяна Пилипенко

Дополнительная информация от первого лица:

Для меня большая радость и честь печататься в вашем издании. Это не только возможность представить на суд читателей свои скромные произведения, но и узнать много новых имен. На жизнь смотрю "веселым глазом". Все события, описанные в рассказах, происходили в реальности. И у всех героев есть или были прототипы. Мною лишь придан иронический оттенок.

3 место: Сергей Протасов

Дополнительная информация от первого лица:

Меня зовут Сергей Протасов, и я писатель. А может и не писать, но пишу, и мне это нравится. И, дорогой Читатель, надеюсь, тебе понравится то, что я пишу.

На данный момент своей жизни живу я в Челябинске, и как мне сейчас кажется, этот город можно визуализировать, читая мой рассказ «Чудесный новый мир». Хотя, на момент его написания, я так не думал.

За первую свою рукопись сел еще в 13 лет. Желание писать возникло спонтанно, мозг разрывался от разных мыслей, персонажей и сюжетов и остановить этот поток можно было только написав об этом. С тех пор прошло 16 лет, и действительно много было написано, но мало опубликовано. Возможно, это скоро изменится, и ты, Читатель, сможешь попробовать на вкус Миры созданные моим воображением. А персонажи, которые населяют эти миры, ждут Тебя. Среди них множество красивых дев, храбрых воинов и добрых волшебников, готовых тебя обнять в знак приветствия.

Но есть и такие, которые после объятий готовы будут Тебя сожрать с застывшей улыбкой на лице...

Приятного тебе чтения, мой дорогой Читатель! И когда ночью, после прочтения очередной книги, ты выключишь свет, не обращай внимания на шорохи в темноте. Это всего лишь воображение играет. Но лучше всё таки закутаться в одеяло поплотнее. На всякий случай.

Содержание

Лихолетов Александр	6
Татьяна Пилипенко	11
Сергей Протасов	19
Тверитинов Алексей	25
Анна Логинова Трушкова	41
Д.Строгий	45
А.Долгушина (Оанслер)	61
Екатерина Брицова	66
Журавская Светлана	83
Юл Валерьин	88
Светлана Назарова	94
Кристалльная Стелла	100
Тремасова Анастасия	102
Валентин Дмитриев 2	105
ЕК.КЕ	113
Контактная информация авторов	118
Сборник прозы	119

Лихолетов Александр

Крылья

Можешь ли сделать мечтания былью?
Можешь ли вспыхнуть, как вспыхнет звезда?
Если ты ангел, то где твои крылья?
Если не ангел, то кто ты тогда?

Давным-давно, когда небо было гораздо ближе к земле, а небожители спускались, дабы идти промеж смертных, с небес упала девушка. Никогда прежде она не бывала на земле, ведь она была сплетена из лучей восходящего солнца и готовилась стать ангелом. К сожалению, у нее еще не было крыльев, и она не могла вернуться на родину.

Она шла по земле, но шаги давались ей с трудом, ведь земля гораздо тверже облаков. Когда девушка почти выбилась из сил, она увидела город, что раскинулся на берегу моря. Ища место для ночлега, она направилась туда.

Девушка мало знала о людях. Идя по улице, она удивленно озиралась и пыталась объяснить, что с ней случилось, но люди только качали головами, принимая ее за умалишенную.

— Если ты ангел, то где твои крылья? — спрашивали они.
— У меня их еще нет.
— Тогда почему ты не разбилась, падая с неба?
— Я не знаю...

Никто не хотел приютить ее. Когда солнце село, она вышла на берег моря, села на песок и заплакала. Тогда ее заметил старый рыбак. Сжалившись над ней, он пригласил ее к себе в дом.

Жил рыбак бедно. Небольшой домишко стоял прямо на берегу моря. Кроме старика там жили его жена и сын. В доме места не было, и девушке постелили в сарае. Вскоре рыбак позвал ее ужинать. Трапеза была скромной, но девушка была не голодна. Небожители не вкушают земную пищу, потому она просто сидела и смотрела на людей, что окружали ее. Внимание девушки привлекла печаль, отражавшаяся в глазах сына рыбака. После ужина она решила узнать, в чем дело.

— Что гложет тебя? — спросила она.

Тогда юноша поведал ей о том, что он не хочет идти по стопам отца и становиться рыбаком. Он всегда мечтал о собственном корабле, чтобы уплыть далеко-далеко.

— Ты скажешь, что это глупо...

— Нет, — ответила девушка, — ты не должен отказываться от своей мечты. Я верю, что однажды у тебя будет свой корабль.

Сын рыбака улыбнулся и извлек из сундука кусок парусины.

— Я уже начал сооружать парус. Знаешь, когда ветер наполняет паруса кажется, что ты летишь.

— Хотела бы я взлететь...

— Слушай, — юноша почесал голову, — в городе живет инженер. Он постоянно рисует корабли, а потом, глядя на эти картины, их строят. Это называется черте... чорти... А! Чертежи!

Услышав такое количество упоминаний о чертях, девушка растерялась, но сын рыбака объяснил ей, что черти здесь совершенно ни при чем, а слово «чертеж» происходит от слова чертить, то есть рисовать.

— Сколько у людей странных понятий... — сказала она и пошла спать.

Утром девушка отправилась к инженеру. Слуга проводил ее на второй этаж, где за огромным столом мастер делал наброски нового корабля.

— К вам посетитель.

— Не сейчас, — инженер отмахнулся, — я очень занят.

— Мне нужно попасть на небо, — сказала девушка.

Инженер раздраженно посмотрел на нее.

— Тогда вам к доктору. А мне некогда.

— Послушайте, — девушка подошла и оперлась на стол, — вы создаете прекрасные корабли, не могли бы вы сделать пару крыльев?

— Хватит! Кто вас надоумил!?

Лицо инженера запылало.

— Сколько еще надо мной будут смеяться? Да, в молодости я пытался соорудить летательный аппарат, но все это бред! Оставьте меня в покое!

Он в ярости ударил по столу, и девушка испуганно отступила. Рукой она задела кубок, и поток вина хлынул на исписанные листы. Инженер схватился за голову и начал спешно разгребать кучу бумаг.

— Уходите! — крикнул он, — я не желаю больше говорить! Если вам нужны глупые мечтатели, обращайтесь к поэтам!

— Хорошо, — печально сказала девушка и ушла.

Она понимала, что инженер не взаправду сказал о поэтах, но все равно решила попробовать. В то время в городе жил один поэт. Придя к его дому, девушка увидела, что все его слуги пребывают в страшном волнении.

— Что происходит? — спросила она.

— Эх, — ответила старая служанка, — мастер в скверном расположении духа. Уже третий день он ничего не ест и не выходит из своей комнаты.

— Но почему?

— Девушка, которой он посвятил множество стихов — отвергла его. С тех пор он замкнулся в себе, и никто не может до него достучаться.

— Можно я попробую?

— Пожалуйста.

Девушка вошла в дом. Там слуги говорили с поэтом через закрытую дверь.

— Выйдите хоть на пару минут. На улице чудесная погода. Вечер, прохлада, закат...

— О! — простонал он и начал декламировать стихотворение:

Я не хочу узреть закат,
Пушай и будет он последним,
Пушай растает он бесследно,
И не вернется пусть назад.

Он моей кровью напоен,
Что просочась из сердца раны,
Напоминает постоянно,
Что нет любви, один лишь сон.

И едкий крови аромат,
Под вечер ветер навевает,
И пламя солнца раздувает,
О Боже, только не закат!

— Красиво, — сказала девушка, прислонившись к двери, — но грустно.

— У вас незнакомый голос, кто вы?

— Я упала с неба.

— Я не верю в ангелов.

— Почему?

— Откуда ангелы в мире, где нет любви?

— Но любовь есть.

— Тебе-то откуда знать? Ангелы не умеют любить.

— Умеют.

— А люди нет...

Девушка не нашлась, что ответить, и они стояли молча.

— Зачем ты пришла? — наконец спросил поэт.

— Мне нужны крылья, чтобы вернуться на небо...

— Я не могу тебе помочь. Я лишился собственных.

— Ты еще найдешь их, — сказала девушка и направилась прочь.

Поэт ничего не ответил. Он опустил на пол и закрыл лицо руками.

Ему не хотелось видеть мир, не хотелось ничего.

Не зная, куда идти, девушка вышла на берег моря, села на песок и стала любоваться закатом. Солнце медленно исчезало за горизонтом. Когда оно почти село, последний луч вспыхнул ярче прочих и в сгущающихся сумерках осветил одинокий силуэт.

В тот самый момент три пары глаз одновременно обратились туда.

Сын рыбака оторвался от плетения сетей и направился к сундуку, где как заветную мечту хранил кусок парусины.

Инженер потер уставшие глаза. В памяти его возникло лицо учителя, кричащего на юного подмастерье, который показал ему чертежи летающей машины.

— Неужели я превратился в него? — прошептал инженер и вышел из комнаты.

Последним заметил ее поэт. Порыв ветра распахнул ставни, и свет ударил ему в лицо. Он увидел свою комнату, где в полном беспорядке лежало множество исписанных стихами листов. Они напоминали ему силуэт. Очень знакомый силуэт...

Первым на берег моря пришел сын рыбака. С заката прошло пару часов, и теперь лишь щербатая луна рассеивала темноту.

— Вот, — сказал он.

Девушка подняла голову. В руках парень держал крылья. Они были сшиты из парусины и сетей. Легкий бриз раскачивал их.

— Спасибо, — сказала девушка.

— Я знаю, они не помогут тебе взлететь, но... — он опустил их девушке на плечи, — так, по крайней мере, будет теплее.

Он сел на песок, и взгляд его устремился вдаль.

— Спасибо, я знаю, что для тебя это значит.

— Ерунда, это всего лишь парус, он...

— Прошу прощения.

Девушка и сын рыбака обернулись. Позади стоял инженер. В руках его была странная конструкция из ткани, прутьев и досок.

— Я хотел извиниться, за свое неподобающее поведение.

С этими словами он развернул конструкцию. Это оказалось некое подобие перепончатых крыльев. Девушка и сын рыбака удивленно взирали на него.

— В свое время мне не хватило смелости испытать их, но теперь я обязательно доделаю их, я обещаю...

— Спасибо, — сказала девушка, — я рада.

— Крыльям?

— Нет, тому, что ты нашел в себе силы идти к своей мечте.

— Попробуем? — спросил сын рыбака.

Вместе они надели крылья девушке на плечи. Инженер застегнул несколько ремней и дернул ручку. Крылья окончательно расправились.

— Подождите!

Крик донесся со стороны города. Поэт бежал по песку. В руках у него был огромный лист бумаги. Вернее, это были крылья, сделанные из множества исписанных листов.

Поэт подбежал и, пытаясь отдышаться, протянул их девушке. Когда она прикоснулась к ним, первый луч солнца вспыхнул над горизонтом. Налетел порыв ветра и все шесть крыльев распахнулись и затрепетали.

— Спасибо вам, — прошептала девушка, — спасибо вам всем. Вы отдали самое дорогое, что у вас было. Теперь я могу вернуться. Спасибо. Никогда не отказывайтесь от своей мечты и однажды мы обязательно встретимся...

Новый порыв ветра поднял ее в воздух, и она полетела ввысь. Три пары глаз заковано следили за ее полетом. Она взлетала все выше и вскоре стала подобна звезде.

— Запомните эту звезду, — сказал сын рыбака, — когда у меня будет корабль, я возьму курс на нее, и мы снова встретимся.

— Я построю тебе корабль, — сказал инженер, — самый лучший корабль. У него будут крылья...

— Тогда я отправлюсь с вами, — улыбнулся поэт, — засиделся я здесь.

Они стояли и смотрели в небо. И каждый из них знал, что его мечта обязательно сбудется, ведь теперь у них общая мечта. А еще они знали, что непременно встретятся с девушкой, которая говорила, что она не ангел, хотя все это время была им, пусть и не знала об этом...

Татьяна Пилипенко

Обстрел

Грибниками мы были заядлыми. Места грибные знали, ходили далеко. Муж считал, что в лес, как в магазин не ходят. Лес надо ногами мерить, чтобы каждую тропиночку, каждую кочечку почувствовать. Чтобы щебетом птиц, теплом мхов и шумом хвои наполниться. Тогда и гриб другим кажется: особым, выхоженным.

Одни в лес никогда не ходили, всегда с друзьями. И идти веселее и радостью поделиться было с кем.

В тот незабываемый день погода стояла отменная. Осень властвовала над всем лесом. Солнце уже так не грело, но и заморозков еще не было. Самое время поздний гриб искать.

Друзей собралось немного: две мои приятельницы, да друг мужа с собачкой. Впереди всех шла наша десятилетняя дочка, давно привыкшая к таким вылазкам на природу.

Первую мою подругу можно было считать практически "боевой", так как редкий, даже самый дальний поход, обходился без ее участия. А вот вторая в лесу была редким гостем. Пойти с нами я уговорила ее впервые. Выглядела она для леса чрезвычайно торжественно: яркая одежда, тщательно нанесенный макияж, в ушах крупные клипсы, на шее кольцо, очки с дымкой для загадочности взгляда... На руке висела изящная корзина искусного плетения, которой бы просто любоваться, а не таскать по лесу, бросая в нее что ни попадя.

Увидев такую красавицу, наша маленькая дочка с укором посмотрела в мою сторону.

- Вот, посмотри, как в лес одеваться надо! Как на праздник! Больше не буду тебя слушаться. Тоже хочу быть красивой.

Теперь иначе, как "красавица", мы ее не называли.

Для друга мужа такие походы были делом обычным, отвлекала в этот раз только собачка. Собачку звали Битон и он был таксой. Назвали его так не случайно, а исключительно из-за внешнего вида. Даже для своей породы он был необычайно длинным и круглым. А лапки поэтому казались еще короче и кривее, чем были на самом деле. Хитрую мордочку украшали изумительные глазки-пуговицы. Не влюбиться в такое создание было практически невозможно.

Полные грандиозных планов, мы "высадились десантом" в сосновом бору. Правда, сосновым бором эту растительность было трудно назвать. До бора предстояло еще дойти.

Основная масса грибников пошла вперед к единственной дороге в лес, в обход грязей, топей, болот и ручьев, превратившихся после продолжительных дождей в небольшие речушки.

Но мы легких путей никогда не искали и, повернув в противоположную сторону, почти сразу оказались в непролазных дебрях. Но, зная как это обойти, мы, где по бревнышкам, где перепрыгивая с кочки на кочку, прошли все топи и грязи, опередив возможных конкурентов, по нашим подсчетам, минут на тридцать.

Лучше всех было Битону. Получив полную свободу, он стал хулиганить с удвоенной силой: постоянно убегал, застревал в самых неожиданных местах, пачкался и тонул обязательно в центре луж и канав. Хозяину приходилось постоянно бегать его искать, вырывать, вытаскивать, лезть в лужи с жидкой грязью и канавы, наполненные водой. Очень скоро он был такой же грязный, мокрый и усталый, как и его питомец. Хозяину ничего не осталось, как нести Битона на руках.

Закаленная невзгодами "боевая" подруга шла бодро, привычно, не отвлекаясь на пустяки, приберегая силы для дальнего броска, на тот случай, если грибов вблизи не окажется и придется "махнуть" за полигон. Темп держала ровный, только иногда искоса поглядывала на нашу красавицу, которая то и дело отбегала в сторону "на удачу", понапрасну растрачивая силы. Первое время с ее лица не сходило выражение тревоги и изумления. Но, стойко выдержав все трудности, она лишь немного пострадала, зачерпнув изящными короткими сапожками мутной воды из канавы и потеряв одну клипсу в непролазном ельнике.

После проливных дождей тропы сначала казались непроходимыми, но взаимовыручка, упертость и русское "авось" творят чудеса. Мы, наконец, вышли на хорошо протоптанную лесную дорожку. Единственное что омрачало наше чудесное настроение - это полное отсутствие грибов. А отсутствие грибников лишь придавало уверенности в выбранном пути.

Мы даже представить не могли, что по всему периметру леса был выставлен военный кордон, и всех грибников сразу же возвращали обратно, не давая углубиться в лес ни на метр. На полигоне в те дни проводились небывалые по размаху военные учения. А мы, того не подозревая, обогнули все кордоны, посты и засады и углубились в лес километров на семь, обманув таким маневром военных и доказав, что настоящий грибник неуловим!

Да, мы этого не знали и весело шагали только нам известными тропами к намеченной цели. А целью был привал у озера. Озеро большое, чистое, с прозрачной водой и песчаным пляжем. За

озером сопки, за сопками полигон. Полигон был окружен изумительным сосновым бором и, как будто, самой природой замаскирован от грибников. А за полигоном, в дальнем бору, белых грибов, говорят, столько, что все и не оберешь.

Пока мы отдыхали, муж сбегал на разведку и принес "трофей" - большой белый гриб красоты такой, что мы тут же вскочили и решили марш-броском обследовать все близлежащие сопки.

Ожидание нас не обмануло. Все радостно бегали по сопкам, то и дело крича: "А вот еще! А вот еще!"

Азарт захватил, освободив от усталости.

И тут над нами что-то пролетело. Мы даже не поняли что. Это что-то летело очень низко и гудело. Назвав летуна "колобашкой", мы опять весело продолжили сбор грибов.

Когда пролетела следующая "колобашка", веселье поубавилось.

Наша красавица отвлеклась от сбора грибов и удивленно спросила:

-Ой, а что это за штучка только что пролетела? Ой, опять! А зачем у нее сзади пропеллер?

Боевая подруга была более конкретна:

- Мне кажется, или у нас проблемы?

Друг сказал:

- ...!

А муж бодро заключил:

- Да, ерунда! Не такое видели!

Скоро "колобашки" начали свистеть и бухаться со всех сторон. Стало ясно, что здесь, скорее всего, проходят учения, и мы, каким-то образом, оказались чуть ли не на поле боя. Вместо того, чтобы как можно скорее убежать из леса, мы решили немного отойти в сторону от траектории полета и посоветоваться.

Муж заключил:

- Рассуждать надо логически. Пойдем в ту сторону, откуда болванки летят. Чем ближе к полигону, тем безопаснее. Не будут же военные себе под ноги снарядами сыпать?

Решение показалось нашим мужчинам абсолютно верным и обсуждению не подлежало.

Пока мы, пригнувшись, отходили к полигону, обстрел опять прекратился. Разогнувшись и заметно повеселев, мы опрометчиво решили, что учения закончились и бодро зашагали через полигон к дальней сопке, предвкушая небывалый урожай в почти безлюдном лесу.

Подумаешь, постреляли... Догадаться, что у военных могла быть передышка или переброска сил, и в голову не пришло. Так же в голову не пришло, что грибников в лесу не то что мало, их вообще нет. И мы единственная группа, с тупым упорством лезущая в эпицентр обстрела.

Выйдя из леса на просторы полигона мы военных и увидели. Вдалеке на самой высокой сопке около блиндажа стоял, по-видимому, весь командный состав с биноклями в руках и смотрел в нашу сторону. Один военный усиленно махал рукой.

"Боевая" подруга засмеялась и помахала в ответ. Я тоже помахала из солидарности. Реакцию командиров было не видно, но бинокли оставались направленными в нашу сторону.

Муж буркнул:

- Что-то мне это не нравится. По-моему, они делают нам какие-то знаки.

Красавица кокетливо улыбнулась.

- Не вам, а нам... Чего мужчинам друг-другу махать, когда женщины рядом? Это они нас приветствуют.

Как мы узнали потом, махал только один, остальные крутили у виска пальцем.

Вот-вот должен был начаться основной обстрел. За время затишья, одна из огневых точек дислоцировалась и заняла позицию за сопкой. Связь с ней на какое-то время была потеряна. Эпицентр находился между сопками в конце дороги, по которой мы, помахивая военным, быстрым шагом двигались к заветным грибным местам. На военном языке это место называлось "котлом".

Дошли до "котла" мы на удивление быстро, и были потрясены количеством грибов. Такого мы в своей жизни не видели никогда. Боровики были повсюду: крепкие, толстенькие, с шоколадными шапочками, большие и маленькие, семьями и поодиночке выглядывали из серебристого мха. Нервы окончательно сдали! Побросав корзины, мы радостно кричали и бегали по сопкам, с хрустом выкручивая грибы и складывая их вокруг кучками.

И тут началось! Огневая точка, с которой не удалось связаться, открыла огонь. Снаряды сыпались повсюду. Некоторые застревали в деревьях, некоторые секли верхушки маленьких сосенок и улетали дальше. Взрывов не было, видимо, стреляли "холостыми", но грохот стоял такой, что друг друга мы уже не слышали.

Наконец-то мы поняли, что попали в скверную историю. И жуткие, висящие на вокзале, фотографии погибших горе-грибников, теперь не

казались нам чем-то далеким, нереальным и совершенно не касающимся нас.

Но, почему-то, больше всего пугал огромный штраф, который налагался на каждого, кто ослушался и пробрался в лес, несмотря на запреты и патрули.

Спрятались мы по-разному. В основном, попрыгали в старые воронки, памятуя о том, что "Снаряд два раза в одну воронку не падает". Только друг мужа с собакой на руках сиганул куда-то в сторону.

Обстрел опять закончился внезапно. Прижимая к себе испуганного ребенка, я высунулась из воронки, чтобы оглядеться.

Как по команде, из соседних воронок показались другие головы. Из ближней выглянула наша красавица, бледная и слегка присыпанная землей. С ее лица сошел весь макияж вместе с загаром.

- Кажется, стреляли?

Я попыталась улыбнуться.

- Да нет, тебе показалось. Сейчас грибы соберем и в обратный путь.

Муж вылез из какой-то грязной канавы и, не теряя руководящих ниток, размышлял вслух:

- Так, что-то пошло не так. Или они совсем тупые - по себе стреляют, или мы взяли не то направление. Скорее всего, они. Вот кому доверили Родину защищать! С такими вояками войну бы не выиграли. Да, пропала страна! Теперь и за себя и за них думать приходится.

Но долго думать не пришлось. От командного пункта выехал крытый брезентом грузовик и на предельной скорости помчался в нашу сторону.

Как потом выяснилось, никто не соглашался ехать. И во время обстрела бросали монетку, так как у всех дети, и рисковать жизнью ради каких-то дураков было глупо.

А мы уже не знали чего больше бояться: обстрела или наказания, но решили пока сидеть в воронках тихо и не высовываться. Может не заметят и мимо проедут.

Но грузовик не проехал. Остановился недалеко от моей воронки. Военный выбежал и начал орать:

- Быстро вылезли! ...! Вас шестеро и собака! ...! Все пересчитаны! ...!

Посмотрев в мою воронку, заорал еще громче:

- О, первая! Чего в землю вжалась? А где собачка? Ладно сами безголовые, но зачем собаку губите?! Я приехал только из-за собаки, таких дураков не жалко! Быстро в машину! Нам еще выехать из котла

успеть надо. Скоро обстрел посерьезней будет. Хотелось бы живыми остаться.

Но больше никто не выглядывал. Видимо затихли и просчитывали все варианты наказания.

- Второй и третий покажитесь, или голос подайте! Я, что, бегать и искать должен? В прятки играете?!

Из неглубокой канавы поднялся муж, приосанился и, с напускным высокомерием, поинтересовался:

- А в чем, собственно, дело, военный? Объяснитесь, пожалуйста!

У военного от неожиданности, на мгновение, пропал дар речи.

- ...! Сейчас я тебе объяснюсь! А потом весь командный состав тебе объяснится! Марш в кузов, пока целый! Бегом! Иначе скоро то, что от тебя останется, по деревьям собирать будем.

Из соседней воронки высунулась перепуганная красавица.

- О, еще одно "чудо"! Милости просим в кузов.

Увидев, что "чудо" в отрешенном состоянии пошло за корзиной и начало собирать разбросанные грибы, военный так гаркнул, что красавица мгновенно метнулась к машине и с первой попытки вскочила в кузов. Следом, подчиняясь обстоятельствам, в машину залезла и "боевая" подруга.

Военный огляделся.

- А где собачка? Я без нее не поеду. Искать буду.

Но ни друга, ни собаки нигде не было. Видимо, с перепугу, хозяин унесся на приличное расстояние.

Военный нервно бегал по сопке и звал собаку. В ответ была тишина. Вдруг он остановился на самом краю поляны и стал хохотать.

На дне глубокой воронки плашмя лежал наш друг, зажимая собаке пасть, чтобы не залаяла. Видимо, до последнего хотел остаться незамеченным и уйти от наказания.

Военный выругался, взял собачку на руки и понес в машину.

Битон благодарно облизал спасителя, радуясь, что больше не будут зажимать морду.

Как только всех отловили и машина двинулась к опорному пункту, опять начался обстрел.

- Так и думал, что не успеем!

Военный остановил машину перед поворотом.

- Дальше опасно. Здесь переждем. Сюда стрелять не должны.

И правда, снаряды, минуя нас, дружно летели как раз в то место, где мы прятались и пытались остаться незамеченными.

- Вы теперь-то понимаете, где грибочки собирали? Нет? Ну, ясно... Это "котел". А "котел" - это такое место, куда стреляют с разных огневых точек. Две-то предупреждены, молчат, а вот третья сейчас там камня на камне не оставит. И как только пробрались через оцепление? Все кордоны прошли, патрули, засады обогнули, да еще на полигон прямо во время боевых учений вышли. На виду у всех штабистов. Вот так, запросто, взяли и по всем военным позициям пробежались. Этот ведь практически невозможно. Да вам в разведке служить надо! Цены бы не было.- Военный захихикал. - Похоже неприятности не только у вас будут. Командир докладывал начальству: "Так точно. Даже мышь не проскользнет!" Видели бы вы лица штабистов. Стоят, смотрят в бинокли: тут танки, тут огневые позиции, тут опять танки. Красота и полный порядок. И вдруг, компания с собачкой появляется! Гуляют, как в парке. Такое чувство, что сейчас отойдут в тенек, сядут, бутылочку откроют, пикничок устроят. Шашлычок там, девочки... Начальство онемело, потом по рации ругань началась. Ну те, кто подвернулся под руку, сразу по полной получили, а другим позже по цепочке, само собой тоже достанется. Так что, то вы сейчас здесь целые сидите, нагло ухмыляетесь, а не по частям, накрытые брезентом, в кузове валяетесь, счастье великое. А благодарить собачку надо. Уж очень я этих тварей люблю, прямо не могу как жалко. Как собаку увидел, сразу ехать согласился. Не мог допустить, чтобы невинная скотина погибла. Забрал бы я его у вас, и спрашивать не стал, все равно псину загубите, да некуда, по уставу не положено. И что теперь мне с вами делать? Если бы не животное, отвез и сдал бы куда следует, не задумался бы. А так ведь, собачку измучают: сначала задержание, выяснение личностей, затем допрос, может быть даже с пристрастием... Не в парке ведь прогуляться решили. Он и так, бедный, натерпелся, испугался, устал. Довезу-ка я вас вон до того лесочка, да и выпущу. А командиру доложу, что от страха все шестеро, как есть, обделались. А в таком виде доставить их к начальству было никак невозможно. Пришлось довести до озерца обмыться, а они возьми и убеги. Да, так и скажу. За такими не погонятся.

Как сказал, так и сделал! Отвез до лесочка, и мы побежали - откуда только силы взялись? Бежали долго, плутали. Дорога была незнакомая. Когда вдалеке увидели станцию, то обрадовались не меньше, чем от количества грибов за полигоном. Наша красавица, не дойдя до скамейки, плюхнулась прямо на платформу и, с нескрываемым облегчением, вытянула вперед ноги. Рядом с ней присел неунывающий муж. Видимо решил поддержать подругу беседой.

- В следующий раз без грибов не останемся, лесом пойдем. Дорогу я запомнил. На полигон выходить не будем. Что же это за армия такая, которую так легко грибники провести могут? Техники нагнали, кордоны поставили... Друг другу показывают, как стрелять умеют. И что? К ним же любой диверсант пробраться может. Не армия это, а так - видимость одна. С такими защитниками и враги не нужны! Как же теперь спать спокойно, когда наши рубежи горе-войки охраняют.

Но подруга его не слышала. Уткнувшись в пустую корзину, наша красавица спала крепким, нагуленным, сном, в котором она собрала все брошенные грибы и спокойно несла их в своей искусно сплетенной корзине.

Сергей Протасов

Чудесный новый мир

Я не помню точную дату, но настал день, когда мир рухнул. Сгинули государства. Сломалась система. С лица земли стерлась цивилизация.

Хотя, по правде говоря, цивилизация осталась, но в ином от нашего понимания смысле. Всё случилось не в одно мгновение, но привычные устои исчезли очень быстро, и нельзя было воспрепятствовать начавшимся изменениям.

Не все перемены вели в небытие. Как раз наоборот. Со временем планета начала восстанавливать сама себя, а новое общество, родившееся в боли предсмертной агонии старого мира, начало вести обыденный образ жизни. Единственной проблемой для новорожденного общества стал голод. С каждым днем нас становилось все больше, а еды на всех не хватало. Но новый мир дал нашему организму своеобразные плюсы: невосприимчивость к болезням, возможность долго обходиться без пищи и ряд еще некоторых незначительных изменений. Этакая новая ветвь эволюции.

Но, как по мне, в новой жизни были и минусы. Один из самых явных – отсутствие общения. Мы совсем не разговариваем друг с другом. Еще и дурно пахнем, так как о старой доброй гигиене все позабыли. И действуем как какое-то стадо, объединённое одной целью – поиск еды.

Я отдаленно помню старую жизнь, удобство квартир и ванных комнат. Понимание того, что эти вещи не нужны в новом мире, пришло само по себе. Та жизнь с её бытовыми прелестями осталась позади. И я замечаю, что образы прошлого стираются из памяти с каждым новым днем. Теперь нам не нужно все то, что привело к гибели старых устоев. Только бы найти еду.

В поисках чего пожрать я плетусь по переулку давно покинутого мегаполиса в составе небольшой группы. Мои спутники угрюмы, молчаливы и не особо торопливы. Один ковыляет совсем рядом со мной. Помимо шорканья ног об потрескавшийся асфальт, от него слышны лишь редкие хрипы. Я мельком глянул на него и вновь опустил взгляд. Не особо приятное впечатление он создаёт. Хотя, если вдуматься, то никто из нас, включая меня, красотой не блещет. Да и опрятными нас вряд ли можно назвать. Но, что поделать. Таков новый мир. У нас даже нет имен. В этой жизни они не нужны.

Уже начинает темнеть. Осенние ночи холодны, а добыча прячется от холода. Я по опыту знаю, что с наступлением ночи поиск еды осложнится и, скорее всего, до следующего восхода солнца поест не удастся. Но мы все равно будем искать. Бывает, нам улыбается удача, и мы находим одинокую, отбившуюся от стаи добычу. Но ночью опасно, ведь добыча тоже может охотиться на нас. Порой мы наталкиваемся на Хищника.

Хищник

Понятие из старого мира, которое всплыло в мыслях в момент нашей первой встречи. Тогда мы тоже искали еду и наткнулись на несколько беспомощных жертв.

Вся наша голодная толпа ела, когда из темноты появился он. Хищник. Так я и подумал про него, когда он разрубил своим длинным когтем голову одного из наших. Голова буквально раскололась надвое, мозги ошметками раскидало по сторонам и тело нашего собрата с глухим ударом упало на деревянный пол импровизированной трапезной. Среагировали мы медленно. Очень голодные были. Прежде, чем все бросились на Хищника, он убил еще двоих. Когти его были остры, а удары точны. Он метил в голову, стараясь сразу убить, не давая и малого шанса на выживание. Но нас было больше, а бежать ему было некуда. Да он и не собирался.

Хищник старого мира. Двухногий и прямоходящий. Как мы. Он при первой возможности убьет каждого из нас, не задумываясь. И мы поступим также.

В итоге тот Хищник забрал с собой около десятка наших, прежде чем нам удалось повалить его. Он даже не старался убежать. Опьяненный своей жадой истребления нашего вида, он полностью отдался схватке и потерпел поражение. Его мы тоже съели.

Не знаю, сколько с тех пор прошло времени, но я встречал подобных этому Хищнику еще пару раз. Некоторые из них плевались смертельными штуками, из-за которых наши умирали, даже не успев сообразить, что произошло. При всех наших новых эволюционных возможностях мы не можем быстро реагировать на опасность. Что-то видимо изменилось в нашем мозгу. Тело стало медленнее и слабее. Поэтому мы ходим группами. В количестве наша сила. Это уже инстинкт.

Темнота все больше и больше накрывала собой пустой город-призрак, в котором некогда жило очень много людей.

Мне на глаза иногда попадают какие-то надписи с отвалившимися буквами, называемые рекламными вывесками. Но я не умею читать. Может быть когда-то и умел, но это уже в далеком прошлом.

В больших городах вроде этого всегда есть что пожрать. Но мы не одни такие умные и, хоть пока их не видно, я уверен Хищники тоже здесь. А вместе с Хищниками всегда ходит *добыча*. Я знаю, что не все из нас доживут до рассвета, но те, кто уцелеет, обязательно утолят голод. Хотя бы ненадолго.

Наша разношерстная компания продвигалась по одной из улиц, медленно волоча ноги и смотря перед собой. Зрение отнюдь не главный наш орган чувств. Мы слушаем. Мы принохиваемся. И наше терпение приносит свои плоды.

Мы услышали их.

Здание неподалеку от нас, впереди и с левой стороны улицы. Нужно перейти дорогу, заваленную мусором и старыми движущимися железными штуками. Автомобили. Так они назывались.

Здание некогда служило магазином. Когда-то в прошлой жизни. Нет. Не магазин. Супермаркет. Я помню, что помещение внутри просторное с множеством полок. А на полках куча еды. Так было раньше.

Шум шел изнутри. Наша группа чуть приободрилась и слегка увеличила шаг. От недостатка еды сил было не так много, но возбужденные перспективой поесть мы забыли про усталость. Как будто второе дыхание открылось. Быть может, приток сил из ниоткуда тоже плод эволюционного скачка?

Меня обогнал ребенок. Да. В нашей группе иногда появляются дети. Они тоже угрюмы, молчаливы, некрасивы и голодны.

Мальчик. На вид ему можно дать лет десять. Он явно быстрее нас всех, и желание поесть у него острее. Он практически побежал в сторону шума. Я протянул было руку, чтобы схватить его, но он был ловок и я не успел. Хотелось крикнуть ему, чтобы не спешил, что там может быть опасно, но из груди вырвался лишь непонятный затхлый хрип. Я поплелся быстрее. Но моя скорость ничто по сравнению со скоростью мальчика. Он уже входил в темную пасть супермаркета и скрылся за входным проемом, пока я и остальные только-только подбирались к нему.

Уже почти у входа я услышал крики. Пронзительные крики, шум чего-то падающего и затем гром. Короткий гром. Такой бывает когда с неба падает вода. Что-то ярко сверкает наверху, затем гром. Это слово более всего подходило к шуму с неба. Вот и сейчас гром. Трижды он ударил, а вместе с ним было три вспышки, разбившие мрак супермаркета. Всё произошло быстро, но я не испугался. Мои спутники тоже были полны решимости, хотя все до одного поняли, что в темной пасти здания обитает Хищник. Я вошел в супермаркет, слыша за спиной

шаги моих спутников. Я, сам того не желая, сделался их лидером и сейчас они следуют за мной.

Помещение заполняли длинные стеллажи. Да. Некоторые из них были свалены на пол и все до одного пустовали. Мы обошли сваленные на пол стеллажи стороной и остановились. Перед нами лежал труп мальчика. В его голове была дырка. Из нее, тонкой ленивой струей, вытекала красная жидкость вперемешку с чем-то белым. Густым и белым. Я не знал, была ли эта белая жижа у него в голове изначально или это Хищник оставил свой след. Я уже ничего не знал. Ярость поглотила меня и я заорал. Крик был мощный, страшный и яростный. Мои спутники присоединились ко мне. Мы слились в едином крике. В этом крике звучал весь наш гнев, вся злоба, все отчаяние. И голод.

Наш крик эхом разнесся по зданию, по улицам, оповещая всех, и Хищников и добычу, что мы здесь. Мы пришли, и мы не позволим убивать себя.

Шум. Шум добычи или Хищника. Где-то в глубине здания. Своим криком мы напугали их, и как только они выдали свое местоположение, крик смолк, и мы рванулись за ними. Обходя все полки и препятствия на своем пути, мы наконец-то достигли цели. Оставалось лишь войти в дверь. Синяя дверь, которая отделяла нас от тех, кто затаился по ту сторону. Но скрыться им не удастся. Я слышал их дыхание и знал, что они слышали мое. Положив свою худую ладонь на поверхность двери, я понял, что она деревянная и сломать ее будет делом времени.

Удар плечом. Я почувствовал слабость своих мышц и костей. От удара что-то хрустнуло, но я ударил снова. Тело меня слушалось, но как-то лениво. Мои спутники увидели, что я делаю, и начали помогать. Несколько секунд спустя мы уже все вместе ломали дверь и слышали стоны нашей добычи на той стороне. Им не спастись. Они это знали. Мы наносили удар за ударом и, казалось, что каждый следующий удар становится сильнее предыдущего. Наши тела, бьющиеся о дверь, становились крепче. Прошло несколько минут, и дверь разлетелась в щепки. Мы хлынули в комнату, как бурный поток воды вторгается в затопляемое помещение. Вновь вспышка и гром. Один из наших рухнул на пол, а я лишь почувствовал, как плевков Хищника пронесся мимо меня. Что-то блеснуло в стороне. Еще один Хищник. Обнажил свои когти. Я бросился на него, но он оказался быстрее – ударил меня наотмашь своим блестящим когтем, метаясь мне в голову. Я закрылся правой рукой. Он отрубил ее по самый локоть. От удара меня отшвырнуло назад, я не удержался на ногах, рухнув на пол, рядом со своим мертвым товарищем. Я посмотрел на его застывшее лицо. Чуть выше левого глаза зияла круглая

дыра. Из нее вытекали мозги. Мои товарищи влетели в комнату и напали скопом на обоих Хищников. Они, как и я, видели, что наша добыча, наша еда, прячется прямо за этими опасными созданиями. Снова вспышка и гром. Дважды они прозвучали и еще двое наших упали мертвыми, найдя свое последнее пристанище в этой маленькой комнатушке. В небольшой, тускло освещенной комнате, начался бой. Два Хищника. Один справа – плюющийся смертоносным громом и один слева, с длинным сверкающим когтем. И где-то в глубине комнате добыча. Я ее не вижу, но чувствую запах. И страх.

Хищник с когтем снова ударил одного из наших, и его голова откатилась к моим ногам. Ртом он как будто что-то пытался сказать, но было уже поздно. Его тело упало на пол секундой позже.

Я попытался встать, но вспомнил, что остался без руки только тогда, когда оперся на кровоточащий обрубок. Я снова упал, уже лицом вниз, оказавшись в луже крови и мозгов. Из моего рта доносилось какое-то мычание. Уставившись в залитый кровью пол и пытаясь подняться, я слушал звуки боя. Еще дважды в комнате прозвучал гром с молнией, наполнив помещение каким-то отдаленно знакомым запахом. Но не таким, как в грозу. В грозу пахнет приятно, а здесь запах совсем иной.

Когда я, наконец, сумел подняться, бой уже был закончен. Я стоял пошатываясь. Никого из своих рядом не было. Все лежали мертвые, а Хищники были еще живы.

Хищник с когтем держался за кровоточащую руку и зло смотрел на меня, а плюющийся громом Хищник что-то теребил в руке.

- Давай быстрее!

Голос. Знакомый. Человеческий голос. Это сказал Хищник с когтем, глядя на своего собрата. Я посмотрел на него и увидел, что в руке у него что-то черное. Он вогнал в это что-то еще один черный предмет поменьше. Что-то знакомое вспыхнуло в мозгу.

- Перезарядил?

Вновь голос Хищника с когтем.

- Да.

Голос второго звучал более спокойно.

За моей спиной я слышал звуки. Они были далекими, но слышными. Это уже мои братья. Идут на звук шума боя в поисках еды. Они скоро будут здесь.

- Так убей этого зомби, и валим! Скоро их тут будет полчища!

Зомби? Зомби... Он назвал меня зомби. Знакомое слово. Я зомби. Теперь я называюсь именно так.

Справа от меня я уловил шатающееся движение и, посмотрев, увидел себя в отражении большого зеркала, закрепленного на стене. Лохмотья одежды, пропитанные грязью и кровью, свисали с моего тощего тела. Правой руки нет. Лицо в гноящихся язвах и не зарастающих шрамах. Волосы длинные, испачканные кровью вперемешку с кишками и мозгами моих товарищей и добычи, которую я ел раньше. Глаза затуманенные, но все еще видящие. Кости просвечивают через бледную, трупного цвета кожу. Рот приоткрыт и зубов в нем явно недостает. Но те, которые остались крепки и готовы рвать и жевать живую плоть.

Зомби. Вот кем я стал в новом мире. Так нас называют жители старого мира. Зомби.

Хищник справа поднял руку, направив на меня черную штуковину. Я вспомнил название из старого мира.

Пистолет

Хищник направил на меня пистолет. Я решил, что просто так не умру и бросился на него, занося единственную руку для удара. Осталось сделать один хороший рывок, и я выбью из руки Хищника оружие. А потом сожру его и всех остальных.

Яркая вспышка прямо перед собой была последним, что я увидел в этом чудесном новом мире.

Тверитинов Алексей

Ушедший мир

1. Мой дед Михаил Иванович Тверитинов

Я родился спустя 19 лет, после того как моего деда Михаила Ивановича Тверитинова (1887 – 1932) не стало, и судить о нем могу лишь по рассказам своего отца, а также двоюродных теток и других родственников, родившихся до революции.

Дед мой в 7 лет остался круглым сиротой и рос в рязанском отцовском доме на Садовой улице в семье своего старшего брата Ивана Ивановича Тверитинова (1866 – 1915) в окружении веселой молодежи - племянниц и племянников - и был всеобщим любимцем. В доме, наполненном молодежью, царила атмосфера артистизма и розыгрышей. Сейчас трудно сказать, кто от кого перенял эту традицию розыгрышей – племянницы ли с племянниками от дяди или наоборот, – но это увлечение, зачастую разряжающее напряженность обстановки, всегда присутствовало в непростом характере деда. Вот пример из его ранней молодости, рассказанный мне отцом.

Деду с неким приятелем-однокашником предстояло осуществить какую-то поездку. Необходимо отметить, что приятель тот, имя его, к сожалению, не осталось в памяти, обладал солидной комплекцией в соединении с заметной скуповатостью. Желая проехаться за чужой счет, он, ссылаясь на безденежье, попросил деда купить ему билет на поезд. Разумеется за счет деда. Дед, конечно, не мог отказать ему в этом, но задумал шутку. Итак, было условлено, что дед приобретает для них на поезд два билета. Но при встрече на вокзале перед отправкой оказалось, что дед приобрел только один билет - для себя. Он объяснил это недоразумение тем, что они как-то недопоняли друг друга.

- Что же теперь делать? Как быть? – запаниковал приятель деда.

- Ничего. Поехали. Как-нибудь доберемся, – попытался успокоить его дед.

Сели, поезд отправился. Через некоторое время появляются ревизоры. Приятель в отчаянии заметался, и дед предложил ему спрятаться под лавку, что тот не считаясь со своей комплекцией, незамедлительно выполнил и проявил при этом неожиданную сноровку.

Но вот ревизоры подходят к деду.

- Ваш билет?

Дед, как ни в чем не бывало, достает из бокового кармана два билета и протягивает их ревизорам.

- Так. А где второй?.. Где Ваш попутчик?

- Да вот он там, под лавкою сидит.

- А зачем он туда залез?! - Изумились ревизоры.

- А кто его знает?.. - слегка пожав плечами, безразлично ответил дед.

Продолжая движение, долго потом вагон трясся... От смеха. При этом дедов приятель несколько не обиделся, смеялся со всеми и был очень доволен благополучным исходом дела.

Характер деда отличался большой оригинальностью, совмещая в себе прямо противоположные черты. Например, его удивительная легкость сочеталась с необыкновенным упорством и трудолюбием. В связи с трудолюбием и врожденной социальной активностью он был однажды курьезно награжден портретом Ленина с надписью: «Героею труда тов. Тверитинову М. И. Настоящий портрет преподносится в день 5-летнего юбилея Союза Работников просвещения за широкую общественную работу на фронте Народного просвещения». И дата: «29 июля 1924 года». Курьезность этого дара, становится очевидной, если вспомнить, что дед был монархистом. Причем не по каким-либо мировоззренческим соображениям. Он считал, что обязан быть таковым по одному своему происхождению.

Кроме того, склонность к экстремальным поступкам и совершенное бесстрашие в любых жизненных ситуациях сочетались у деда с интеллигентской мягкостью, простотой в общении, доброжелательностью и деликатностью. В нем, как говорил отец, было, по крайней мере, два разных человека.

Переходя к военному периоду, хочу завершить тему розыгрышей отрывком из фронтового письма деда от 21 февраля 1917 года. За кажущейся легкомысленностью этого да и других писем, проступили нелепость и бездарность общей обстановки на фронте, вызванные разлагающим влиянием большевизма. И все же цель письма – как-то успокоить близких во всеобщей зловещей обстановке того времени – как будто ничего и не происходит: «Милая моя Жenuшка! Сижy пока да посиживаю. Руковожу ловлей (живых – А. Т.) мышей. Очень интересное занятие... ..Мой прапорщик набрал мышей в банку, а затем и начал их запаковывать: кому в журнал, кому в газету, в книгу и т. д. и рассылать своим приятелям. Конечно, через час телефон еле выдерживает ругань. Заканчивается же все смехом». Вообще дед своеобразно воспринимал

фронтовую обстановку. Он имел рыцарское суждение о том, что находится в лучших условиях, чем его семья и близкие. Казалось, здоровье и бытовые проблемы родных его заботили больше, чем военные тяготы с возможностью быть убитым. А о своем быте он зачастую отзывался так, как будто находился не на войне, а на каком-нибудь курорте, в доме отдыха.

Начало войны застало Михаила Ивановича в Смоленске, где он жил с семьей и служил по распределению в учительском институте преподавателем физических и естественных наук после окончания Московского Императорского университета. Под Смоленском с июля 1914 года начал формироваться 222 Краснинский пехотный полк, куда и был мобилизован Михаил Иванович Тверитинов из запаса прапорщиков. 31 июля 1914 года полк в полном составе прибыл в крепость Ковно. Он входил в состав 56 пехотной дивизии 10 армии Северо-Западного фронта. В ведении полка некоторое время находился Виленский тыловой эвакуационный пункт, куда Михаил Иванович был временно назначен офицером для поручений и «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» на этом поприще, был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени¹. Далее продвижение полка шло по Восточной Пруссии. Полк был создан только на период войны и отнюдь не предназначался для штурмов и подвигов, так как числился резервным, второочередным. Однако, попав в 1915 году в окружение – «в мешок», на самое его дно, как пишет дед, полк оказался в непосредственном соприкосновении с противником. Но полку удалось из мешка с боями выйти и затем принять деятельное участие в «Виленской операции» и противостоянии «Свенцяньскому прорыву» немцев.

Так, в мае 1915 года полк успешно вел бои в районе местечка Велионы. В это же время Михаил Иванович был назначен командиром 12 роты. 27 июня 1915 года «за отличия в делах против неприятеля» Михаил Иванович был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»². В августе и сентябре полк вел бои в Виленском районе. В этих боях полк добился успехов, «заставив противника отступить с

¹ «Русский инвалид». – Пг., 1917. - № 19 от 20 января (пятница). – Официальный отдел. - С.3 (3-й столбец). – Высочайший приказ от 31 декабря 1916 г.

² РГВИА. Ф. 2386. Оп. 1. Д. 393. – Приказ по 56-й пехотной дивизии («По ВЫСОЧАЙШЕ предоставленной власти»). Л. 28 – 28 об.; то же, Д. 394. Л. 41 – 41 об., 1915 г. г. Холм. То же, «Русский инвалид». – Пг., 1916. - № 86 от 30 марта (среда). – С.1 (1-й столбец). – Утверждение награды Высочайшим приказом от 19 марта 1916 г.

занятых им позиций»³. Однако немцы предпринимали контратаки. Особенно запоминающимся для деда оказался бой 6 (в его день рождения) – 7 сентября 1915 года, в результате которого «наступление немцев было остановлено»⁴.

После наступления затишья полк снова занял свое место в резерве фронта. Ожидался приезд Императора. Для предстоящего Высочайшего смотра приказом по 56 дивизии от 17 ноября за № 150 от полка была сформирована сборная рота в составе 158 человек с тремя наиболее образцовыми офицерами: подпоручиком Александром Капуцким, прапорщиком Михаилом Тверитиновым – моим дедом и прапорщиком Алексеем Зекуновым⁵.

В 1916 году полк участвовал в боях при реках Грабарка и Серет, у деревень Усичи, Шашковщина, Инница, в районах Прончейков-Дорохи, Сувозди-Лужаны, у деревень Бороковщина и Явидовщина, позже в районах реки Стрыпы, озер Тресно и Долгое, окрестностях местечка Рудня⁶. Надо полагать, что Михаил Иванович Тверитинов, продолжая командовать ротой, в составе полка участвовал во всех этих делах с неприятелем.

Столь подробное, взятое из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), описание действий полка я привожу в связи с отсутствием в этом архиве послужного списка деда. Это связано с тем, что, как мне объяснили сотрудники РГВИА, он был мобилизован из запаса и не являлся кадровым офицером. Но разрозненные сведения о Михаиле Ивановиче Тверитинове всё же встречались в архиве довольно часто. Кроме того, в нашей семье среди прочих документов сохранился подлинный военно-учетный билет деда за № 74/73, выданный Раненбургским военкоматом 27. 02. 1926 года в ходе кампании по учету бывших царских офицеров, которая, как известно, закончилась в отношении подавляющего большинства из них жестокими репрессиями. В этом документе отмечено, что дед в рядах Красной армии не служил. А в «старой армии» показано его следующее прохождение службы: 16 июля 1914 года призван из запаса в чине прапорщика по мобилизации и назначен младшим офицером роты; 3 февраля 1916 года произведен в

³ РГВИА. Ф. 2835. Оп. 2. Д. 154.

⁴ РГВИА. Ф. 2835. Оп. 2. Д. 19. Л. 11, 14 об. – Журналы военных действий; Письма М. Т. № 2 от сентября 1915 г. и № 3 от 27 октября 1915 г.

⁵ РГВИА. Ф. 2835. Оп. 2. Д. 20. Л. 11 – 11 об., 1915 г.; Письмо М. Т. № 3 от 27 окт. 1915 г.

⁶ РГВИА. Ф. 2835. Оп. 2. Д. 38. Л. 1, 68, 83; Д. 141. Л. 28, 34, 50, 83, 132, 145, 254.

подпоручики⁷ и в ноябре того же года – в поручики⁸; 20 июня 1917 года вследствие 3-х ранений переведен заведующим хозяйством перевязочного отряда; 6 января 1918 года уволен в запас как учитель. А в марте 1918 года был расформирован и сам 222 Краснинский пехотный полк.

Примечательно, что в этом оригинальном дедовом документе – военном билете 1926 года, среди прочих сведений есть пункт о национальности, где написано: «Великоросс». Когда я делюсь своим «открытием» с друзьями и знакомыми, – никто не верит в существование такой записи в официальном документе. Ведь великоросс для современников – что-то далекое и мифическое. Сейчас уже никто из русских людей и не помнит и не подозревает, что они, в сущности, великороссы. В ходе денационализации были и «советские люди» при Хрущеве и Брежневе и «россияне» при Ельцине – люди, живущие на территории России и, на худой конец, просто «русские». Меня охватывало иной раз чувство досады на беспамятство соотечественников и обиды на историческую дискриминацию. Ведь все народы нашей многонациональной страны имеют свою национальность, дающую ответ на то, кто ты есть. И только русский человек без национальности, и существует как прилагательное, потому, что он не «кто?», а «какой?».

Но со временем я вдруг осознал, что понятие «русский», это не что иное, как особое качество, объединяющее единым духом всю российскую многонациональность, – можно принадлежать любой нации и при этом быть русским. Русский – это качество! В этой мысли меня поддержала когда-то давным-давно произвольно брошенная фраза моего коллеги, – еврея по национальности. Разбирая как-то одну из конфликтных ситуаций в коллективе, он воскликнул: «Что же они так поступают не по-русски!».

Суть этого качества – отдельная тема...

Основным источником информации об участии деда в Первой мировой войне являются его частично сохранившиеся фронтовые письма, адресованные в основном его жене – моей бабушке – Анне Петровне, урожденной Перовой. Писались они на одном дыхании, без оглядки на какую-либо стилистику. Кроме проявления человеческих

⁷ Высочайший приказ от 31 января 1916 г., опубликованный в Официальном отделе «Русского инвалида» от 11 февраля (четверг) 1916 г. за №40. – С. 2 (2-й столбец). – Прапорщик Краснинского пехотного полка Михаил Тверитинов произведен в Подпоручики со старшинством с 24 сентября 1915 г.

⁸ Высочайший приказ от 26 октября 1916 г., опубликованный в Официальном отделе «Русского инвалида» от 11 ноября (пятница) 1916 г. за №302. – С. 2 (1-й столбец). – Подпоручик Краснинского пехотного полка Михаил Тверитинов произведен в Поручики со старшинством с 27 июня 1916 г.

особенностей автора в письмах присутствует и уникальный исторический колорит того непростого времени. Ниже предоставляю некоторые из них, с адаптацией к современной орфографии, то есть без «і», «ять» и «ъ»; в некоторых случаях «з» заменено на «с». Остальные особенности орфографии по возможности сохранены.

После демобилизации в 1918 году Михаил Иванович вернулся на прежнее место работы в Смоленский институт, теперь уже переименованный из учительского в педагогический. На создавшемся тогда общем послевоенном уровне образованности дед выделялся своей блестящей подготовкой даже в самой преподавательской среде, и это было естественно, так как в университете его учителями были: Дмитрий Николаевич Прянишников, Владимир Иванович Вернадский, Иван Алексеевич Каблуков, Сергей Николаевич Реформатский и Николай Дмитриевич Зелинский. В нашей семье сохранилась зачетная книжка деда с автографами этих выдающихся ученых. Вскоре дед показал такие результаты в своем деле, что вопреки всем правилам он был назначен на должность профессора, и это избавило его от неизбежного вовлечения в дела Красной армии⁹. Сам он относился к своему профессорству с иронией, считая его незаслуженным. Тем не менее, такой факт был, и был он в то время явлением не единичным.

Со временем Михаилу Ивановичу удалось перебраться поближе к родным местам, в г. Раненбург, Рязанской губернии. Родовое рязанское имение Танинское к тому времени уже было отобрано советской властью и «пущено под откос». Вся семья собралась в просторном и многолюдном раненбургском доме дедова тестя Петра Ивановича Перова (1855 – после 1918) - протоиерея Троицкого собора и благочинного церквей г. Раненбурга (с 25. 07. 1913). К дому примыкал большой двор с обширным сказочным садом. В 1919 году дед был избран на должность председателя правления Раненбургского пединститута¹⁰ – как тогда называлась должность ректора. По собственной инициативе он организовал на территории раненбургского сада опытный участок для практических занятий со студентами по прививкам и агротехнике плодовых культур и биохимии растений.

Живя в Раненбурге, Михаил Иванович целиком посвятил себя делу народного образования и просветительского движения¹¹. Одновременно

⁹ Личный архив. Профессорское удостоверение Михаила Ивановича Тверитинова за № 993 от 16 июня 1919 года, г. Смоленск.

¹⁰ Краеведческий календарь «События и даты Липецкого края». Тверитинов Михаил Иванович (1887-1932) <<http://lounb.ru/calendar/all-dates/tveritinov-mikhail-ivanovich-1887-1932>>; Краеведческий календарь «События и даты Липецкого края». Раненбургский педагогический институт (1918) <<http://lounb.ru/calendar/all-dates/ranenburskij-pedagogicheskij-institut-1918>>

¹¹ Личный архив. Отзыв губернского отдела народного образования от 2 сентября 1927 г. за №015/532

с выполнением прямых обязанностей он заведовал краеведческой организацией¹² и культурной деятельностью Союза работников просвещения¹³. Особое внимание Михаил Иванович уделял просветительской работе в далекой от политики области естествознания¹⁴. В нем пока еще нуждались, и это как-то отдаляло неотвратимость репрессии.

Михаил Иванович скончался в 1932 году, когда ему было 44 года, от чахотки, которую приобрел на войне. Кто знает, может быть, дед, как бывший офицер и потомственный дворянин, именно своим преждевременным уходом из жизни и спас свою семью от неизбежного клейма «врагов народа» и расправы.

Как-то в 1970-х годах, находясь в гостях у родственников матери в г. Чаплыгине Липецкой области, что раньше было городом Раненбургом Рязанской губернии, я зашел в местный краеведческий музей и обнаружил в составе его экспозиций фотографию деда с информацией о его деятельности.

Значит, помнят...

ПИСЬМА (ВЫБОРОЧНЫЕ) С ПЕРВОЙ МИРОВОЙ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ТВЕРИТИНОВА

1. *«Милые мои и дорогие папа, мама, бабушка и Аничка с Лене́й и Димой¹⁵. При всем моем старании, я не мог выбраться к вам, чтобы обнять вас и благословить детей. Но, во всяком случае, особенно беспокоиться нечего, т. к. я назначен в запасный полк и может быть он совсем не пойдет в бой или, во всяком случае, не скоро. Пишу Вам письмо и все-таки не знаю, куда я еду. Знаю, что на запад и где-то остановимся, но где – в Ковно или Вильно – ничего неизвестно. Так или иначе, но будем сначала стоять в городе. Адрес же мой: 222-ой пехотный Краснинский полк, в канцелярию, прапорщику 6-й роты. Если бы Вы знали, как мне грустно уезжать не простившись, но что же делать – в военное время мне никуда из лагерей нельзя, а тебе, моя дорогая Аничка, приехать и совсем нельзя было. Ведь теперь ходят*

т/23 г. Рязань.

¹² Личный архив. Удостоверение-отзыв Раненбургского отделения Союза работников просвещения за № 558 от 5 сент. 1927 г.

¹³ Личный архив. Удостоверение-отзыв месткома Союза за № 133 от 5 сентября 1927 г.

¹⁴ Личный архив. Удостоверение-отзыв за № 258 от 14./VII. - 24 г.

¹⁵ Имеются ввиду: тесть Петр Иванович Перов, теща Олимпиада Петровна, ее мать Анна Алексеевна Аманова, жена Анна Петровна и сыновья Алексей и Дмитрий (отец автора) Тверитиновы.

почти одни воинские поезда. Смоленск – тыл нашей армии и что здесь делаться будет одному Богу известно. Почти все учебные заведения пойдут под раненых. Вещи перевезут в институт, и ты не беспокойся за них. Сохраний. Продать же не стоит. Ведь я надеюсь, что мы с тобой увидимся и проживем великолепно. Не правда ли? Да, кроме того, и тяжело будет тебе продавать их. Не говоря уже о цене – за них ничего не дадут, но будет казаться, что все кончено, хотя в сущности никакой опасности нет. Пиши обо всем откровенно и почаще. Давай хоть перепиской каждый день видеться... Ты меня любишь и я тебя, поэтому не горюю. Место в институте оставлено за мной и поэтому мирно проживем в Смоленске. Не расстраивайся ради Бога, пожалей себя. Помни, что мы нужны нашим родным детям. Я все-таки пожалуй, и не выдержал бы и вызвал тебя, но ведь ты так была расстроена в Раненбурге, что в Смоленске свалилась бы под поезд и уже, наверное, слегла бы. Да и со мной не знаю, что было бы. Что касается денег, то будешь получать не меньше, чем прежде из института 120 или 130 руб., да, кроме того, я буду высылать тебе руб. 75, не знаю, больше я, вряд ли буду в состоянии. Всего жалованья мне будет рублей 100. Мне не дали ста рублей при поступлении, и мне не хватило на обмундировку. Ведь теперь [] так и рвут.

Пока. До свидания, опять повторяю, что не огорчайтесь, Георгиевским кавалером я не вернусь, т. к. придется где-нибудь отсиживаться».

2. «Милые мои и дорогие!»¹⁶

Пока еще жив и здоров, надеюсь, и дальше будет то же. Дела наши идут пока недурно. Во всяком случае «мешок» немцам не удался, да еще им досталось порядочно. По крайней мере, 14 они так поспешно отступали, что растеряли свои зарядные ящики и орудия. Дух у нас теперь бодрый. Дивизия пока еще на отдыхе, но сегодня, кажется, идем на позиции. Не пугайтесь. Сидеть в окопах не представляет почти никакой опасности. Погода дивная. После холодов и дождей, кажется, и не могло быть такой погоды. Ходим в рубашках, а на ночь даже раздеваемся и иногда еще сидим на бревнышках и беседуем. Голодны не бываем, а вот папирос и табаку – одно горе. Попробуйте, пожалуйста, выслать еще 1000 папирос, авось дойдет. От Вас писем

¹⁶ Письмо адресовано Перовым и относится к сентябрю 1915 года.

не получаю. Вчера была почта, но мне ни одного письма и никому нет с той стороны. Из Петрограда есть.

Теперь почта, по всей вероятности, наладится. Почтальон поехал за ней по городам, но еще не возвращался. Да и не могло быть никакого порядка при отступлении. Ведь немцы взяли нас в мешок – на 90 верст в глубину, а выход был всего на 30 верст. А в самом дне была наша дивизия. Как шутят – Вильгельм зачислил нас на довольствие и приготовил поезд для нашей отправки, но дело не вышло, а вместо этого немцы сами попали к нам на довольствие¹⁷.

Как раз сейчас получил от Вас одно письмо, да еще со вложением фотографической карточки. Вот была радость для меня, да и гордость за сына. Леня радовался и прыгал, что у меня лошадь? Передайте ему, что у меня теперь есть действительно собственная лошадь. Поймали солдаты на позиции. Должно быть немецкая, так как мы в то время постреляли немецкий разъезд. Ничего себе жеребец – лет 4.

Действительно, Командир дивизии представил меня к Владимиру 4-й ст.¹⁸ за бой с 6 по 7 сент. Если награда эта пройдет, то будет хороший подарок в день именин. Да больше мне и никаких наград не надо будет. Очередная – это все не то.

Передайте Ане, что приписками она не отделается. Пусть пишет большие письма. Интересно, на сколько продали всего сена с овсом в Танинском¹⁹, и почему продавали. Если Аня с ребяташками еще в Танинском – напишите, пожалуйста, ей. Она писала, что в первых числах сентября едет в Москву, и где она теперь – не знаю.

Спасибо, мама, за Ваши письма, они меня немного утешают. Крепко всех целую. Ваш МТ».

3. От 27 октября 1915 г.

«Папа наверно узнает свои конверты и бумагу.

Милая моя Аничка!

Ты мне писала, что переехала в Раненбург. Дорогая моя, не лучше ли будет тебе снять квартиру и жить самостоятельно. Обстановка теперь есть. Мне кажется, что слишком уж будет шумно и беспокойно старикам. Папа, как писала мне Варвара Петровна, начал

¹⁷ В письме отражены события, связанные с «Виленской оборонительной операцией» и противостоянием «Свенцянского прорыву» немцев.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2835. Оп. 2. Д. 62. Л. 119. – Полевые книжки командира полка.

¹⁹ Танинское – древнее родовое имение Тверитиновых. Михаил Иванович стал последним из Тверитиновых, родившихся в Танинском.

сильно прихварывать. Про бабушку и говорить нечего. Что касается мамы, то ведь у нее тоже силен только один дух, а тело немощно. А ведь им и приткнуться негде, чтобы хоть немного отдохнуть днем. Да и ночью покоя нет. Тебе тоже нужна отдельная комната для работы над сочинением. Поэтому подыскивай себе квартиру и переселяйся. Ведь и вещей-то, должно быть девать некуда. Весь дом заставлен ими. Надо дать покой хоть теперь. Нервы Варвары Петровны тоже надо пощадить. (И это он пишет, будучи сам на войне! – А.Т.).

Пиши мне, голубка, и, надеюсь, что ты сообщишь, что квартиру уже сняла. Пиши почаще. Тебе можно писать каждый день...

Я живу по-прежнему. По-прежнему командую ротой, что хоть немного отвлекает меня от грустных дум о Вас. Ведь с командованием связано много хлопот, на первый взгляд и мелочных, но очень важных для солдат. Большое получаю иногда нравственное удовлетворение, когда присылают письма мои раненые сотоварищи, безграмотно написанные, но полные теплого чувства.

Ждали Государя и деятельно готовились к встрече, но, оказывается, на смотр полк не пойдет, а выделит сборную роту по 13 нижних чинов от каждой роты, преимущественно георгиевских кавалеров, при трех офицерах. Одним из офицеров назначен командиром полка и я. Честь высокая быть представителем полка, но, мне кажется, незаслуженная. Занят сборами. Надо одеться и просто и прилично. Время идет так незаметно и так покойно, как будто бы находишься не на войне, а где-нибудь в лагерях в мирной обстановке. Только изредка буханье орудий напоминает о настоящем. Дух в войсках бодрый, несмотря и на выступление Болгарии. Состояние материальной части, по крайней мере, в нашем полку, блестящее. Сапоги почти у всех совершенно новые. Шинели выдали тоже с иголочки. Вообще повоюем! Не беспокойся, Аничка, обо мне. Господь не выдаст, немец не съест. Три раза Бог спасал меня. Теперь формируются химические команды. Хочу и я подать рапорт, но как-то жалко расставаться со своими молодцами. Не шутка – 4 месяца провести в такой обстановке с ними. Они меня знают и я – каждого из них со всеми недостатками. Они мне дали и представление к Св. Владимиру и вот теперь итти на смотр к Государю. А если бы ты знала, как они отнеслись к моей контузии. Когда на другой день сменились – прибежали навестить в околоток и все: “Скорее к нам, Ваше Благородие!” Ужасный день был. Я находился с ротой в резерве, и

приказано было утром идти на поддержку. В четырехстах шагах от немецких окопов. Они из винтовок били на выбор. Ну, да все хорошо, что хорошо кончается.

Послал две каски Алексею Венедиктовичу. Жалко не могу переслать в Раненбург ребятам. Да теперь и нет их. Надо опять дожидаться боев. Во время нашего наступления ими хоть пруд пруди было. Бросали. Ну, пока довольно, и так разболтался. Крепко целую тебя, моя милая женушка и своих ребятишек. Передай Лене, что открытки кончились, а новых достать не могу – негде. Поэтому наша с ним переписка кончилась на время. Крепко целую Папу, бабушку и маму. Целую мою милую куму и ребятку. Воображаю, как они выросли и похорошели.

Ваш МТ.

Пиши чаще и откровеннее о своем здоровье.

Пиши на 12 роту, несмотря на печать 9-ой роты. Моя печать потерялась. Не нервничай.

Я здоров как никогда».

4. «Милые мои и дорогие! Сегодня уже “хуже”, как говорят солдаты. Проснулся ночью, а подо мной лужа. С трех часов ночи зарядил дождик. Вот как крепко спал. Встал только, когда шинель промокла насквозь. Сейчас же пришлось разбивать палатку. Встали. Солдаты развели костер, наломали нам сосновых сучьев и даже просушили их над костром. Постелили и опять спать. Да ведь какая роскошь на этих сучьях лежать. И мягко и запах дивный. Все-таки солдаты никак не могут согласиться, как я ни стараюсь, что я такой же, как они. Считают, что я и простудиться могу скорее и “харч” должен быть для меня другой и т. д. Вчера у нас не было сахара и им тоже не выдавали дня два, но все-таки достали несколько иссосанных кусков и все настаивали, чтобы я “внакладку”. Сейчас лежу в палатке – делать абсолютно нечего. Собираюсь съездить в Белосток. Поеду в баню, а то насекомые начинают пробираться. Солдаты вываривают их в котелках, из которых потом и едят. Ну да на походах на это внимания обращать много не приходится. Лишь бы сыт, одет и ладно.

Вчера был прекрасный вечер. На поверке поют «Отче Наш» и «Спаси Господи Люди». Произвело сильное впечатление. Громадные сосны, тишина, уже темно. Костры кое-где, и поют то там, то здесь молитвы. И вдруг сегодня пасмурно, холодно даже, немного голодно. Зато чай можем сервировать настоящий. Есть и шоколад, и ландрин и клюквенный экстракт и все, что угодно. А обед сервируется – котелок

со щами и горчица. А все-таки сытно, хотя и без разносолов. Кажется, скоро двинемся вперед. Пишите мне почаще. Всех крепко целую. Всем привет. Ваш МТ»²⁰.

5. «Милая моя женушка!

Сижу пока да посиживаю. Руководжу ловлей мышей. Очень интересное занятие. Обтянули потолок палаткой. Положат туда кусочек сальца, - глядь мышонок и выскочет, тут его и изловят. Мой прапорщик набрал мышей в банку и затем начал их запаковывать: кому в журнал, кому в газету, в книгу и т. д. и рассылать своим приятелям. Конечно, через час телефон еле выдерживает ругань. Заканчивается же все смехом. Прямо завидно смотреть на молодых. Откуда только берется энергия. И в роту сбегает, и секреты облазает. Все это конечно мне на руку.

Еще у нас новость и довольно печальная – уходит командир полка²¹. Получает генерала и бригаду. Уже ожидаем нового командира. Очень жаль старого. Свыклись с ним, да и прослужить вместе столько времени, да в такое время – тоже не шутка. У ротных командиров отбирают лошадей. Что я буду делать на походах и сам еще не знаю. Придется присмотреть себе какую-нибудь клячу. Вот тебе и все мои новости. Федор²² всем кланяется. Теперь со мной опять отошел и принял приличный вид. Опять с фельдфебелем запанибрата и иногда покровительственно похлопывает его по плечу с сигаркой в зубах. Не научил его видно горький опыт, когда фельдфебель ему отплатил за сигарки в мое отсутствие.

Как давно, кажется, я Вас не видел мои родные, а ведь прошло чуть побольше месяца. Скорее бы наступило лето, а там опять увидимся. Может быть в Танинском. Крепко всех целую. Пойти надо погулять по окопу, а то окончательно разжирею и потеряю талию.

Ваш МТ. Как Леня учится? Передай ему, что, если он будет себя хорошо вести, я ему выпишу журнал.

1917 года, 21 февраля».

II. Несколько слов об отце

Поскольку вся основная информация о деде досталась мне от моего отца Дмитрия Михайловича Тверитинова (3. 09. 1913 – 5. 03. 1993),

²⁰ На почтовой печати дата: 10. 8. 16. Адресовано Перовым.

²¹ Полковник Александр Брониславович Рудзский. (19. 10. 1867 - ?)

²² Денщик Михаила Ивановича.

было бы непорядочно с моей стороны не упомянуть о нем самом хотя бы в нескольких словах.

Трудно избежать субъективной оценки человека, который приходился тебе отцом, и еще трудней написать о нем кратко. Но чем дольше живу и чем лучше познаю жизнь, тем большее восхищение в моей памяти вызывает его образ.

Начну с того, что хотя и существует мнение о принципиальной невозможности аристократизма²³ в нашей стране в силу сложившегося социального строя, отец, чувствуя себя внутренним эмигрантом, все же был самым настоящим аристократом до мозга костей. Я это осознал далеко не сразу, а лишь спустя долгие годы, после того как отца не стало. Да и сам отец никогда и не подозревал в себе никакого аристократизма. Он просто им был по своей естественной сути. Лишь теперь я понял, что имел дело с настоящим живым реликтовым аристократом. Не перечисляя присущей этой категории признаков, скажу только, что это качество отца проявлялось во всех сферах его жизни, от главного до мелочей: писал ли он научные статьи, пилил ли и колол дрова, философствовал ли, доказывая существование Бога, работал ли в саду и огороде, исполнял ли старинные романсы, аккомпанируя себе на гитаре и т. п. Кстати, именно необычайной музыкальностью отец и покорила мою мать – профессионального-то музыканта.

Отец мужественно и сдержанно переносил все жизненные невзгоды, источал искреннюю доброжелательность ко всему миру и людям, находясь над реальностью, над земными проблемами и над

²³ У автора этих строк есть свое мнение по поводу аристократизма, который часто ошибочно отождествляется с интеллигентностью. При, казалось бы, внешнем сходстве этих качеств, между ними существует огромная разница, вплоть до противоположности. Аристократ – человек, уважающий себя, а значит - и свой род, и свою страну, и свой народ, свою историю, корни, традиции. Он свято чтит религиозные ценности. Отсюда произрастают патриотизм и любовь к Родине, жажда ощущать её величие и славу.

Интеллигент же, как и подобает человеку умственного труда, наоборот, зачастую имеет критическое отношение ко всему вообще и, как думающий человек, сомневается абсолютно во всем. Еще совсем недавно в историческом девизе «За Веру, Царя и Отечество», он видел: в вере – архаический предрассудок и мракобесие, в монархии – тиранию и самодурство, в Отечестве – национализм. Иногда критическое мышление приводило его в непримиримую оппозицию по отношению к государству, доходящую вплоть до конфронтации к различным проявлениям общественной и политической жизни страны. Так, интеллигент, порою невольно, а иной раз и сознательно своими благими намерениями стимулировал разрушение государственности, подталкивая страну в адскую пропасть. Подобное мировоззрение с патриотизмом и аристократизмом не может иметь ничего общего и содержит в себе немало далеких от симпатии веских оснований.

Не берусь судить – что во всем этом хорошо, а что плохо. Но эти личные выводы сделаны мной на основании исторических наблюдений, прослеженных вплоть до современных веяний.

всякой излишней эмоциональностью. Я с детства чувствовал исходящие от него спокойное бесстрашие и твердую мужественность. О его легендарной невозмутимости в нашей семье сохранилось немало легенд.

Отец, несмотря на состояние здоровья, никогда не брал больничного и ни разу никуда не опоздал. Причем он никогда и не спешил. Но почему-то всегда и во всем оказывался первым. Все движения отца отличались природной неторопливостью. Сам он отшучивался на вопросы по этому поводу, ссылаясь на демонстрацию им химических опытов студентам, что как бы автоматически вырабатывает плавность и аккуратность движений. Речь отца так же отличалась сдержанностью и неторопливостью. Как-то его спросили:

- А почему Вы так медленно говорите?

- Видите ли, я работаю лектором, и мне платят не за количество произнесенных слов, а за часы, - отшутился он.

Никто и никогда и ни при каких обстоятельствах не слышал от него ни одного грубого и тем более бранного слова. И трудно представить, чтобы отец на что-нибудь пожаловался, посетовал или выразил неудовольствие. Обычно в соответствующих случаях от него следовала тягучая сакраментальная фраза: «Ну, ничего».

Мучаясь перед смертью, отец не только не высказал ни слова жалобы на свое здоровье, но и категорически отметал любые вопросы о самочувствии. Вместо всего этого он тихонько пел... Когда однажды пришедшая врач спросила его, как он себя чувствует, отец ответил:

- Хорошо. А как Вы себя чувствуете?

И, то ли, находясь в полузабытьи, то ли в шутку, добавил:

- Простите... Я без галстука...

Трудовую деятельность отец начал с 17 лет учителем сельских школ после окончания Раненбургского педтехникума. Лишившись вскоре отца, он стал основным материальным помощником своей матери. Преподавал весь спектр школьных дисциплин. Заочно Дмитрий окончил Тамбовский пединститут. Был учителем и завучем Кривополянской средней школы, затем инспектором Раненбургского РОНО.

В 1950 году добросовестный работник был замечен и переведен в Рязанский ОблОНО на должность инспектора школ рабочей и сельской молодежи. В 1953 году за успехи на этом поприще Дмитрий Михайлович был награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения» и орденом «Знак Почета». В 1956 году отец был переведен в Рязанский Институт Усовершенствования Учителей (ИУУ) на должность методиста

по химии, а затем заведующим кабинетом педагогики. Руководители подшефных Дмитрию Михайловичу школ с большим огорчением приняли его уход, считая его лучшим из инспекторов.

- Ведь он никогда не повышает на нас голос, но скажет хотя и тихо, но так веско и значительно, что нам становится стыдно.

Творческое отношение к инспекторской работе позволило отцу попутно собрать исходный диссертационный материал. Работая затем в ИУУ, он заочно окончил аспирантуру и в 1963 году защитил кандидатскую диссертацию. В том же году мы переехали в Ульяновск, в связи с тем, что отец был принят там в пединститут на должность доцента кафедры химии как прошедший по конкурсу.

В Ульяновске отец продолжил свои научно-педагогические опыты, организовав для этой цели в ряде школ специальные «экспериментальные» и «контрольные» классы. Он разработал и применил новую систему обучения химии, принципиально отличавшуюся от существовавшей, и доказал ее исключительную эффективность. Я сам был участником экспериментальных уроков по системе отца, которые у нас в 9-10 классах 33 школы проводила учительница химии Вера Ивановна Иванова. Я ощутил на себе мощное влияние этого нового направления в обучении. У меня даже вдруг на какое-то время проснулся интерес к химии, который я так тщетно пытался найти в себе раньше. И, как потом выяснилось, подобных случаев с учениками оказалось множество. Весь фокус этой методики заключался в соотношении категорий «знание» и «понимание». То есть цель ее состояла не столько в простом приобретении знаний, сколько в овладении глубоким пониманием предмета. Я даже как-то однажды принял участие в химической олимпиаде. Надо заметить, что все химические олимпиады, а также разнообразные химические кружки организовывались в Ульяновске моим отцом, за что он имел ряд благодарностей от администрации и признательность от общественных организаций.

Но в то время меня все же больше увлекали спортивные занятия.

Между тем, по результатам нового направления отцом была подготовлена докторская диссертация на тему: «Проблемы воспитания диалектического мышления в процессе обучения химии в общеобразовательной средней школе». Диссертация получила ряд положительных рецензий и отзывов. Однако до защиты дело не дошло. Возник ряд препон, исходящий из Академии педагогических наук. Видимо эта диссертация кому-то там сильно встала поперек дороги.

Отец же занимался своим делом ради самого научного увлечения. И даже после того как Академию педагогических наук ликвидировали, он не стал возвращаться к защите. Все свои идеи он, так или иначе, изложил в своих научных публикациях – книгах, брошюрах и статьях. Их больше шестидесяти. Но все они лишь грань, очерченная рамками его специальности. В целом же спектр энциклопедических знаний и начитанность отца были столь широки и глубоки, что я всегда мог получить от него исчерпывающий ответ на любой вопрос.

Всего отец проработал на ниве просвещения 55 лет. В семейном архиве кроме написанных им книг остались три портфеля с грамотами и правительственными наградами, среди которых, кроме указанного выше ордена есть медали: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие» и многие другие. В 1983 году Министерство просвещения СССР наградило отца нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР».

В 1993 году отец ушел из жизни, а вместе с ним безвозвратно ушел и неповторимый уникальный колорит его незаурядной и талантливой натуры.

Бывший мир отца и деда продолжает будоражить воображение своей загадочной душевной притягательностью. Он уже никогда не вернется, и это заставляет задумываться и волноваться о мире будущем. А сможет ли красота старого мира спасти мир грядущий?..

Анна Логинова Трушкова

Фото

Она: "Здравствуйте, Вы, наверное, меня не помните? А я Вас очень хорошо помню, правда, я училась в параллельном классе, дружила с Валею А. и часто была в Вашей компании".

Он: "Спасибо Вам за память! Я чрезвычайно тронут Вашей отзывчивостью! Вы не назвали, к сожалению, своего имени".

Она: "Я - Аня, училась с Наташей К. с первого класса, она у Вас есть на фото, а потом где-то в 7-м наш класс расформировали, и я оказалась в другом классе. Это давнишняя школьная история... После 9 класса мы все были в спортивном лагере за Волгой, в Белом Яре, жили в палатках. Я увидела ваши фотографии с Таней К., и мне захотелось написать Вам. Помню, девчонки говорили между собой: "Какая у Алика красивая фигура", - Вы ведь, кажется, борьбой занимались? Извините, Алик, что так много написала".

Он: "Спасибо, Аня! Все так, все так! Это все школьные впечатления, и все же приятно вспомнить через много-много лет. Душа растаяла от воспоминаний! Очень Вам благодарен! Какие же мы были тогда молодые и совсем другие!.. (Но девчачьих комплиментов не помню). Спасибо Вам за сердечную радость! С наступающим Вас Праздником 8 Марта! Всех Вам
благ!"

Она: "Да, мне тоже приятно вспомнить школьные годы!! Спасибо за поздравления!!! И Вам желаю отличного весеннего настроения".

Я не стала писать ему о том, что всегда оказывалась рядом, где бы он ни был там, в лагере. Он был центром притяжения многих девчонок школы. Обаятельный, веселый, интеллигентный парень. От него исходила какая-то спокойная уверенность. Он не мог не нравиться! Меня он не замечал или делал вид, что не замечал. Во всяком случае так мне казалось. Подойти и сказать ему о том, что влюбилась, я не могла. Может быть, кто-то и мог, я – нет! И сейчас, по прошествии многих-многих лет, зачем ему знать обо мне, о тех чувствах, которые испытывала к нему в те далекие школьные годы? В этой короткой переписке я поняла, что не заинтересовала его, что он просто тактично отвечал на мои вопросы. И я замолчала. Наша переписка прервалась надолго.

Спортивно-туристический лагерь "Салют" был на берегу Волги. Мы прибыли туда целыми классами нашей школы. Это был необыкновенный лагерь. Воспитателями у нас были наши учителя, инструкторами – выпускники школы, чаще всего спортсмены. Начальник лагеря – наш

любимый и всеми уважаемый учитель физкультуры Иван Дмитриевич. Это был уникальный человек, заслуженный учитель РФ, организатор всех спортивных мероприятий школы. Он писал стихи, о чем мы тогда не могли догадываться. В те годы, годы нашей учебы, школа по праву занимала призовые места в районных и городских соревнованиях, неизменно становясь победителем.

В лагере мы жили по-походному, в палатках. Столовая - на открытом воздухе под навесом. Возраст у всех был комсомольский, однако, лагерный флаг поднимали, как и положено каждое утро. Горн будил и звал нас на всеобщую зарядку, а вечером звучал отбой. Были и тревожные сигналы экстренного сбора – все это мы узнавали по особым звукам горна. Каждый день в лагере проходило что-то интересное: спортивные соревнования между отрядами, конкурсы инсценированной песни, ориентирование на местности, вечерние танцы и многое другое. Ну и, конечно, не обходилось без походов по местам боевой славы. Вокруг лагеря располагались деревеньки, в которых жили участники Великой Отечественной. В 60-е годы прошлого столетия часто организовывались встречи с ними. Отдых на берегу Волги, где мы купались и загорали, иногда переправлялись на некий "необитаемый" остров на катерах и лодках, был разнообразным и увлекательным. Имелась в лагере и банька. Выстроена она была по типу землянки. И так как она была одна, совершенно естественно, существовали определенные дни для девочек и мальчиков. Как-то во время девичьего мытья у нас погасли лампочки, видимо кто-то случайно брызнул на них водой. В это время мальчики "паслись" рядом – они подносили к бане дрова. Первым, кто пришел нам на помощь, был Алик. Когда он вошел в предбанник, естественно, визгу было много. Алик невозмутимо заявил: "Девчонки, вы не обращайте на меня внимания. Я сейчас быстро все исправлю". Позднее мы долго вспоминали этот случай и смеялись.

У меня было много друзей в другом отряде, т.е. в параллельном классе, где учился Алик. Так получилось, что и в походе мы оказались рядом в одной группе. При возвращении в лагерь на обратном пути решили отдохнуть. Развели костер, мальчишки быстро справились с заданием – умение разводить костер с одной спички, ставить палатки по времени входило в программу соревнований. Наш инструктор Александр скомандовал отбой на отдых. Мы прошли 12 км до деревни, где встречались с ветеранами ВОВ, и обратно те же 12 км. Устали. Все расположились неподалеку от костра. Я выбрала себе замечательное местечко рядышком с костром, положила в углубление еловые лапы, и быстро уснула. Проснулась оттого, что кто-то прислонился к моей спине,

– вдвоем стало теплее. Подумала: "Вот бы это был Алик!" Но это был наш инструктор Александр. Легкое разочарование быстро прошло – отдых был недолгим. Все проснулись и были готовы продолжить обратный путь в лагерь...

...Прошло полтора года с первых слов нашей с Аликом переписки. Я снова вспомнила о нем, когда рассматривала школьные фотографии. Многие годы в моем альбоме хранилось его фото. Мне оно было чрезвычайно дорого, как память о школе и моей первой любви. Тем более, я никогда не забывала, как это фото оказалось у меня.

А дело было так. В школе я училась отлично и была первой ученицей вплоть до десятого класса. В сентябре, когда мы пришли в школу, вожатая позвала учащихся помочь оформить стенгазету – отчет о походах по местам боевой славы. У меня был красивый почерк, и, конечно, я оказалась в группе оформителей. Нам предоставили много готовых фотографий, где группы школьников запечатлены с ветеранами, но были и негативы. И тут на маленьком кусочке фотопленки я увидела Алика. Неожиданно для себя, не задумываясь о последствиях, я спрятала этот негатив в свой карман. Мне с неистовой силой захотелось получить ЕГО фото! Что со мной произошло? Как я, такая скромная и нерешительная в проявлениях чувств, могла совершить такой опрометчивый поступок? Отличница! Необыкновенно послушная и правильная девчонка, и вдруг – такое... Вокруг все всполошились, стали искать пропавший негатив, хотели даже обыскать друг друга, чтобы найти пропажу. Предлагалось всем вывернуть карманы. Я тряслась от страха – вдруг обнаружат, что это я взяла? Какой позор!! Кровь гулко пульсировала в висках. В голове мелькали сумасшедшие мысли одна за другой. Сознаться? Нет, отступить я и не думала!..

- Будь, что будет! – отчаянно решила я.

...Через несколько дней брат, печатая фото с этого негатива, спросил: "Сколько тебе их сделать?".

- Десять.

- Зачем тебе столько?.. Ты влюбилась?!

Что я могла ответить ему? Завороженная - я смотрела, как проявляются контуры лица, глаза, губы любимого парня, и не могла оторваться от этого волшебства...

Прошло много лет после окончания школы, но каждый раз, перебирая школьные фотографии альбома, я подолгу смотрела на это фото, и думала о том шокирующем эпизоде. Было ли мне стыдно за свой поступок? Нет! Конечно, нет! Он был необдуманным, спонтанным,

неожиданным для меня самой. Но сила впервые возникшего чувства оправдывала меня в тех моих безрассудных действиях.

На мгновение мелькнула мысль – надо отправить ему это фото, ведь он и не знает о его существовании...

Она: "Алик, Вы очень удивитесь, когда узнаете, что у меня есть Ваше школьное фото".

Он: "Пришлите мне его, пожалуйста. Все-таки любопытно. Заранее Вам благодарен".

Она: "А как мне его переслать?"

Он: "Можно как угодно, как Вам удобно - в соцсети или на мою почту".

Она: "Думаю, лучше будет на почту..."

Д.Строгий

Дыхание

(картины в прозе)

От автора:

Иногда мелодия, рассказ, происшествие, слова, звук, запах и т.д., что угодно, бывает оставляет незабываемое впечатление, свой рисунок в душе. Для меня каждый такой оттиск может стать волнующей картиной. Абстрактной ли, сюрреалистической, живой, пустой – любой.

Даже это предисловие, если захочу.

Д. Строгий

1

Ветреный пустырь. Старая брошенная часовня. Осенняя затяжная сырость. Холодная зыбь серых облаков. Черные щербатые глазницы окон. Облезлый кирпич, местами проросший. Никого. Свист ветра. Одиночество во всём. Уйти и не возвращаться? Не могу, что-то держит...

2

Летняя ночь. В комнате темно и пусто. Узкое прямоугольное окно монастырского типа. Без рамы, без решётки. Просто дыра в толстой стене. Через окно в комнату – ночь с её запахами, тишиной. На полу слабый свет. Из окна. В свете – тяжёлый грубый стул. На который охота сесть и думать.

3

Заполночь. Один в старом здании. Узкий коридор. Длинный. Тёмный. Двери, двери, двери... В конце коридора – маленький квадрат окна. Тусклый цвет через оранжевую штору. Я – в начале. Сажу и смотрю. Тишина полная.

Жду. И театр ожил!

4

Теплые сумерки. Пожилой южный дворик. Задворки. Тупик. Кирпич облез, пророс сорняком. Давно замурованная дверь в стене. Покосилась. Ступеньки разрушились временем. Из них – трава. Не хочу ничего знать о двери. Хочу просто наслаждаться этой тайной.

5

Сырой промозглый парк. Давно забытый. Тропинки затерялись. Сентябрьская морось залепляет глаза. Листья везде. Одинокий остаток скульптуры на облезлом, оббитом постаменте. В короткой тоске. Под дождем. Запах свежести и вечности. Сыро и пасмурно.

6

Ночь на окраине городка. Черное небо. Вдали – вокзал. Развилки, столбы, черные цистерны. Периодически завывание техники. Свистки тепловоза. А сперва – рельсы. Уходящие далеко в суровые поля. Сверчки. Из темноты – синий огонёк на путях. Такие всегда возвращают меня в детство.

7

Свежий, пьянящий весенний ветер. Тающий снег. Рыхлый. Капель с крыш. Садится солнце. Красные лучи на деревянные двухэтажки. С их сохнувшими на ветру серыми застиранными тряпками. Кошками. Чердаками. Форточками. Гнилыми подъездами. Боярышником. Стареющей музыкой и кислым вином. Эх, Весна, ты Весна!

8

Уютная атмосфера чердака! Через круглое оконце – яркий солнечный день. В лучах – чердачная пыль. Тишина. Но чирикают над крышей птицы. От дерева струится тепло. Весна. Заколдованная старая мебель молчит. Греется в бликах. Сколько всего прожито! Что ни вещь – то мудрость...

9

Глухая роща. Осины, березки, тополя. Поздняя осень. Безветрие. В густых зарослях – развалины здания из бурого кирпича века восемнадцатого. Без потолка. Внутри светло. Дверные проёмы заросли иван-чаем и чертополохом до верху. До самого круглого свода двери. Внутри – лебеда по пояс. Стены, сверху сорванными краями зацвели. Ржавые петли, заплесневелые до верху углы. Морось. Сейчас это не человеческое жильё и находиться здесь долго тревожно.

10

Глухой, затхлый дворик российской глубинки. Облезлое и отлинявшее здание советской коммуналки. Сгнившие рамы окон. Вместо стекла во многих местах картон, тряпки. Ступеньки провалились. Возле подъезда грязь, лужи. Пасмурно. Слышен гул отдаленного транспорта. Кто-то выбивает коврик, нервный смех из окна.

Это моя большая Маленькая родина!

11

Коридор ветхой коммуналки. Трухлявый пол и стены, крашенные половой краской. Бельевые веревки. Запах стирки, супа, папирос и перегара... Тусклая лампочка, мухи. Нет ничего честнее коммуналок. Ничто так не оголяет нутро и совесть. Как ни «изысканы твои манеры», здесь ты как на ладони.

12

Его сдали под снос этой весной. С первым теплом, капелью. Всё, что было и не было, его покинуло. Вот он - верный, стоит, расхристан, вывернут. Выдохнул... Готов принять. Рваными обоями, как платком, машет кому-то по ветру. Перекрестился. Стоит и вспоминает детство.

13

Ни с чем не сравнимое чувство забредшего в заброшенный дом. Без стёкол, захламленный, истерзанный не одним несунном. С брошенной, не нужной никому утварью. С разгульными продувными ветрами. В полной тишине. Но особенно волнует, навевает массу переживаний характерный этот дух... Только после ухода последнего заблудшего начинают дышать стены! Источать ностальгический дурман каждой прожитой и ушедшей за счастьем жизни. Сердечно желаю вам, стены, тепла весеннего, детских снов и дерзких ростков!

14

Дремучая тайга. Гиблое безлюдье. Вокруг – плотный, тяжелый лес. Тучи гнуса залепают руки, шею, лицо. В ушах звон. Тошнотные испарения от трясины. И вдруг, из темноты зарослей, между ветками! Смотрит прямо, в лицо, открыв чёрный рот. Почти сгнивший. Осев боком в болото. Закиданный рыжими еловыми лапами. Замшелый, изъеденный личинкой, чёрной бородавкой посреди глуши, где даже птица подать голос боится – сруб.

15

Март. Солнечное, яркое утро! Снег ещё лежит. В комнату – теплый свет. Заснеженные ели. Яркие лучи по половицам, ножкам кровати, стулу. С кухни – вкусный аромат завтрака. За стеклом играют синицы.

Скоро, уже скоро счастье...

16

Высокая насыпь. Крупный щебень. Насыпь тянется с севера и кончается здесь. Глубоким обрывом. Наверху – тупик железнодорожной ветки. И чёрной, резкой полосой под свинцово-фиолетовым предгрозовым небом – неприклоненный!

Ржавый, обугленный товарняк. Вдребезги разбитый, искореженный. Ребрами торчат из земли шпалы. Ветер треплет траву у навечно прижавевших колёс. В ушах - эхом далеким - военный оркестр.

17

Бесконечное суровое поле. Седая трава по пояс. Почти чёрное небо. Грозовое. Чистый шквалистый ветер роняет травы до земли, захлебывает.

Мрачно, тревожно до распахнутой рубахи.

18

Сегодня, после дремотных, нудных дней зимы, дыхнула весна. И как в первый раз я разворошен, поднят, пьян. Всё ещё темно-серое. Но сталинские громады – дома, бордово-жёлтые, открыли глаза. Воробьи, синицы льются из-под крыш. Открыты форточки. И громче стал шум транспорта. По верхним этажам полоска заката. Хмелем дурманит голову и грудь запах новой свежести, запах огромной жизни.

19

На высоченном северном увале – ветхая звонница. Давным-давно сгоревшая. Старики бают – от молнии ещё. Недолюбливают её местные. С пустыми окнами и без двери. Без колоколов. Но, то ли зодчий так затеял, то ли велено ей так, – но от могучих ветров всепродувных гудом она гудит пустая. Да на разный лад. Ни одна спичка не горит внутри – задувает. И куда не повернись – слезу нахолаживает. А вверх глянешь – из оконца по кругу чистый свет на тебя. Вот потому про неё много баек живет.

Вот потому её не любят.

20

В затемненной комнате – прямоугольник окна. Со слабым блёкло-мутным светом. На фоне его – тёмный силуэт пожилого, чуть сутулого мужчины. Он опустил руки. Думает в окно.

Краски тёмные, но невыразительны, размыты.

21

Зима. Когда сумерки. Когда тихое безветрие. Когда весь покров синий. И на земле, и на крыше двухэтажки, и на тополях палисадника. Начав сголуба, всё синеет. В доме нет света, вокруг тишина. Небо – сплошная серая мгла. Смягчаются резкие линии, контрасты, теряются цвета. Всё как через синее стекло. Свежий чистый воздух. Добрый покой и уют. Откуда эта нежная синь?

Почему вечер всегда выбирает этот цвет?

22

Старая квартира. Вчера отсюда съехали, завтра заедут новенькие. Сегодня я. Вот она: антология произведений. Какофония из множества мелодий, ритмов. Наложение целого ряда слайдов. Базарный шум толпы. Томик иллюстраций разножанровых направлений и стилей. Эссенция из слёз и счастливых. А сегодня я.

23

Ни свет ни заря. Ещё всё чёрное, неразличимое. Вокруг всё спит. Деревенская дорога. Избы с темными окнами. Деревья. Всё – тёмными

фигурами без деталей. И только на востоке из-за леса - удивительная синева раннего восхода в сочетании со строгими чёрными углами кровель.

24

Полуденная монотонность. Квартира – жёлтым мягким светом от штор. Затишье, ни звука. Задумчивая меланхолия усыпляет как в теплую ванну. «Ходит дрёма возле дома, бродит сон вдоль окон...». Лишь токает мерно старенький будильник в коридоре. За зашторенным наполовину окном косит обложной тяготящий хмурый дождь. Да редко ударит капля о звонкий подоконник. Дзоп! Другая. И опять всё проваливается в уют мыслей.

25

«...И тревожная черная степь...»

Шёпот тиховея об линиях всходы. Полустанок уже позади, но всё ещё в тёплом воздухе запах креозота и угольного дымка. Степь под луной освещена с её белой травой чуть ли не вся. И с чёрным ночным небом сорок четвертого сочетается ночь белогвардейского дозора и переносит в «боевой восемнадцатый год». «Темная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают...».

В.Агатов, Н.Богословский, М.Бернес.

26

Часов в десять вечера, отдыхая на тахте в затемненной комнате, люблю в тишине, открыв форточку, слушать шум жизни. За фиолетовым уже стеклом...

Всегда – дальний шум проезжей части. Хлопанье подъездной двери. Лай собаки вдали. И другие случайные звуки.

Зимой – ещё ветер, трясущий железный оконный слив. Скрип снега под ногами прохожих.

Весной – шум улиц усиливается по какой-то причине, и всё звучит веселей, звенят птицы. Капает.

Летом - голоса множества людей. Смех и крики детей. Шум листвы. Всех звуков больше и чаще.

Осенью – частый стук капель о слив, о стекло. Ветер. Звуки прозрачней и строже.

27

Как я сильно переживаю это всё-таки! Когда выходишь днём на улицу, в тёплой одежде закутан, готовый сжаться от холода. А там просветлело. Слякотно. С крыш брызжет. Акварельные переливы неба. Теплый ветер и мягкий уже, талый запах, трели стай. И солнце, ненадолго

пропав за несущейся сумятицей ватных облаков, вокруг резко всё осветит, ослепит!

Согреет. Как меня развозит, разговееет, как выплёскивает всё-таки!

28

А когда я чувствую собор запахов: старой деревянной оконной рамы, свежего ветра через форточку, оттенков выхлопных газов с дороги, дедовского «Шипра», старой мебели и пыли, и всё это в букете, то перед глазами встает комната, залитая первыми тёплыми лучами утреннего оранжевого солнца, играющими на половицах и стене, вещах.

Комната, где безмятежное детство улыбнулось и задумалось.

29

Не тёплый вечер. Закат принёс за собой тёмно-синий прозрачный неон. Я в старой части города. Брожу, смотрю в свет оконцев. Потому что люблю очень мягкий свет их, разноцветнозанавешенных. Их пастельные оттенки от бежевых, лазурных, розовых до жёлтых, оранжевых и даже бордовых. Окрашивающих даже снег снаружи. В этом тихом, бесфонарном закоулке смотрю в свет и так сильно хочу верить, что там, за этими окнами всё благополучно.

И женщина счастлива там.

30

Захолустье провинциального городка. Послеобеденное время на улице Боковой. Дворик вымер. Июльский ветерок треплет балконные верёвки, гамаши, сохнувшие на них. Половики на деревянных заборах. Кот прошёл в подвал. Двухэтажки облупились. Разноцветными размывами облинявшей краски обнажают нижние слои, другого, третьего цвета, кладку кирпичных блоков, штукатурку. Воробьи не спят. Между гаражами мусор. Газон не прибран, засорен шелухой, окурками. День ещё яркий. Где-то громко смотрят телик. Да листва шумит. Послеобеденное время, а что вы хотели? Скучнейшее время моих дворов.

Я в них вырос и дарю вам.

31

Рядом проложили добрый тротуар, в обход. А здесь давно-о уже не ходят. И тропинка через железный забор с каменной аркой в старый парк пропала в густых кустарниках осины, топольках, акациях, лебеде. Арка, оставшаяся от какого-то купеческого дома, пооббилась, торчат кирпичи. Стала бесформенной, бесцветно-пёстрой. Железная калитка, приоткрытая когда-то, выросла в почву. А, ну, продерусь через дерюжник, пролезу сквозь-между, пройду старинным путём! А, ну, обрадую арочку!

32

Музой мне - непогодица. Гулкий колодец захолустного двора. Казённое мрачное здание из рыже-бурого кирпича буквой «П». Закрывает мне полнеба. Нависшая над городом серая сырь. Влажная мгла, мокресь и тёмный день. Смотрю вверх на эту «тюрьму». Свинцовые стёкла. В них- тяжёлый бассейн неба. Мокрый асфальт. Хмарь эту доводят и вороны – чёрные пятна, которые хотя бы двигаются.

33

Право на жизнь имеет любой сорняк. Чем удобряли, то и выросло. Например, я. Я - советско-российско-уральский: вчерашний борщ на завтрак – погода дрянь – нет горячей воды – грязная посуда – общага – подлые соседи – давка в трамвае, духота – непролазная грязь, лужи – экономия на желудке – злые рожи – проклятый транспорт – наглые старухи – постоянное подавление агрессии в себе – грязная вода, воздух – ругань, мат – мрачные здания – непонимание – ссора с близкими – повсеместное унижение действительностью... Ну, какие мои цветы!?

34

Право на жизнь имеет любой сорняк. «Жрём не всё, чем тычут в харю».

Например, я. Я - советско-российско-уральский еврей: солнышко с утра – остаток печенья – нет забот и дел – сыт – подарок любимой – мудрый ответ на зло – всё вовремя и к месту – немятая одежда – приглашение на праздник – добрые дела – новые идеи, муза – наплевать на проблемы – вера в желаемое.

Знайте: ... сорняки всё же цветут.

35

Берег застойной речонки. Жидкая грязь, высокий камыш. Небо, затянутое серой холодной зыбью. Ветер гонит частую чёрно-стальную волну. Хлюпает у берега вода, качает камыш, заливает грязь. Запах кислой водорослевой сырости и близящихся холодов. Шелест камыша и прибрежной травы от внезапных порывов с северо-востока. Голову надувает. Того и гляди, начнёт моросить.

36

На северо-восточной окраине города, где только замусоренные гаражи, дорога и забитая будка старенького кинотеатра, есть довольно большая роща. Дикие яблоньки, акации, березки, но больше тополя. И вот однажды ранней весной среди ещё голых тополей и седой прошлогодней травы наткнулся я на покосившийся низкий постаментик с широкой белой вазой, доверху заполненной осенними листьями. Видимо

когда-то здесь был парк, а каменная ваза осталось верной своим тополям. А тополя и цветут, и пахнут, и опадают, как и прежде каждый год. Скоро появятся новые листочки, а она ещё сколько лет продержит и будет ловить старые. Она их видела от рождения до смерти и оставила в сердце. Дыхнуло сыростью. И я позавидовал этой Слуге, её жизни, полной божественного смысла.

37

На восточном горизонте глухомани, над пышными кронами деревьев – высокая белая башенка старенького собора, требующая ремонта. Купола из-за леса еле видно. Колоколенка со сквозными проёмами. Ранним утром, на заре, когда светает восток, и над горизонтом появляется свежее солнце, звонница предстаёт взору как тёмный резкий контур над лесом в утренней дымке. Вечерами, когда запад наделяет всё мягкими сочными лучами, она - оранжево-красная, огненная. Что не говори, какая это всё же гармоничная чета: небо и колоколенка с острым шпилем.

38

Ночь. Пустынная улица. Мокрый после дождя асфальт. Ни машин, ни прохожих. Черным - черно. Единственный фонарь косым углом света освещает прямоугольное приземистое здание в четыре этажа, из серых плит, недостроенное, с пустыми без рам окнами. Чёрными. Внимание: перед вами Мрачный Памятник времен Тревожных замыслов, Царствования подозрений, Таинственных силуэтов и Власти опасений! Уходите, уходите....

39

Гляжу под смутное фотохромное пепельное небо. Снизу вверх. Уходящий наискось ввысь уличный фонарь. Ленинский. Буквой "Т". Двухрожковый. Со скромным узором и круглыми блюдцами. Пустой. С печатью времени. Подпирает небо. Пахнет дождевой мглой воздух. Чуть ниже – полузасохшее коряжистое деревце без листьев - черкает небо. Оба отсырели от холодной влажности. Так вот могу долго смотреть....

40

Летний тёплый вечер. Темнеет. Дома, деревья – всё в округе приобретает властительные, судьбоносные очертания. Остывающее, застывшее на месте небо с загадочными силуэтами темно-серых облаков. И толстый поднебесный тополь. Вернее, засохшая, без веток, корчащаяся коряга. Расщепленная то ли бурей, то ли грозой, вздымающаяся над дикими яблонями, осинами, рябиной. Потемневшая голая клюка растопыренными сучьями навораживает сумрак.

41

Входная дверь графской усадьбы поспешно заколочена. Смотрю вверх на чердачное окно. В спускающихся сумерках фасад из бурого поросшего кирпича холоден, мрачен. Свинцовые бесцветные окна на всех трёх этажах. Острый угол крыши. Стремительное тучное небо спешит на ночлег. Слегка приоткрыто лишь круглое оконце чердака. Палисадник опаршивел, запущен. Дом уже давно пуст, его обходят стороной. Говорят, в нем живет что-то нехорошее...

42

На деревенских задах, на заброшенной улице, в старом из серых досок сарае, с полупровалившейся крышей, вот что со мной однажды стало. Ещё пацаном, забравшись туда от любопытства, пробираюсь сквозь выросший из земляного пола бурьян, чертополох, крапиву. Солнечный яркий свет пробивается сквозь щели между досками. И в темном дальнем углу, особенно заросшем, наткнулся на ... старинные часы. Выше моего роста, с потемневшим деревом в трещинах. С резным и лепным узором. В паутинах и слоях пыли. Маятник навечно остановился. Фигурные ржавые стрелки показывали десять минут шестого, и! верное на тот момент время...

43

Старый зажиточный врач умер. Наследники не нашлись, и, в скором времени, дом пустовал на радость всем ветрам и мальчишкам. Играя в прятки, залез я в сырой, холодный подпол и при свете тусклого пыльного окошечка стал разбирать старую брошенную рухлядь. И под низкой полкой, заваленной мусором, из щели с трудом вытянул я небольшой ящичек. Обтянутый кожей, с тесненным сложным узором, но весь в пыли, заплесневелый и пахнувший сыростью и мышами. Закрытый на врезной потускневший замочек. Ящичек был тяжеловат. Я помотал его: что-то гулкое почти не двигалось с места. Меня охватило ужаснейшее любопытство и азарт. Ключа, конечно же, не было, и я, как не старался, не мог его открыть. Решил прийти на следующий день с зубилом и молотком. Спрятав и заложив всё мусором, ушёл. Никому ни слова. Ночью плохо спал. Всё что-то грезилось. А на завтра я застал там бульдозеры, заравнивающие уже поваленный дом.

44

От двухэтажного здания осталась одна стена, задняя, выходящая во внутренний дворик, заросший буйным кустарником. Это даже огрызок стены с неровными отбитыми краями. И в ней – оконный проём с чудом уцелевшей рамой, настежь распахнутой. Без стёкол. С обеих сторон видно в нём небо, облака. Сквозь пролетают птицы. Много воздуха и

света. Ночью темно, залетают в него всё так же комары и слышно сверчков. Две пустоты, условно разделённых простым окном.

А когда-то юная модница поливала на нём цветы и смеясь пускала кому-то воздушный поцелуй...

45

Июльские поздние сумерки. Золото-оранжевый утомлённый шар давно скрылся. Но небо на западе ещё светленькое, зелено-синее. Плавно густеющее, чем дальше вокруг, в сине-фиолетовое, чёрно-синее. Небо чистое, ни облачка.

Утопающие во мраке поля, чёрная полоса тревожного леса. Вековые тополя и ивы на синем небе тучнеют силуэтами. Позируют сказочными фигурами. Будоражат воображение. Поодаль, гордым рельефом на фоне светлой синевы- уголки родных деревенских крыш. Колодезные журавли, столбы, деревья. Остывающий вкусный чистый воздух с примесью прелых трав, дыма дальних костров. Уже истощны сверчки, цикады и всякий гнус. Бархатная синь за крышами темнеет, и в селе зажигают огоньки.

46

Голая лысая земля. Бурые кислотные лужи вокруг до самых горизонтов. Только редкая травинка торчит кое-где. И посередине всего - застывший в медитации огромный монстр. Экскаватор. Разбитый, полуразобранный, ржавый, весь в мазуте. Но властный, уходящий ввысь. Молча владеет покоем. Корявая, угловатая составная рука, больше его самого, горбится через всё ядовитое небо дугой. И кончается скошенным мертвым ковшом с гнилыми зубами. Воздух кислый. Издалека откуда-то доносится завывающий индустриальный звук, периодически затихающий.

Память – скромница

1

Не заворачиваю за угол. Угол брежневского каменного дома. Одиннадцать часов августовского утра. Улица залита светом, теплом. А здесь – тень. Побеленная в бордовый шероховатая стена. Бугристая. Прохладная. В мелкую редкую трещину. Отсыревший, местами отбитый угол. Постаревший номерок. Запах тополей. Игры птиц. Теплый ветер с душных улиц. Под ногами тополиные кудри мягко похрустывают.

2

Бабушкина уютная кухонька. Я, маленький, недавно вставший из постели, завтракаю. От газовой плиты укутывающее тепло. Запотевшее

окно с белой занавеской на леске. Запах манной каши, блинов. Слегка бормочет радио над головой. За окном сыро, холодно, ветрено, дождливо. Шумят деревья. Бабушка заставляет доедать. Ждем маму, выглядываем в окошко.

3

Вид из окна. Зима. Снегопада давно не было. Улежавшийся потускневший снег. Двор. Затянутое скукой небо. Голые деревья. Холодная тишина нарушается качанием стелых веток и кустов. Редкая синица и зимняя, гулкая, усыпляющая апатия. В щели рамы сквозит морозцем. Блёлкость цвета, тусклый свет и неподвижность вводят в гипноз и качающее астеническое забытьё.

4

Попытайтесь припомнить такое чудесное мгновение. В надышанной, запрелой от запахов еды, людской духоты, квартире уйдешь в тихую темную комнатку и откроешь окно настежь. И ты в царстве послегрозовой юной чистоты. Прохлада, запах свежей воды от асфальта, почвы, листьев. Деревья замерли. Аромат запаренных дождем тополиных почек, липких, терпких. Запах тишины, комаров. Кругом замерли капли. Мокрая кора. Тучи ещё не прошли. Бархатные тона. Но покой и дремота воцарились везде.

Провинция (всё это...и плевать на «МОСКОВ»!)

Сильным хлопком! Вспышкой из пустоты! Из ниоткуда. Резко и неожиданно. Встаёт перед лицом город... Шаг вперёд и уже весь я в нём. Он вокруг меня. Безликий, расхристанный, одинаковый, слизанный с таких же подобных ему тысяч провинций одной распластанной страны. Страны, стоящей на большаке и забрызганной грязными каплями, проехавшей мимо «цивилы». Такой же городок, как ваш. И сразу же – это слёзноглазое небо. Шумящее высокими тополями. Ветер под полы плаща. Я столько раз всё это видал, что сейчас, вернувшись сюда исповедаться и стоя на одной из улиц, закрываю глаза. Я хочу просто слушать, хочу найти на ощупь, руками, по запахам памяти, и узнавать, узнавать...

Я слышу дальние колокола. Мимо бешено пронёсся шум «тачилы» с громкими и низкочастотными ударами «стереомафана»: «Умц! Умц! Умц!». И растаял далеко впереди. С закрытыми глазами я двинулся вперёд. Чувствую на себе непонимающие взгляды прохожих тёток. Они останавливаются, смотрят, скорее всего пристально и с прищуром из-под

Д.Строгий «Память-скромница», «Провинция (всё это... и плевать на «МОСКОВ»!)»

платков. Что-то говорят и посмеиваются. В лужах ноги быстро намокают и мёрзнут. Я заворачиваю спонтанно, наталкиваюсь на кого-то, извиняюсь. Слышу, как он остановился сзади. Потом сказал пару слов в мой адрес, и его не стало. Шум транспорта, сменяющийся тишиной. Жужжание пилы. Коровий колокольчик. Гудок тепловоза. Снова машины. Дураком с закрытыми глазами брожу по знакомым тротуарам, захожу в какие-то гастрономы, пахнущие копчёной рыбой, конфетами и кафелем пола. Кожгалантереи, овощные, бакалеи, хлебобулочные. На улицах – разговоры, сигаретный дым. Меня обнюхивают какие-то собаки. И ещё много всего потом было. И была обрывками целая жизнь. А когда из киосков орала музыка и прошла мимо молодёжь бригадой, кто-то из них ткнул меня. Я подскользнулся в весенний, грязный сугроб. Окрестили матом и громким весёлым смехом. Даже я улыбнулся. Снова «Умц! Умц! Умц!» на дороге. Вокруг в ветре растворены голоса, слова, запахи, звуки птицы, этажи, подъезды... Вдали опять бой колоколов. Наверное, мне пора?

Я лежу навзничь в прохладном снегу. Знаю, что вокруг меня город. Небольшой. Пятном на карте. А за ним во все стороны сотни и сотни километров лесных пустынь, пьяных деревень и Страна, уходящая вдаль до бесконечности, до самого космоса. Город одинокий. Но живой! Но гордый! Со своими жителями. Наплевавшими давно на столичный снобизм, сытость и довольство! Бросившими вызов всей стране и всему миру. Город-работяга. С молотом в руках, в фуфайке, саляре и в бейсболке. Говорят, где-то есть Америка... Пусть боится!

Открываю глаза. Я всё узнал, всё сходится... Опять это небо. Капель с крыши в лицо. Тополя расшумелись. Разволновались. Над крышами. Образ города медленно тает. Края подгибаются. Силуэт морщится, распадается в пиксели. И полностью исчезает. И я вновь в Бэнтли Континэнтл, а из окна – светящаяся и играющая всеми цветами и огнями Монтэррэй авеню. С плазменными рекламами, дэнс-клубами, блестящими «Кэбри», «Кэди» и «Лимоу», гирляндами витрин, высокими технологиями и ночными, облепляющими тебя со всех сторон соблазнами.

Здесь так всё изменилось, пока я целовался с Родиной...

Женщина – вещество противоположное

Хочу объяснить Женщине, кто же и что же она есть.

Чтобы не было заблуждений и недопониманий и ради общего разрушения стереотипов и стандартов, стоя посреди мира, недалеко от Иерусалима, все вижу остро и прозрачно, все просто и по-настоящему.

Хочу придать детальному анализу ту, вторую часть мира. Возьму и перемешаю в чане образы всех женщин большой ложкой. При высокой температуре сгорает вся скорлупа с каждого из них. Кожурки, разнящие их всех, испаряются, и в итоге получается такая масса, чистая субстанция, божественный экстракт, изначальная эдемская выжимка. Каждая женщина при жизни как карамелька, или эклер, наделена этой начинкой. Она глубоко внутри за коркой характера, пеленой мечтаний, плюмажем косметики и еще Бог весть чем. Женщина порой забывает о ней, пока та сама не начинает о себе заявлять. В отличие от мужчин, которые никогда не забывают о ней и хотят видеть лишь ее, и ничего более. Испокон века мужик каменным молотом сбивает с нее ту корку веков, культур и диктата цивилизации, пытаюсь добраться до истины, до обещанной Господом еще там, под яблоней.

А формула этой сыворотки такова, что портится быстро в бездействии, в баночке под плотной пробкой. Беру каплю мужской аналогичной, но полярно противоположной и подношу в пипетке над женским реактивом... И смотрите! Еще только поднес, еще не капнул, а все уже закипает, бурлит и тянется кверху. Капаю! Ложись!

Реактивы вечные, сработали беспрекословно по высшему указу. И гляньте-ка – общая мешанина начала увеличиваться в объеме, частицы делятся, клетки размножаются. Таков закон.

Есть лишь один путь добраться до Истины, и мужчина его знает, и никто его этому не учил, само «оно» как-то... А пока это под коркой, нет покоя ни в ком. И стоит она с пулеметом под израильским флагом, и крадется змеей, обмотанная поясом шахида, и ревет от горя в полях России. Падшая, грязная на вокзале, а из глаз пьяных светит та начинка неизменная. «И будет так всегда», - сказал Он там наверху, и повторил я.

Да, в принципе, и с нами похожая история, но сейчас ведь март – и все для них!

Весенние этюды: день

...Сны вперемешку. Оставили какие-то впечатления, напомнили о давних переживаниях. Разбредили сознание, душу, мысли...

День тусклым светом проникал в его комнату. Холодно освещал предметы в углу номера, старинные часы на голой стене. Он выпался телом, но что-то оставил там во сне, что не хотел отпускать, хотел схватить, понять, разобраться и сделать всё так, как должен был сделать уже давно. Пасмурное окно очистило за ночь воздух внутри комнаты и продолжало вздывать занавеску, загоня прохладу с пролива. Ночью был дождь и воздух был сырой и вкусный...

Серая мгла с туманом заволокли небо. Он – на сырой брусчатке моста San delle Vosse в чёрном пальто с поднятым воротником чтобы укрыться от ветра, дующим с бухты. Курит и ёжится, смотря куда-то в даль своих мыслей. Ветер играет в его волосах, резко снося назад и разгоня сигаретный дым. В порту и на улицах, что на против, зажглись первые фонари, прилавки, цветные витрины, начали открываться рестораны. Сиреневые сумерки...

Ночь с её тёмно-синим окном и звуками ночного портового городка. На столе початая бутылка вина, книги, рукописи. Мерное «токанье» маятника и жёлтый свет от проезжающих изредка автомобилей пробегает через весь интерьер, начинаясь на часах, затем наискось по потолку и пропадает в другом конце, не доходя до репродукции в рамке...

Весенние этюды: ночь

По мотивам песни Авива Гэфена «Завтра»
Посвящается тем, кто «её» видел

И растаяла та «белая» ночь в вечность и осталась жить вечно. В его глазах, его взгляде. И высохла на ветру давно та промокшая от слез постель, когда, уткнувшись в подушку, давил в ней свой крик, скрежет зубов. Когда он был уже в своей комнате, а ночь ещё была в ушах клубным ритмом, слепящими цветными лазерами. Лбом в стекло и тупой взгляд в большой ночной город. И дальше в фиолетовый мрак неба. Отпечатки увиденного за день там. Там, где она в своей молодой дерзости насмешливо и жестоко, раз и на всегда, в своей игре жизни, с вызовом полоснула его, юнца, бритвой своей красоты и недоступности, когда обрушился мир... На разрыв пошли стены! Музыка подавилась от громадины, что рвалась изнутри. Там, где глаза прямо и без страха

впились в её глаза. На мгновение остановив время. И снова удары музыки, ритм, хладнокровный диджэй.

И пилося тогда без меры, назло. И шарахалось повсюду. И взгляды со всех сторон. И расступалась толпа. Где она?! И месилось всё в пьяном

водовороте. И зверь снова и снова с разбегу разбивался в кровь о клеть, когда она под тот заезженный римэйк грязно двигалась с другим! И смеясь смотрела ему в глаза! Когда вырвал себе душу и с вытаращенными глазами вздёрнул, и у всех на виду с размаху стеганул как плёткой через себя и оземь! Промеж танцующих ног толпы, забрызгивая их всех кровью своих чувств. И рванул за кадык с небес Бога вниз и с лицом сумасшедшего жрал его вопросом. За то, что он творит с ним и со всеми! За ту красоту непосильную и бесконечную, что ослепляет и рвёт глотку стальным тросом!

И безумны, и резки повороты на большой скорости на улицах. Бессмысленно жёг бензин и бессмысленно гнал вдоль себя незнакомые переулки и ряды домов. И была ночь... И было утро, день первый. И успокаивали друзья. И прокурен салон машины. С тех пор красные глаза, беспокойные сны. Через лобовое стекло - шумящие улицы, бары и клубы с выливающейся на тротуар музыкой. Красные задние фары, которыми усеяна вся трасса впереди. И песни стали все о ней. Глаза, прищур, случайные эпизоды через стекло авто. Причёски, каблуки. Где она? Город полный чувств, взглядов и жизней. Какое-то кофе в кафе в 11:00. И снова взгляд на часы. Снова за руль, по делам... И ослепительно отражают солнечный свет зеркальные стены здания Торгового Представительства и окна престижных новостроек. А та ночь будет звёздно блекнуть, пульсируя, теряя контраст. А она всё так же продолжает двигаться там под кислотный ритм, смотря прямо ему в глаза, уводя за собой и закрывая наглухо и навечно штору непрожитой, чужой жизни.

Засунул голову в кошачью нору

Мой кот сидел и грелся под одеялом, постеленным на кровати. Потом ему там надоело, либо какие-то внешние силы повлияли на него, и он вышел. Выполз, оставив после себя вздыбленное место на подобие норы или шалаша. Вот в эту-то нору я и засунул свою голову, чтобы погреться оставленным кошачьим теплом. И вот стоя на коленях возле койки, с головой в «шалаше», греясь о котейкино логово и вдыхая спёртый шерстяной запах, в полной темноте я понял, что это отчасти и моё тепло. Ведь я ходил на работу, там двигался, делал руками разные дела, которые потом превратились в шэкели, на которые я купил корму, чтобы котейка не издох, он заглотил корму и это продлило ему жизни. Вывод – круговорот энергетики в природе. Я получил своё же тепло из рук в своё лицо. Я в принципе мог не заводить кота, не покупать ему еды, не ходить на работу, не двигать там руками, а просто сразу потерять своей же рукой свою же щёку и получил бы тот же результат...Это так сказать формула, выведенная после всех сокращений и упрощений типа $E=mc^2$. Значит все простые действия, на вроде, подтянуть на себе штаны и т.п., есть целая большая, яркая жизнь сокращённая в одно движение? Что, упрощая себе жизнь мы оскудняем её?

А.Долгушина (Оанслер)

Никтофобия

Александр заперся ото всех. Он отказался от обычной жизни для своего же блага. Ему никогда не хотелось привлечь ещё больше внимания и постоянно отвлекаться на непрошенных гостей у порога своей квартиры. Но каждый второй был убеждён, что его святая обязанность – вразумить и вытащить его на улицу под любым, даже самым нелепым предлогом.

После смерти близких он стал бояться даже собственной тени, однажды встретившись с ней с глазу на глаз.

Из-за неё то всё и началось...

Тёмный высокий силуэт преследовал его везде, и поначалу у него получалось быть незаметным.

Тень от проезжающего автомобиля, от стоящего неподалёку человека – Оно могло появиться отовсюду. Страшнее всего становилось ночью или в пасмурную погоду, когда солнечный свет не падал на землю, и невозможно было предугадать откуда появятся озлобленные красные глаза. Оно уничтожило всю семью Александра и теперь напало на след её последнего представителя.

Но он оказался куда умнее своих мёртвых родственников.

В его квартире не бывает темно. Всюду висят всевозможные источники света: на потолке плафоны с лампами холодного света, на полу и массивной мебели расклеены светодиодные ленты, лучи которых охватывают всё пространство снизу и перебивают тени, откидываемые из-за света с потолка. Он давно знает, что демон не может появиться из полутени. Плевать на то, сколько приходится тратить на оплату счетов за электроэнергию. Доход от аренды остальных квартир в перешедшем к нему старом здании их всегда покрывал. Плевать, что теперь Александр попросту не может выйти из собственной квартиры, а его жизнь можно сравнить только с существованием. Зато можно не откладывать деньги на отпуск, а потратить их на что-то действительно нужное. Например, новая охранная система для отеля, несколько камер которой выходят даже за пределы его территории и могут отследить происходящее на ближайших улицах. Теперь люди спокойны, а хозяин может наблюдать за всеми жильцами и видеть, что происходит за дверью его квартиры. Правда, пришлось потратить много нервов и времени, чтобы самому установить

нужное оборудование в одной из комнат. Уж рабочим в его личном пространстве точно не место.

Возможно, Александр был не прав. Что хуже: провести отведённое судьбой время взаперти или сделать последние моменты самыми яркими? Ответ для каждого свой. И для него он давно определён.

Здесь безопасно...

Единственное, в чём даже спустя годы оставалась проблема – он сам. Точнее, его собственная тень, избавиться от которой он был не в силах.

С самого начала Александр сам был монстром, от которого пытался убежать. Стараясь выстроить вокруг идеальный мир, он совсем позабыл о себе. Может, демон всегда жил внутри него? Погубил близких руками маленького мальчишки?

Теперь осталось только одно уязвимое место, хоть фонарик в кармане и поможет отпугнуть Его на какое-то время.

Несколько из множества правил этой квартиры:

Не оборачивайся.

Не смотри назад.

Не иди точно тем же путем, каким минуту назад прошёл в комнату.

Лучше потратить лишние полминуты и обойти журнальный столик. Торопиться некуда. Они тут только вдвоём, и одному из них явно не стоит рисковать больше дозволенного.

Спать с открытыми глазами в идеально освещённой комнате – то ещё наказание, но хорошие глазные капли, которые на дом доставляет курьер, спасают покрасневшие и высохшие поутру глаза. Со всем этим можно справиться и даже привыкнуть. Во всяком случае, Александр живёт так уже не один десяток лет.

Но ни разу на его памяти ещё не было человека, похожего на Влада. Он умён не по годам.

Действительно умный, а не такой, как тот забитый зубрила с третьего этажа. Влад успел повидать столько всего в своём столь юном возрасте и не сломался, всегда оставался вежливым и приветливым даже после того, как люди над ним насмехались и пускали ужасные слухи. Он напоминал Александру самого себя в его годы. Но он не был так силен, хоть в его глазах тоже горел тот самый огонёк. За столько лет он не смог его сохранить.

Влад единственный, кто может понять его, и почему-то именно его слова звучат так убедительно. За всё время хозяину отеля приходилось выслушивать столько слов «поддержки», что он сбился со счёта и уже точно не помнил, кто и когда ему что-то говорили, но Влад... Александр сам искал с ним повод заговорить, и тот чувствовал его немое желание. По своей воле он приходил и рассказывал ему о разных молодежных причудах и в какой-то момент проболтался, что они с другом недавно случайно разбили одну из камер на четвертом этаже, когда решили поиграть в футбол прямо в коридоре, а потом испуганно охнул и стал оправдываться. Александр лишь рассмеялся и сказал, что она давно барахлила и нуждалась в замене.

Да, Влад стал единственным, кто слышал его немного хриплый, неровный смех. Он ценил каждый миг, проведённый с мальчишкой, и мечтал, чтобы ни этот голос, ни этот блеск в серых глазах его не покинули. Эгоистично, но раз в жизни себе можно позволить такие мысли. Эти разговоры словно отдушина от привычного одиночества. Александр хотел защитить Влада, но выходило совсем наоборот - это он его оберегал. Часто давал советы или предлагал нововведение. Даже делился секретами о том, как можно угодить каждому, живущему в отеле.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается.

- И представляете: он хватает из вонючего аквариумадохлую рыбку и кидает этой стерве прямо в волосы! – Влад зажал рот, стараясь смеяться не так громко. – Она так испугалась и закричала, потом вскочила и кинула в него тетрадь, но промахнулась, а тетрадь упала прямо в вонючую воду и забрызгала его с ног до головы!

- И как только вам не устраивают выговор каждую перемену? – Александр тоже смеялся.

Школьные истории для обоих были самыми любимыми. Слушая их, он радовался и вспоминал о своём коротком детстве, а у Влада с каждым днём прибавлялось всё больше ужасно забавных баек. У многих в средних классах сносит крышу.

- Мистер Гордон, а есть то, чего Вы боитесь? – Влад успокоился и, как всегда, опёрся спиной об дверь в сто одиннадцатую квартиру, ожидая услышать голос над головой.

- Взрослые ничего не боятся.

- Неправда! – возмутился тот. – Мой отец очень боится пауков и змей, а я... Я боюсь темноты.

Последняя фраза заставила замолчать обоих и подумать в какое русло повернуть разговор.

- Я тоже боюсь темноты, - неуверенно начал голос за дверью. – У всех есть страхи и возможность избавиться от них, или даже ужиться, делает нас морально сильнее.

- Мне казалось, что Вы боитесь людей.

- Не совсем их, но чего-то подобного. Я и сам не до конца понимаю, - он открыто врёт, потому что знает, что Влад не поверит в рассказ о демоне.

- Когда-то маленький я упал в яму и просидел в ней целый день, пока меня не нашли. Там было так темно и сыро, всюду что-то липкое... Я всегда вспоминаю это место, когда выключают свет, а я не успеваю заснуть. Если бы я мог, то никогда бы не выключал его. С ним гораздо спокойнее.

Он очередной раз показал, как между ними много общего. Последнему остается только радоваться, что у Влада не всё так плохо.

- А я и не выключаю. Можешь сам взглянуть, - чтобы не закрывать обзор, Александр отодвинулся и придержал щель для писем через которую они говорили.

Тот удивился. Ему никогда не позволяли увидеть, как на самом деле выглядит квартира изнутри. Он с радостью развернулся, прижавшись лицом к потертой двери.

Внутри не было лишней мебели, а шкафы и стол посередине гостиной были из стекла и ярко сияли под холодным светом лампочек.

Безумно красиво. Хотелось бы и самому побывать там, но щель с лязгом захлопнулась, дав понять, что осмотр на этом закончен. Владу пришлось вернуться на своё место.

- У Вас очень красиво.

- Спасибо. Извини, что не приглашаю, - щель снова открылась. Так звук шёл лучше.

- А Вы помните учебники по биологии, мистер Гордон? – он не обратил внимания на оправдание хозяина. – На картинках органы рисуют такими яркими, но на самом деле внутри нас тоже темно. От этого становится немного жутко.

Александр сначала не понял о чём ему только что рассказали, но через пару секунд до него с ужасом дошло. Лицо и руки обдало жаром.

Тьма внутри него.

Он срывается с места и уже не слышит слов по ту сторону двери, подбегает к зеркалу в ванной. Широко открыв рот, он светит внутрь фонариком и, кажется, за долю секунды, пока ещё свет не заполнил всё пространство, он увидел два красных глаза внутри себя, почти у самой глотки. Александр выронил фонарик, рвано и часто дыша. Он вцепился себе в горло, будто демон всё ещё там и его удалось схватить.

Пошатнулся назад.

Рука больше не позволяла воздуху поступать в лёгкие, и он стал задыхаться, чувствуя, что тень теперь ни за что его не отпустит по своей воле, но и не сможет забраться глубже, чтобы сожрать органы. Ну уж нет! Он этого не позволит с собой сотворить!

Александр дернул одну из светодиодных лент на дверном косяке, оторвал один край и быстро перекинув его через шею, затянув как можно сильнее. Он не умрет – сможет остановиться в нужный момент, когда проклятая тень покинет его тело, и горлу станет свободней. Нужно лишь подождать.

Всего минута, и силы покинут это богом забытое существо, оставив его носителя наконец в покое.

Терпеть пульсацию на лице становилось невозможным, а перед глазами стояло одно большое чёрное пятно. Но долгожданное облегчение пришло. Руки сами собой разжались. Александр упал на колени и полетел лицом вниз.

Теперь демон не побеспокоит его какое-то время...

Екатерина Брицова

Из книги «Кафе. Читай по главе в день»

4

Я хочу поговорить о прощении. (И пусть, Господи, это не будет воспринято как учебник по эзотерике. Какие сотнями пылятся в домах с пометкой: «Вот закончу (*впишите своё*) и прочту» или «Вот случится (*здесь тоже своё*), и пойму». Большею частью безнадёжно мёртвые книги о вечном. У меня у самой полка забита такими. Хотя нет. Обманиваю. Я изучила их. Не все и не полностью, не каждую с начала. Но то, что прочла, осталось со мной навсегда. Радует то, что книг, которые я прочла и поняла, гораздо больше, чем одна полка.)

Тут же приходит в память образ одного мужчины, в доме которого я бывала. У него антресоль, шкафы в коридоре, комнате забиты книгами, которые он очень хочет однажды прочесть. Не читает сейчас. Занят. Но он счастлив, что такая перспектива есть. Там были редчайшие книги, ограниченных серий выпусков. Классика и что-то, что бы я никогда не стала брать.

Вот когда закончится то-то, примусь за чтение того-то...

Желание, чтобы всё скорее закончилось, — желание приблизить смерть. Говорят, что она более милостивая и лёгкая, чем жизнь.

Я не об этом думала, когда создавала файл для новой главы. Здесь планировался текст о выходе в понимание ценности появления каждого человека в жизни и прощении всего того плохого, что он специально (якобы) или ненамеренно совершил. Об этом написаны тома, сняты фильмы. Журналы по психологии через номер выпускают статьи с такой фабулой: прощай, и жизнь будет легче...

Прощение — это более простой взгляд на происходящее. Это упрощение проживаемой действительности и происходящих событий. Буддисты говорят, что мы с вами — пустая форма пустоты. Нечто нематериальное, сгустки энергии, которые умеют чувствовать — отсюда и все сложности, потому что чувства, какими бы они ни были радостными, неизбежно ведут к страданию: ведь каждое чувство быстротечно, и мы привязываемся к тем из них, которые приятны, цепляемся за них, хотим вернуть. Мозг сложно реагирует на боль. Хотя она так же важна, как и радость. Ещё когда мы были младенцами, падая с кровати, мы испытывали сильную боль, и у нас зарождалась обида

на кровать, пол, всех, кто был рядом и должен был нас спасти, но не спас. Микрообида, которая при новых и новых столкновениях будет расти и крепнуть. И однажды, лет через 25, кто-нибудь почему-либо нам скажет: «Давай посидим на полу...» Дружеский, сближающий, казалось бы, жест. Но вчерашний младенец в нас кричит: «На полу! Это нормально, по-твоему? Почему я вечно на полу?!» Открытая рана, которая была задета. Можно удалить из своего поля того человека, который предложил сидение на полу. Можно вступить в секту «Мы сидим на креслах и стульях. Это наш осознанный выбор», но «красная кнопка» всё равно останется активированной на этой ситуации. Она начнёт «включать» и другие больные места. Помните, там ещё кровать была, люди.

Если мы будем практиковать прощение непрерывно, мы сможем добраться даже до обид первых дней жизни.

Другой пример обиды, с которой важно поработать, — это боль в результате насилия. Физического, психического. О ней и поговорим чуть подробнее позже.

Как прощать.

Первое — найти выгоду. Жертвы насилия на этом месте меня могут возненавидеть. Как можно найти выгоду в том, что со мной это случилось? Но тут ответ такой: обидчик — это фигура на карте нашей жизни. Значит, он был нужен именно нам. Нам с ним и разбираться. Какие качества воспитали (или попытались воспитать) в нас сложные ситуации: веру в себя, осознанность, принятие своей красоты, возвращение внутренней силы... их много. Ищем свою.

Здесь можно возразить: у меня не было просьбы о прокачке этих скиллов. Позвольте с вами не согласиться. Она была. Но звучала иначе. Когда мы просим у Неба силы — оно посылает нам испытания, что сделают нас сильнее. Хотели чувствовать себя более привлекательными или хотели быть умнее, счастливее. Хотели отдыха, расслабления (так моя близкая подруга попала под машину, когда хотела «отлежаться»).

Мы просим. Но для реализации желаний нужно кое-что приобрести новое. Открыть в себе качества, при которых эта реализация станет доступной. Возможной. Детей не сажают за руль не потому, что они не достают до педалей (то есть не только поэтому), а потому, что у них низкий уровень сознательности. Они не знают, почему нарушать такое-то правило дорожного движения — плохо. Почему нельзя, играя, «наехать» чуть-чуть на человека.

Есть ещё одно горячее возражение по этому же пункту: «А что, нельзя было мягче дать мне возможность прокачаться? Обязательна ли

грубость, жестокость, боль... мне не нравится боль». Мне тоже не нравится. Ну, не вся нравится — так точнее. Когда стоим у окна, а к дому подходит любимый человек, и у нас отклик — вот-вот обнимем — до момента соприкосновения тел зачастую приходит боль. Тянувшая, лирическая. От неё хочется плакать. Слёзы счастья.

Ответ: можно. Иначе воспитаться: не через боль, грубость, отчаяние, а через счастье, любовь, тишину — взрастить душу, тело, личность точно можно. Но мы уже с чем-то имеем дело. Уже произошли те события, где для роста (например) применялись другие методы. И именно эти методы запечатлелись в нашей памяти настолько прочно, что она не впускает в себя другие. Это наш неосознанный выбор. Это инструменты, что оказались у фигуры, которую мы поставили на карту нашей жизни. Да будет так. Теперь имеем с этим дело.

Если не готовы расстаться с обидой, лучше перейти к следующей главе. Возможно, там что-то менее трогательное. К этой можно всегда вернуться позже или забыть её, как неприятный сон. Пусть всё случается добровольно.

Дальше.

После выяснения выгоды ситуации нужно принять дар. То есть если ситуация сделала нас более сильными или уверенными в себе, и даже если это только подразумевалось, пришло время взять наработанные психические качества. Признать, что это качество в нас уже появилось. Честным трудом добытое. И мы легко можем им пользоваться и транслировать в мир. Усвоить эти знания удобно посредством письменных бесед с собой, повторением одного и того же (аффирмации) и других техник.

После распаковки и принятия дара выходим в понимание и благодарность. Благодарим всех участников картины. Как будто жизнь реально театр, а люди в ней — актёры, и все качественно сыграли свою роль.

Как будто весь мир принесён нам в жертву и всё то, что происходит вокруг, — оно только для нас и только про нас. Пусть напоминание или первое упоминание об обиде станет помощником на пути к освобождению себя от тяжести обид и архива обвинений в адрес обидчиков.

Поблагодарили «актёров». Поняли происходящее. Приняли дар. И стали ещё более свободными. Это называется любовь. Так она чувствуется. Одно из её проявлений. Это сверхлёгкость, покой, радость и грусть одновременно.

Одна только мысль о том, что с момента зачатия до последнего вдоха — а буддисты утверждают, что и дальше, — мы сами ответственные за все происходящие события в нашей жизни, в том числе стихийные бедствия и катастрофы, одно только это понимание приведёт нас к освобождению от оков зависимости от состояния, настроения, поведения других людей. И снимет с нас необходимость оправдывать свои неудачи, признав их просто частью жизни. Такой мощной, интересной, яркой, наполненной жизни.

6

Мужчина за соседним столиком с самого утра за ноутбуком. Я пришла сюда на встречу, ждала какое-то время человека, беседовала с ним два часа, а мужчина всё это время печатал. Может быть, у него тоже рождается книга.

Один раз музыка в его наушниках была, вероятно, настолько заразительно ритмична, что он стал громко притоптывать ногой. Если послушать запись диктофона, которую я делала на этой встрече, там наверняка будут слышны эти звуки. Топот через равные промежутки времени... Это было курьёзно.

А я танцую в метро. И шевелю губами под слова песни. Много раз видела, как это делают другие, и говорила себе, что это ужасно нелепо, но у меня, конечно, по моему предположению, всё получается более эстетично. Более красиво. Это же я... сама над собой сейчас смеюсь. Я понимаю, как это забавно. Но когда музыка в наушниках вдруг такая уместная, такая любимая, трогающая сердце, и весь мир вдруг под неё становится прекраснее, переливается гранями идеального бриллианта, как можно не включиться в процесс? Как можно проигнорировать эти ритмы или слова, которые до такой степени часть меня самой?

Интересно, так у всех или только у меломанов? Если бы в мире было ещё больше меломанов, чем я вижу в метро и других общественных местах, чаще случались бы моменты, когда мир начинал бы пританцовывать. Мы бы тогда, наверное, больше любили часы пик. Чем больше людей, тем больше музыки и танцев. Тем больше шансов у мира стать не просто миром, а идеальным бриллиантом.

Мой папа меломан. Самая большая радость в его жизни — музыка, музыкальная техника, музыкальные девайсы, люди, которые занимаются или слушают музыку. Он живёт не слишком богато, в его доме потрёпанные обои и чашки со сколотым краем, но у него огромная коллекция мировой музыки на различных носителях: на бобинах, на виниле, на дисках разного формата и уровня.

С детства я слышала разногласия в доме вокруг музыкальной темы.

— Ты снова купил этот диск/пластинку, у нас же совсем нет денег! Дети босые ходят!

— Но это коллекционное издание... я потом такого не найду.

Однажды, когда мне было уже за 20, я решила, что могу высказать некоторые претензии отцу. Звучит прямолинейно — но так оно и было, не буду редактировать. На самом деле я захотела поговорить о наблевшем, прояснить некоторые моменты. Дело в том, что у нас никогда не было душевных, доверительных разговоров. Он всячески избегал и даже отвергал их. Но в этот раз я решила подвергнуть его стойкость и мудрость испытанию.

Я долго думала, что именно хочу обсудить: в чём я видела самый большой смысл для себя. Я воспитана в том духе, что родители — боги и недостижимы для критики. Но постепенно я пришла к пониманию, что он живой человек, мужчина, и всегда жил очень разной жизнью, где была не самой значительной из сторон маленькая я и мой брат (потом родился ещё один). У отца были свои увлечения, радости, страхи, сомнения... и как-то он жил. И как-то я была рядом, и выросла, и возымела смелость обсудить наши с ним сложности в коммуникации. Что-то такое нужно было... что-то «горячее»: то, что в данный момент жгло внутри и требовало объяснений. Что-то такое, решение чего освободило бы меня от многих сомнений и разочарований. И, перебрав многое в памяти, за многое простив, я вытащила немного того детского, что до сих пор вызывало у меня жалость к самой себе.

— Пап, у меня в детстве несколько зим не было целых сапог. Ходила, хлюпала ногами по сырому снегу, мёрзла. Надо мной весь класс смеялся, что я в дырявой обуви, а ты диски покупал. Ты не любил меня? Я мешала тебе наслаждаться твоим увлечением?

Впервые в такой момент он смутился. У нас не было прежде разговоров на таком уровне. Но с ответом не помедлил.

— Катя... ты сапоги бы сносила и забыла, а диск — навсегда. Ты же выросла на этой музыке. И на этих музыкальных сказках.

Действительно, у нас были незажиточные годы, но тихих, безмузыкальных не было.

Я услышала ответ и разревелась. Мне показалось, что он шутит: у меня не укладывалось в голове такое противопоставление. Отмахивается от меня — не хочет говорить серьёзно. И на самом деле тут не в музыке дело, а в том, что он действительно не любит меня.

Папа опешил. Он всегда терялся от моих слёз. И сейчас...

— Ну ты чего? Диски — они же на всю жизнь. Вот он, который я тогда купил. — Снял с полки голубую коробочку CD-дисков. Всё ещё

пугаясь моих слёз, протянул мне её, отступая назад. «Алиса в Стране чудес» — с песнями на слова Высоцкого. Мой любимый диск. — Достань оттуда книжечку со стихами. Помнишь, как ты её любила? Перепечатывала. Наизусть учила.

Это правда. Очень любила. Когда печатать училась, слепой метод осваивала, брала именно её и перепечатывала стихи. «Этот рассказ мы с загадки начнём...» До сих пор каждую строчку знаю. Смысл всё ещё раскрывается для меня.

Взяла коробочку. Книжечку достала. Папа смотрит: не любил он, когда я ребёнком её доставала. Боялся, что порву. У него каждый диск в пакетике, в одном направлении все стоят в коробке стройно, ровно, картинкой к зрителю.

Реву. Книжечку листаю. Папа близко не подходит. Слёз боится. Стишки мелькают. Песенки в голове звучат.

— Спасибо, папа! — Говорю. — Я всё поняла. Хорошо, что обсудили.

Он любит меня, а я его. Это точно. Коробочку забрал. Всё аккуратно сложил. Предложил послушать его новую находку (не помню какую). Согласилась. Слушаем.

У него новое хобби. Он находит исполнителя, который придётся ему по душе. Скачивает из интернета все треки, альбомы. Слушает. И записывает на диск лучшее из лучших. Дизайн дисков — стилизация под виниловые пластинки. Обложки делает сам. Составляет тексты, добавляет фото в программу. Распечатывает, вырезает, вставляет в коробочку. Он так счастлив в этом. Делает для себя. И на вопрос: «Что подарить?» — до сих пор отвечает: «Болванки или диск на терабайт».

Человек живёт музыкой. Человек живёт.

10

Поделюсь наблюдениями за ложью

Когда мне было 10 лет, мы с мамой вдвоём переехали на Кубань, и там со мной произошёл случай, который научил меня пониманию, что ложь не нужна. Очевидно, скажет мой добрый читатель, что ложь не нужна. Разве это неясно? Но одно дело, когда ясность в только голове, другое, когда понимаем всем телом, то есть всем своим существом. Когда уже на подсознательном уровне зафиксирована информация. Как базовые привычки, например: тронешь огонь — обожжёшься. Так и с ложью. Ценно прочувствовать её нутром, чтобы понимать её суть и начать с ней новые отношения, построенные на осознании взаимовыгоды или взаимоуничтожения.

Здесь, на Кубани, и состоялась встреча с этой истиной.

Мы переехали. Отец с братом остались в Сибири. У папы был какой-то контракт по работе, которому ещё несколько месяцев жизни нужно было отдать.

До переезда мы жили в квартире, у нас была дача и у бабушки — частный дом. Там были огороды и садовые деревья. Но такого обилия фруктов на личном участке, как на Кубани, я не видела ни разу. Мы приехали к самому урожаю: горы яблок, груш, слив, винограда. Я была в восторге. Моментально всё это начала есть большими порциями. С непривычки организм бунтовал, возмущался, но жажда вкуса была сильнее. Например, сливы я до сих пор не ем. Так тогда их переела. Только в виде варенья...

В один из дней, когда мамы не было дома, я решила порезать яблоки, чтобы засушить их к зиме. Несвойственная мне инициатива, вызванная, видимо, резкой сменой обстановки. В доме, в который мы переехали, давно не жили. Ножи, что удалось найти на скучающей кухне, были туповаты. Меня это не смутило, и я взялась за дело. Неумёха городская. Вкладывала яблоко в ладонь и сверху давила ножом, отрезая ломоть. Несколько фруктов поддались практически легко. Дали себя искромсать, разложить на сушилку. Но на одном из последующих нож сорвался и впился мне в основание большого пальца. Кровь моментально хлынула рекой (как мне тогда показалось). Я взвизгнула и набрала полные лёгкие воздуха, чтобы приготовиться орать от боли, как вдруг...

Как вдруг я огляделась в поисках невидимого зрителя и вспомнила, что я одна дома и что никто меня не пожалеет. Это было впервые. Чтобы такая рана с хлещущей кровью, и я совсем одна. Даже маленького брата не было. Он бы хоть испугался за меня. Меня бы поддержала его реакция.

Я моментально проанализировала ситуацию. Кровь уже капала на пол. И я начала разговаривать с собой: «Сейчас, Катюша, мы промоем ранку и смажем зелёнкой». Так я и сделала. Зелёнка в несколько раз усилила боль. Я начала глубоко дышать и интенсивно дуть на ранку.

Заматывая порез тряпочкой или бинтом, я начала рассуждать, что всё время, когда я кричала раньше, я врала. Не во всех случаях, конечно, в младенчестве наверняка была веская причина — чтобы привлечь внимание, например. Но тогда я именно так сказала себе: «Я врала. Кричала раньше, как будто от боли, но могла не делать этого. Точно!»

Мама много раз уличала меня во лжи. Настоящей, ненадуманной. «Кто разбил? Ты?» — «Нет. Не я...» Наказание, взаимная обида. «Кто разбил? Ты?» — «Да. Я». Такая же реакция. Что-то не то. Как бы я ни

ответила, реакция была одинаковая. Но если соврать — рассуждала я ребёнком — есть вероятность 50%, что не заметят и не призовут к ответу. Однако это оказалось ошибкой рассуждения. Ложь не спасала от ответственности. Это нужно было вовремя обнаружить, пока я не научилась обманывать профессионально.

Родителей расстраивала любая наша с братом нечестность, и я старалась быть такой как можно реже. Но в эпизоде с порезом меня озарило, что ложь и правда — это ещё глубже, чем признаться, кто разбил кружку, чем ответить честно на неприятные вопросы. Даже когда я просто так кричу, плачу — это я тоже обманываю. И можно боль прожить без крика, и можно помощь самой себе оказать... Можно эмоциональными реакциями не манипулировать и не привлекать к себе внимания. Другое дело, когда они не контролируемые, чистые, незапланированные. Но здесь и тени манипуляции или желания нарушить чьё-то пространство не будет. Даже у ребёнка. Чистые эмоции — совсем другое дело. В тот день я пообещала себе учиться не врать. Не врать себе, что мне больно, если не больно. Не врать, что страшно, если это не так. Начать с себя. Именно так.

Что тут добавить. До сих пор учусь. С того момента я ещё много раз ловила себя на лжи. Явной, прикрытой, во спасение. Лгала многим и себе — отодвигала себя на второй план, заставляла себя молчать, отказывала себе во многом, даже без следующей за этим пользы для кого-то — бездумно, во вред себе, но порой в иллюзорную угоду социуму. Сейчас этого уже сильно меньше. «Что люди скажут?» Всё что угодно. Люди непредсказуемы. В их голове роем мысли, и у каждого тысяча и одна причина сказать мне что-нибудь обо мне. Для меня. Хорошее, плохое. Без контроля.

Я иду к себе. Я разрешаю себе быть собой, возвращая в себе высокие моральные принципы, чтобы мои желания и намерения были во благо мира (а иначе зачем мы живём вообще). Чтобы быть верной себе и при этом очищать планету от психического (и другого) мусора. Говорю, когда хочу. Молчу, когда хочу — но с этим сложнее — чаще настаивают, чтобы говорила: отвечала на вопросы, соблюдала речевой этикет. Учусь делать только то, что хочу делать. Не делаю того, на что нет внутреннего отклика, — наблюдаю за этим более тщательно. Получается не всегда. Пока не всегда. Нахожусь с тем, с кем хочу быть. Убираю из окружения того, кто не нужен именно мне и именно сейчас, — деликатно, как могу. Наблюдаю за своими реакциями. Занимаюсь совершенствованием этих процессов и не обманываю себя в этом.

Не бегу от сложных людей, от опасности и ответственности. То, что готово уйти, — уйдёт. Не обманываю себя и других, делаю только то, что хочу делать. Благодаря этому имею дело только с тем, с чем хочу.

И это без необходимости пробуждения себя болью, ранами, шрамами... Тот «яблочный», кстати, до сих пор при мне. Быть в присутствии и наблюдении без необходимости давать себе подзатыльник. Нужно соврать — значит, врать. Только не обманывать себя в том, что не соврали. Особенно себе.

Иногда у меня что-то спрашивают. А я отвечаю, что сейчас совру. Поэтому мне лучше промолчать или я дам ложный ответ. Как собеседнику удобно — он может выбрать. Я и с собой так же. Иногда признаюсь, что сейчас буду врать. И что так нужно для дела. Может быть, только тогда это уже не ложь, а правда в другой обёртке. Парадокс лжеца: тот, кто признаётся в том, что врёт, точно не врёт.

Ложь — тонкая штука. Правда куда фундаментальнее и прочнее. И как же она облегчает жизнь. Начиная путь во лжи, мы можем прийти куда угодно. Начиная путь из правды, мы придём только в правду.

16

С утра шёл снег. Сейчас дождь. Моя любимая погода. В моём окружении принято радоваться солнышку, а я люблю пасмурную погоду, когда воздух серый или тёмно-синий. Друзья и новые знакомые удивляются. Прикольно удивляться всему, что из ряда вон. Иногда подозревают во лжи относительно этого вопроса, в сложностях со здоровьем, в том числе психическим, или в особенностях нрава. Ну, у кого что отзывается внутри. Такая лакмусовая бумажка: вы мне сами признаётесь, где у вас болит, своей реакцией на моё равнодушие к солнечным дням.

Люблю именно такое проявление стихии. Спонтанное. Красочное. Когда она особенно непредсказуема, как истинная женщина в дурном расположении духа. И красива, и страшна. Разная, дикая. Рядом с ней хочется быть, восхищаясь её красотой, но подойти близко боязно. «Я лучше из окошечка посмотрю».

У меня со стихией особые отношения. Однажды мы встретились очень близко...

Это было в январе. Одиннадцатое января. Мне 14 лет. Мы с семьёй традиционно посмотрели какой-то фильм и отправились спать. Мне кажется, я даже помню, о чём я думала в тот вечер. Какие блокноты открывала, какие пометки в них делала (я всегда что-то писала). Удовлетворённая оконченными делами и редкой тишиной дома, уснула. Ненадолго. Через пару часов всех жителей посёлка (мы тогда жили

в посёлке — всего три года выдались на деревенскую жизнь) разбудили криками из громкоговорителей. Текст точно не помню, но нас призывали собрать важные вещи и быстро покинуть дома. На нас надвигалась вода. Стремительным потоком. Пока мы собирались, она ещё не дошла до нашей улицы.

Нас торопили с эвакуацией. Река вышла из берегов. Ни для кого это не было неожиданностью: мы опасались, нас «предупреждали» мелкими заметками в газетах и городскими слухами. Конечно же, на самом деле мы не были подготовлены и было ощущение, что нас застали врасплох. В тот год выпала трёхгодовая норма снега. Чуть ниже колена. Весь транспорт встал. Люди ходили на работу, в школу по глубокому снегу, переваливаясь с ноги ногу, утопая в мини-сугробах. Снегоуборочной техники в тех краях не было. Нам, школьникам, всё это поначалу казалось забавным. Потом пришла информация, что река, вечно бегущая к морю, замёрзла в устье и его «будут чистить». Время долго тянется в маленьких городах. Чиновники неспешно подписывают бумаги, выделяют время на пресс-конференции по поводу прочистки устья реки, потом «скребут по сусекам» в поисках рабочей силы, а река тем временем перестаёт вмещаться в свои берега. Я не знаю, что там на самом деле было, почему его, устье, вовремя не почистили. Версий я слышала разных много. Здесь описала одну из самых безобидных.

Отец остался в ту ночь дома. Ждать воды и мародёров. А мы с мамой и двумя братьями пошли в автобус. А бабушка — куда она? Не помню. Она же жила тут же, недалеко от нас. Но вот не могу вспомнить...

Автобус уже был полон всклокоченными, заспанными местными жителями. Многих я знала. Женщины плакали. Мужчины молчали. Мы сели с мамой на заднем сиденье, и я постаралась пошутить. Что-то про свет в автобусе, а я без макияжа, про то, что приключения — это здорово и будет что друзьям рассказать. Так и оказалось: рассказываю. Признаться, жизнь в маленьком городке не балует событиями. Любое происшествие у соседей — свадьба, ссора, развод — обсуждается всеми в красках, интонациях, с вымышленными подробностями. А тут настоящее событие. Это же радость! Развлечение. И неважно, какими будут последствия. Кто из нас, развлекаясь, думает о последствиях. Так и стихия...

Автобус тронулся, и мы слышали, как за нами бушует вода. Пытается нас догнать. Её ход сдерживали пустые дома, которые она постепенно заполняла, неумолимо напитывая ковры, диваны, шкафы с книгами, одеждой.

Автобус отвёз нас на другой берег реки. Там жили наши друзья, стояла моя школа. На следующий день в школе все только об этом наводнении и говорили. Я чувствовала себя неуютно. Была словно под прицелом всеобщего сочувствия. Ажиотаж вокруг этой темы меня, признаться, удивлял. Хотя сейчас я понимаю, что скучающий городок ожил и ему хочется наговориться, наобсуждаться и выразить сочувствие, оказать какую-то помощь. В этом была и доля выставления напоказ себя.

Они не приняли шанса судьбы сделать друг для друга что-то хорошее: искренне поддержать пострадавших и стать действительно сильнее, милосерднее. Сотню раз у меня спросили, как мне переживается «всё это». Я вежливо кивала: «Спасибо, всё в порядке», а про себя чувствовала их неискренность, радостное любопытство.

Через пару дней вода начала спадать, и я поехала к отцу. В наш дом или то, что от него осталось после разгула стихии. Отец переживал пик наводнения с несколькими мужчинами: одни на весь посёлок. Их эвакуировали из домов на бэтэрах, и они отсиживались бравой компанией на самом верхнем этаже особняка: самого высокого дома в посёлке. А была середина января.

Я застала отца дома. Он освобождал от воды комнаты. Черпал её банкой в ведро и выливал на улицу. Я тоже взяла банку, ведро и ушла на кухню. Банка — 800 г, стеклянная. Через какое-то время моя кисть застыла по её форме. Я вычерпала всего несколько вёдер. Меня утешало и поддерживало то, что кухня всё-таки становилась свободнее от воды. Но мне было сыро, голодно и холодно.

В шкафах не было ни одного сухого полотенца, чтобы я обтёрла и высушила руки. Я поняла... только тогда до меня дошло, что в радиусе нескольких километров нет ни одной сухой тряпки. Тогда понимание силы стихии вошло в меня окончательно. В то мгновение время будто замерло, и я впервые осознала, что у нас есть выбор только в реакции. Встреча неизбежна, а как мне к ней отнестись, я решала прямо там, в моменте. Стоя во дворе, усыпанном ледяными осколками. Ужасаться или восхищаться. Я выбрала восхищаться.

Там же я сравнила людей со стихией. Войну с наводнением или пожаром. Да, я хорошо училась в школе, подробно изучала все предметы, в том числе историю. Уже тогда я недоумевала от количества войн на протяжении всего существования человечества. С природой невозможно договориться. Взмолиться, объясняя ей что-либо, не выйдет. Она сильнее и мощнее. Но с человеком, с людьми же можно! Попросить у них защиты от них же самих. Почему тогда войны не останавливаются ещё на уровне идеи...

На мою жалобу о голоде отец предложил поесть котлеты, их я найду на плите в сковородке. Они были приготовлены три дня назад мамой на завтрак, к которому мы не успели прикоснуться. Отец съел за всё это время только одну котлету. И, как я поняла, оглядевшись, больше у него не было еды. Мне даже показалось, что он сильно похудел. Я не стала есть. Решила, что могу потерпеть. Первый настоящий импульс нежности к семье, к отцу. Раньше я его так близко не рассматривала. Он всегда был рядом, но я почему-то не воспринимала его таким сильным, выносливым. Таким героем. Для меня он был... неважно кем. Как меня научили, так я и воспринимала его. А это был момент выработки первого своего личного мнения относительно моего отца. Затем было ещё много моментов, которые раскрывали его в моих глазах как настоящего мужчину и эталон силы, терпения, мудрости. Но этот опыт был первым, и я хорошо его запомнила.

Я ещё немного помогла отцу и уехала в место переживания потопа. Мы прожили там около недели, и вода сошла окончательно. И вот мы снова собрались дома. Что-то сильно поменялось во всём: другой воздух, запахи, кошки ушли. Стало грустно, и даже музыка звучала иначе.

Было ясно, что в этом доме мы не останемся надолго. В стенах появлялись трещины, он начал оседать. Привычный уклад жизни был разрушен до основания, а фундамент для нового ещё не был создан. Революция... ещё одна «стихия», с которой практически невозможно договориться.

Мой стресс (а смена обстановки — это всегда стресс) выливался на бумагу. Я рисовала. Одна из моих зарисовок шариковой ручкой на тетрадном листочке в клеточку — наша прежняя жизнь, какой я её помнила до потопа. Собака, двор, угол дома, калитка. Через эти символы я понимала, что я дома, когда возвращалась с прогулки, со школы. Улица, домики, и наша калитка, и остальное, что на рисунке. Подписала его: «Однажды была жизнь...» Мама увидела. Плакала. И плакала каждый раз, когда вспоминала этот рисунок, на протяжении многих лет.

Начались переезды. Покупка новой недвижимости, которая отчего-то не принесла радости, хотя исполнила мечты родителей. Новый дом был не в пример лучше предыдущего. Но он не был родным. Таким он и не смог стать. По ряду причин, не о них сейчас.

В школе нас с братом замучили гуманитарной поддержкой. Едой, от которой я пережила сильное отравление: настолько продукты были напитаны нездоровым отношением. Поддержка на то и поддержка, чтобы просто дать понять, что мы не одни в мире: пользоваться ей совсем необязательно. Но деньги в семье появились... и вот сейчас вспомнила:

мама купила мне куртку, о которой я давно и долго мечтала. Какое это было счастье для меня. Я была (чувствовала себя) самой красивой на дискотеке, когда приходила туда в ней. Ощущение красоты вдохновляло меня всегда.

И я сегодня в красивом месте. С красивой музыкой. Кроме официантов и горничной, в помещении никого больше нет. Как красиво. Я жду человека... Всё идеально.

Потоп остался далеко позади. С тех пор отношение к стихии у меня самое уважительное. Кто-то переживает в своей жизни пожар, кто-то — потоп, кто-то — землетрясения. Говорят, что потом уже ничего не страшно. Не соглашусь. По-прежнему многое страшно. Но, действительно, что-то закаляется, укрепляется внутри. Сколько находок у меня в одном событии! Это шаг к зрелости, к реальному восприятию мира. Хорошо, что было, хорошо, что прошло.

28

Завершение — это всегда опустошение. Я не про то, что это последняя глава книги. Если она с призывом «Читай по главе в день» и мои внутренние ощущения, что с кем-либо, чем-либо для изменений нужно провести минимум два месяца, то эта глава никак не может быть последней. Потому что 28-я глава — это только один месяц, если читать по главе в день. И тот февраль. И то не всегда.

К чему эти условности, ограничения. Нам предсказывают будущее, обещая глобальные изменения или потерю, находку важного, а мы, если будем сидеть на месте или, наоборот, давить на пространство, запросто можем всё разрушить, упустить шансы, возможности. Ограничивающие решения и складываются из предсказательной функции нашего ума. Он анализирует, пытается построить на опыте прошлого иллюзорное будущее. А мы по привычке верим ему. «У соседа так было, значит, и у нас будет». Казалось бы — с чего это? Мы же не он. А нет, верим. И не делаем чего-то, что хотим. Не пробуем, не меняем, не перенаправляем течение жизни. Из страха, инфантильности, опираясь на прогнозы ума.

Ограничения, условности... жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на ограничения и условности.

У меня скоро день рождения. И это всегда трудный для меня период. Примерно за месяц до события я чувствую странную опустошённость. Будто я уязвима, прозрачна и доступна для всех игр системы. Общество особенно сильно начинает давить на меня именно в этот период. Давит условностями, правилами жизни. Как надо, как правильно в этом возрасте... «страна советов». Всю мою жизнь разные

люди мне говорят, как правильно жить, делать, думать. И это так давит на меня, что в какой-то момент мне кажется, что вот-вот раздавит. Я сдамся и стану... и превращусь... скорее, исчезну совсем.

Сегодня мне снился сон, как я с мужчиной мчусь на машине в лесу. Дорога ужасная. Мужчина уверенно правит. Держит руль. Машина эта — дом на колёсах. Тут в сон врывается мистика. В окна машины начинают валиться дождём кошки: драные, облезлые, тощие. Я закрываю окна, выбрасываю кошек наружу. Они ползут. От тряски окна открываются, и звери вваливаются внутрь. Я, как герои книги Кобо Абэ «Женщина в песках», борюсь со стихией, выбрасывая их, а их хоть и не становится больше, но поток бесконечен. В какой-то момент кошек сменили крысы. На столах дома на колёсах образовались целые горы серых, чёрных, белых грызунов. Валят потоком. И кошек они не боятся...

Подруга рассказывала, что кошки во сне — это к предательству. Для меня предательство сегодня — это попытка сломать меня, сломить, шаблонизировать. Предать себя — забыть о себе. Предать другого — попытаться переделать без его согласия. Как часто женщины выбирают Мюнхгаузов и делают из них садовников Мюллеров. Из необычных, неординарных, увлечённых чем-то удивительным, возможно экстремальным, мужчин делают домоседов. Как часто мужчины из своих женщин-звёзд делают баб в халатах. В день по капле на макушку: с тобой трудно, с тобой страшно, на тебя все смотрят, мне не нравится то, что ты не как все, к тебе нужен подход, а я устаю... Это тенденция.

Про то, что означают крысы во сне, я даже спрашивать боюсь. На мой взгляд — карма, ощущение нечистоты и жертвенности. Отказ систем защиты и наступление момента, когда «рука бойца колоть устала» и возможность защититься стремится к нулю.

Я проснулась на мгновение, когда увидела во сне груды крыс. Успев понять, где нахожусь, соприкоснувшись с реальностью этого мира, но не сбив полностью дрему, снова закрыла глаза и погрузилась в сон. Теперь уже я вышла к персонажам осознанно. Включила какую-то солнечную лампу. Огромную. Как фонарь. Ярко-жёлтый горячий свет, озаривший всю комнату, начал растворять животных. Вскоре они исчезли полностью, машина тоже. Остался только свет, и сон закончился.

Животные в моём сне — это паразиты Системы. Условные персонажи, которые являются, дают и, например, рассказывают, как жить надо. Как надо и как хочу — это разные вещи. И для всех людей «хочу» разное. То есть оно имеет разное значение. У одних это заявление о потребности при отсутствии возможности его удовлетворить; у других от скуки; для людей с незрелой душой «хочу» — единственная форма

заявления о себе миру. Но общество стремится к установленным правилам, правильным действиям. Воспитание. Система его так воспитала. Так толпой легче управлять. Так на неё можно влиять. С одной стороны, что может быть проще: живи по законам Системы, выполняй все правила, будь в состоянии жертвы, сменяющейся иллюзорным освобождением, крути это колесо, и Система поддержит. Система всегда заинтересована в страдающих, она на них держится: они пытаются вырваться, борются со всем подряд, тратят природную энергию и вынуждены поддерживать систему, которая поддерживает их. Поэтому жертвами так приятно и легко быть. Потому что Система поможет выбраться из состояния жертвы, в которое сама же и погрузила. Из одной жертвы выйдем — в другую войдём. Систематически.

Я выбрасывала из машины во сне паразитов, как я выбрасываю их из жизни. Иногда сдаюсь. Иногда становится невыносимо трудно. Но это тоже игра системы. Если мы на другом уровне, то нас поддерживают другие силы, другие энергии... о них чуть позже, в другой главе.

День рождения — это завершение. Завершение моего года: года, прожитого мной.

Я заметила, что в первые годы, когда я ушла из родительского дома, у меня и мысли не было о «завершении». Были недели-месяцы голодной жизни, когда реально даже на хлеб не было денег и хоть вставай на перекресте с песнями и плясками зарабатывать на хлеб. Потому что вся зарплата уходила на аренду жилья и на оплату текущего, необходимого: дорога, сотовая связь. Тогда меня даже мысль о том, что всё однажды закончится, не посещала. Гонка на выживание такая бесконечная. Голод, холод, страх, одиночество, нужда... тогда даже мысль о стабилизации материального положения казалась смешной.

Но всё идёт, меняется. Что-то новое открывается. Стабильность маячит. Но теперь и она начинает пугать завершением потока жизни. Завершением всего. Привычка жить в нищете много лет была основой, отправной точкой для моих мыслей и действий. А потом жизнь повернулась, точнее, её повернула я. И что после? Ой... это не та жизнь, которой я жила раньше. И что в ней. Я не знаю. Я здесь впервые. И когда конец... пока была нищета, была уверенность, что так будет всегда. А всегда, как мы знаем, — это очень долго. А теперь что? Нет, я не миллионерша, но я и не дожидаюсь зарплаты как манны небесной. Деньги теперь — это побочный продукт деятельности, которая доставляет мне большое удовольствие. Деньги всегда там, где есть удовлетворение.

Пришло ощущение игры жизни. Понимание, что игра проходит, а смысл был в самой игре. То есть игра ради игры. И зачем двигаться дальше. Всё же завершено. Вот оно, опустошение. Я придумываю теперь для себя квесты самостоятельно: покупаю билеты на самолёты, бронирую отели, планирую встречи, затеваю деловые проекты. Маячки в календаре, даже запись на маникюр дают мне иллюзию гарантии, что я доживу до того момента, когда мне нужно будет пойти на маникюр. «Я же записалась», — вот работа ума. Он уверен, что раз записалась, значит — пойду. И действительно же — иду. И записываюсь снова.

Когда малюсенький проект завершён, опустошение чувствуется не так ярко. Хотя есть порой ощущение пустоты, даже после мелочей, допустим, после реализованного похода к стилисту. Сходила, сделала, завершила. Чем мы заполняем пустоту? Едой, проблемами, иллюзиями...

Когда завершается большой проект, приходит состояние невесомости, перезагрузки. Нирвана. Состояние нуля. Хорошо, плохо — нет. Пустота. Нам сразу может захотеться найти новый проект. Хоть и сил больше пока нет. Не успели восстановиться после большого вложения. Не успели накопить новые силы. И уже запустили активный поиск. Этим объясняются поступки женщин, мужчин, когда они отчаянно хотят найти себе нового партнёра сразу как расстались со старым. И получается нечто несуразное. Хотя не всегда и иногда такие спонтанные встречи перетекают в любовь, крепкие отношения. Статистика ничего об этом не говорит.

Остаться в состоянии пустоты — большое дело. Ничего не делать. Погрузиться в отдых, невесомость мыслей, отсутствие телесного движения. Даже говорить можно перестать: замолчать, выключить музыку, погрузиться в тишину. В это время может произойти великая прокачка личности. И прежними после такого не остаться, рост неизбежен.

Пока мы в потоке, пока есть жизнь в нас — всё будет двигаться и меняться. Здесь, чтобы не перенапрягаться и не бояться оступиться, ошибиться, хорошо бы осознать, что не мы двигаем — через нас двигают. Что события сами сменяют одно другое, а наша задача — наблюдать и получать удовольствие от этого. Можно, конечно, испугаться, замкнуться и не получить удовольствия от процесса деятельности, но кто тогда виноват, что нам плохо... мы сами. Пришло чувство — получите удовольствие. Не получается — искать возможность получить удовольствие. Концентрироваться на сильном, важном, прекрасном.

Пришла пустота, чистота сознания и с ними уязвимость — беречь себя. Заботиться о себе и своих границах. В этом проявление любви

к себе и сохранение себя в состоянии жизни. Хорошо, плохо, пусто — лишь состояния, которые точно сменяют друг друга. Если, конечно, мы не приложим усилий к насильственному удержанию. Быть в потоке — это быть расслабленным. По пустому и расслабленному телу и сознанию легче течёт поток жизни. Один поток сменяется другим. Один провожаем, смиренно встречаем перерыв и готовимся к новому потоку. Пока живы — он неизбежен. Пока день сменяет ночь, а лето зиму, жизнь идёт.

Журавская Светлана

Когда-то...

Когда-то мне было 11 лет.. И мне казалось, как, впрочем, и всем, что вот ОНО.. Будущее, возможности.. Счастье, в конце концов.. До всего этого рукой подать.. Ведь я такая умная, и всего добьюсь..

В 13.. Нет. В 14 я осознала себя женщиной, и это никак не обрадовало меня. Оказалось, что на моём пути огромные препоны – моё собственное женское тело, способное любить, хотеть, наслаждаться и горевать вне зависимости от моего мозга и его же содержания.

Сейчас мне 35. Я сижу в туалете в надежде найти покой хотя бы здесь, а, заодно, и вписать пару цифр в sudoku, тем самым реализуя до рвоты приторную жажду движения мысли.. Гаснет свет. О дверь что-то громоздко ударяется, оседает вниз.. Пауза.. Вопль, в котором, уж и не знаю, чего больше, - бравады, боли или азарта.. И топот удаляющихся шагов. Это Сашка. Мой младший сын. Ему 7 лет, и всё произошедшее – норма нашей жизни. Продолжаю сидеть в темноте секунду-другую, потом ору:

- Сашка, включи свет!

Приближающийся топот, яркий свет ударяет в глаза, и расплавленный уставший мозг переваривает секундную слепоту, непрописанные цифры, звуки за дверью и пробивающиеся через это всё мысли о бренности и неотвратимости бытия.. Тут же, где-то в верхней части мозга, нарисовывается мерзкая, сверлящая душу, мысль: пора укладывать всех спать, а ведь ещё ж не пройдены мыльно-рыльные процедуры, которые преспокойно (как это ни странно) ассоциируются в детском разуме с каторгами и пытками..

Итак.. Глубокий вдох-выдох и.. (не узнаю свой голос, полный неожиданной бодрости и энтузиазма):

- Дети! Время - спать. Пора чистить зубы и вперёд в кровати!!! Жажду поцеловать на сон грядущий чистые носики....

Ворчание младшего, позитивное движение средней и полный игнор (как-никак, 16 лет человеку) старшего.. И через 40 минут ощущение свободы.. Пусть, мнимой.. Пусть, недолгой.. Но какой же, однако, неповторимо-прекрасной!!! Только познав её отсутствие можно

что-либо говорить о её наличии.. Так нам обычно говорят с детства, но, что странно, это правда.

Итак, мне всё ещё 35. И я уже не на унитазе. И даже не спасаюсь ни от кого.. Глубокая ночь. Тяжёлая голова. Подсознание упорно ищет нечто забытое днём, находит, и я послушно следую найденному – нужно выгладить рубашку младшему и зашить брюки старшему. Сделано. Какая я молодец! Якобы радуюсь.. Делаю глубокий вдох – в подреберье дикая боль. Перестаю дышать... И через несколько секунд всё возвращается на «круги своя».. Что-то брякнули часы и, устыдившись, примолкли.. Заворчала собака, лениво сползла со своего кресла и запрыгнула на мою кровать..

Кровать.. Кровать – это моя мечта. Всегда приятно, в итоге итогов, доползти до неё.. НО! Ещё приятнее добраться до неё вдвоём с ним! И все мои мысли, каждая клетка тела, и, как кажется, даже волосы и воздух вокруг – всё моё существо уходит в воспоминание о «вдвоём». Вообще-то, кровать у меня маленькая.. Но и я не бронетранспортер. И он. Да и наплевать, какая кровать и сколько у меня детей, и как много/мало спала я накануне, и всё-всё прочее неважно, если мы - «вдвоём»..

Он худ и бледен. Я тоже. На фоне огромных окон он кажется тенью.. Я не отстаю. Но ведь две тени – это уже сила. Господи! Никогда не думала, что во мне столько энергии, столько страсти, столько возможностей, столько потенциала!.. Мы – копии друг друга, но разного пола. Одно целое, делённое некогда на два, но нашедшее силы на воссоединение. И это – не любовь. Нет. Это иное. Это – невозможность быть друг без друга. Вот.. если рассудить.. без одной почки мы можем жить – есть вторая. Но как жить без души?!.. Как объяснить детям, что мама не сможет жить, если.. ну где-то там.. пропадёт-исчезнет человек, который хранит её душу.. Хотя.. Душа Кощея тоже не при нём была.. Улыбаюсь этим мыслям и ...хочу его. Нет, не Кощея, а Его.. Внутри натягивается некая струна, по всей коже со скоростью, которой даже вирус гриппа позавидует, разбегаются мурашки, соски напрягаются и приобретают воинственный вид – да, я хочу Его однозначно. Это факт... Неоспоримый. Знаю, - не сегодня. Но хочу. И подожду. И он ждёт тоже.. Мы умеем ждать.. Мы всё умеем.. Иногда это пугает, но чаще всё же вдохновляет.. Мурашки, меж тем, забираются под нижнее бельё, я ощущаю обороты собственного тела – ни один двигатель не выдержал бы – поверьте водителю со стажем..

Раздаётся звонок. Среди ночи он кажется непривычно громким, даже резким и... пугающим. Двигатель внутри меня поперхнулся и заглох:

ночью не звонят просто так.. Короткий разговор. Нет, сообщение.. ведь я могла только слушать...

Он умер.

Душа умерла.

27.02.2015 г.

...жить будет (сказка-быль)

Такое бывает. Бывает, что вещь, камень, дерево в наших мыслях оживают, обретают душу. Они живут, растут, стареют и умирают. В мыслях..

Но кто сказал, что это не происходит на самом деле?!!! Кто сказал, что всё окружающее, все эти, как мы философски привыкли говорить, «неодушевлённые предметы», действительно НЕОДУШЕВЛЁННЫЕ??? А что мы вообще знаем о них?!

Десять лет назад в нашем дворе сажали деревца. Они были молоды, полны сил и надежд. У каждого из них были планы. Кто-то стремился вырасти могучим, сильным, и смотреть на всех свысока, кто-то видел себя домом для окрестных птиц, кто-то хотел благоухать по весне невероятными ароматами, а наш скромный герой мечтал освещать по вечерам дорогу возвращающимся с работы домой усталым людям. Надо сказать, что мечта его не была такой уж нереальной, ведь он – не кто иной, как Каштан, а каштаны – всем известно – умеют выпускать свечи, и, когда это происходит, даже самый усталый путник приостановится, залюбуется, улыбнётся и двинется дальше, но взгляд его уже не будет так печален, как прежде, в глазах появится едва заметная искорка, а в ногах – неведомая лёгкость. Именно об этом думал молодой Каштан.

Он был посажен в углу двора, в тени, но это не смущало его:

- Ничего.. Света всем хватит! Главное, - столько подъездов рядом! Сколько людей будет проходить мимо и радоваться! – говаривал он.

И выпускал новые побеги. Ветви Каштана были полны молодого сока, а листья - блеска. Вокруг вились мошки, майские жуки присаживались на его гостеприимные зелёные ладони, отдыхали и летели дальше, а Каштан всё набирался сил и рос.. Он знал, что надо совсем немного, каких-то лет девять-десять, и он начнёт светиться!

Когда наступала зима, и Каштан засыпал, то снились ему люди из его двора. Всех их он знал по именам, знал молодых мам и их малышей, запомнил старичка, гуляющего по утрам и вечерам с толстой собачкой непонятного цвета, но обожавшей поднять лапку возле нашего героя; изучил Каштан и время ухода на работу и возвращения домой всего трудового населения близлежащих подъездов. Об этом всём, конечно,

никто не догадывался, все пробегали мимо, спешили или не очень, но всё же никто, совсем-совсем никто, не знал, что Каштан их видит и слышит, здороваются с ними по утрам и желает доброй ночи по вечерам.

Но особенно часто ему снилась Мама. Каштан понимал, что у этой женщины непременно должно было быть человеческое имя, но почему-то никто её не называл иначе, как мама. И Каштан стал тоже называть её Мама. Её подъезд был ближе всех других к молодому деревцу и, каждый раз, когда она выбегала из подъезда (почему-то она всегда куда-то спешила, куда-то неслась и куда-то опаздывала), её взгляд останавливался на Каштане, замирал, и возвращался в реальность только под детский голосок: «Мама, а мы пойдём в гости?», «Мам, а когда придет бабушка?», «Мама, а можно не идти в садик завтра?», «Мама...», «Мама ...» И Мама, тряхнув головой, начинала что-то разъяснять, постепенно удаляясь и тая.. А Каштан с грустью смотрел ей вслед и ждал терпеливо, когда он станет достаточно взрослым, и на нём появятся свечи. Он твёрдо решил, что самую первую свечу посвятит Маме, и был уверен, что она-то уж точно догадается (по-другому просто и быть не могло), что это – ЕЁ СВЕЧА.

Так прошло 3 года. Каштан уже был на «голову» выше Мама, как вдруг случилось самое ужасное, что может случиться с деревом: ночью кто-то сломал его почти под корень. Утром, как обычно, выбежала-вылетела спешащая Мама и.. замерла. Сникла. Взгляд потух. Впервые подошла близко-близко, прикоснулась к умирающим листьям и тихо-тихо пошла прочь.. То, что осталось от Каштана, смотрело ей вслед и прощалось... Но вечером Мама пришла снова. Снова стояла рядом, снова прикасалась к листьям, к уже мёртвым и к тем живым, которые остались на самых нижних боковых ветвях.. Она в задумчивости обходила Каштан, приседала, осматривала, снова обходила.. Потом погладила место слома, пробормотала едва различимо:

- Жить будет.. - и вошла в подъезд.

Так началась новая жизнь. Каштан перестал быть деревом. Пока все остальные деревца с каждой весной устремлялись всем своим существом ввысь, наш Каштан всё больше креп своими боковыми ветвями, они давали новые побеги, и постепенно Каштан стал походить на большой куст. Тем временем куда-то пропали старичок с толстой собачкой, мамы вливались в трудовые ряды, во дворе появлялись новые молодые мамы с колясками, а наша Мама вдруг стала выгуливать собаку – серую дворнягу с добрыми карими глазами. Теперь Мама уже всегда останавливалась возле Каштана, каждую весну она осматривала крупные почки, немногим позже – молодые листочки, и, чуть улыбнувшись, шла

дальше, а он смущался и краснел, понимая, что.. Ну что ей может дать каштановый КУСТ??? Все его мечты рухнули, но всё же.. Где-то глубоко внутри теплилась надежда: а вдруг получится?!

Шли годы.

..В эту злополучную зиму у Мама всё было набекрень. Неприятности, проблемы сыпались друг за другом, совершенно забыв, что даже у зебры есть белые полосы.. Да и сама Мама уже становилась не просто старше - она старела. Волосы седали, на лице появились морщинки и неизгладимая печать усталости. Она, как и прежде, выскакивала по утрам во двор, но раньше обычного, и, ёжась от холода и недосыпа, стояла каждое утро возле Каштана, ожидая, пока её пёс справит свои собачьи дела, и смотрела на голые ветви куста-дерева, что-то шептала и тихо уходила прочь.. Очень часто она незаметно плакала.. Незаметно для таких, как она, - для людей. Но Каштан всё видел.

Наступила весна. Почки на деревьях радостно встречали её приход раскрытием зелёного чрева. Всё набирало силу. Всё зеленело и искрилось. Солнце с дождём ласкали и нежили молодые, но уже высокие и сильные деревья, и смотрели на них с той необыкновенной нежностью, с какой смотрят родители на своих детей в день их совершеннолетия.

Как-то в середине мая Мама возвращалась домой. Накапывал дождик, было серо.. Пёс что-то унюхал и нещадно тянул поводок.. Достигнув желаемого, он принялся жадно изучать одному ему понятные запахи и следы, а Мама покорно стояла. Волосы её наполнились влагой, прилипли к ссутулившейся спине и мешали, всё тело, вся душа покорились дождю и собаке. В этом было бы даже и что-то необычно-дико-приятное, если бы не все те мысли, что уносили её далеко, слишком далеко, отсюда.. Она застыла в ожидании.. Взгляд блуждал.. На мгновение остановился.. Пробежал дальше, но вернулся. Всё нутро, все мечты, все надежды вдруг всколыхнулись, стало необыкновенно жарко и тесно в собственном теле, все одежды показались мешковатыми и лишними, недавние мысли бренными, а волосы не такими уж седыми и противными, глаза, ещё совсем недавно тусклые и бесцветные, загорелись зелёным огнём. И сама она вся светилась. Смотрела на Каштан и светилась. И не было женщины прекраснее её. Прохожие недоуменно оглядывались, но Мама их не замечала. Она смотрела на то, что не видел никто, — на одну единственную свечу, которую выпустил маленький мужественный кустик-Каштан. На свечу, спрятанную глубоко внутри листвы и незаметную никому. Мама смотрела на СВОЮ СВЕЧУ.

- Жить будет.. — впервые за несколько лет улыбнулся Каштан.

25.05.2015 г.

Юл Валерьин

Портрет

Жан подошёл, к двери размышляя, - сейчас он войдёт в дом и снова все изменится. Мери менялась, а с ней менялись обстановка, и даже время. - Где они окажутся и в какую эпоху ему суждено окунуться, это не дано было знать обычному жителю Парижа. Жан медленно открыл дверь, словно боясь очередного временного витка. Посреди комнаты стояла Мери, в платье парижанки начала 20 века. И обстановка тоже была ей под стать. Куда исчезли роскошь и вальяжность эпохи Людовика XIV? Ведь вчера Жан, вернувшись с работы, провёл вечер в обществе светской придворной дамы. А дня три назад они собирались сражаться с коммунарами на баррикадах. - Впрочем, он и сам запутался, хорошо ещё, что они не оказались в эпохе неандертальцев, со страхом подумал Жан. Хотя Мери эти перевоплощения совсем не смущали, и она, как ни в чем не бывало, спросила, - милый, что ты будешь на ужин? Так продолжалось каждый день и перевоплощения касались лишь их дома и Мери. Иногда Жан пытался вытащить Мери на вечеринку в ночной клуб или уехать с ней на море и как ни странно, там ничего не происходило. - Значит дом и Мери, они связаны, размышлял Жан. Он работал в автомобильном концерне и неплохо зарабатывал. Но для души Жан рисовал картины в стиле авангарда начала 20 века. Друзья уговаривали его сделать выставку, но Жан в шутку отказывался, - нет, нет, мне не нужна известность, мои художества воплощаются в новых автомобилях. Жан долго не мог встретить женщину своей мечты. Конечно, в его жизни были и очень достойные дамы, красивые, умные, но что то, удерживало, Жана от продолжения романа и он оставался один.

Но вот однажды рисуя на узкой улочке городской сюжет, Жан увидел девушку, идущую на встречу. Она появилась неожиданно, словно лёгкой походкой спустилась с небес. Хотя, наверное, так и было. Девушка подошла ближе и спросила, - вы только улицы рисуете, а портреты? Жан растерялся, и сказал что-то несвязное в ответ. - Значит, портреты не ваш стиль? - Я испытываю новые автомобили, а это увлечение и только. - Можно я буду вашим увлечением? - Мери, улыбнулась девушка. - Конечно, Жан, ответил художник. На следующий день он пригласил Мери в дом, который недавно купил. Дом был старый с мансардой. Лет сто назад там жил один известный художник. Почти год Жан реставрировал своё приобретение, живя на съёмной квартире. И вот, вскоре после новоселья, в доме появилась Мери, и начались удивительные

превращения разных эпох. Жан пытался узнать о прошлом Мери, но его словно не было, девушка уходила от ответа. В остальном она была земной женщиной, вот только эти перевоплощения, не давали Жану покоя.

Однажды Жан был на выставке авангарда начала прошлого века. И вдруг на картине того самого художника он увидел Мери, да это была она. К сожалению, картина не продавалась, вернувшись, домой, Жан попал в очередной временной виток. - Мери, я видел сегодня, начал, было, Жан. Но Мери оборвала его, - знаю, ты видел портрет, это могла быть моя бабушка, а может это я сама, засмеялась девушка. - Что ты меня дурачишь, рассердился Жан. - Всему своё время, сказала Мери и обняла его. - Знаешь, я напишу твой портрет. - Попробуй, ты ведь уже делал это когда то, Мери загадочно улыбнулась. Утром Жан смотрел на безмятежно спящую девушку, - хорошо бы запечатлеть Мери именно такой. Жан ехал на работу на своём Пежо, размышляя о предстоящей работе над портретом. Сегодня ему предстояли испытания новой модели. Перед выходом на автодром Жан дольше обычного задержался в раздевалке. Какое то новое, незнакомое чувство овладело им. Раньше Жан испытывал кураж и забывал обо всем на свете, были только пилот и машина, как единое целое. – Но, что, же изменилось сейчас, куда пропал драйв? Мери, сейчас существовала только она. Жан сел за руль, - старина, ты же не первый день за рулем, нужно собраться, твердо сказал он самому себе. Автомобиль летел по бетонной полосе, проходя один вираж за другим. На финише Жан резко затормозил и откинулся на сиденье, руки дрожали от напряжения, - я справился, Мери, какой она будет сегодня?

Вечером Жан как обычно открыл дверь, предвкушая новые ощущения, но Мери не было, а обстановка в доме соответствовала началу 20 века. Жан в отчаянии бросился назад, на улице его встретил Монмартр 1908 года, время словно остановилось и больше не собиралось меняться. Прошло несколько месяцев, Жан пытался найти девушку, но она словно испарилась. Пытаясь вернуть душевное равновесие, Жан много рисовал, словно наверстывая упущенное в прошлой жизни. В один из дней он переносил на мольберт узкие улочки и вдруг заметил девушку, что- то знакомое было в ней, но это была не Мери. Девушка подошла к художнику, - Жан, а как же тот самый портрет? - Да я когда то обещал одной девушке, ее звали Мери, странно, почему то я знаю вас, хотя мы раньше не встречались. Девушка улыбнулась, - кто знает, что было раньше.

Случайная встреча

Человек лет тридцати или чуть старше, самой обыкновенной славянской внешности, тёплым майским вечером шел по Бакунинской улице по направлению к Садовому кольцу Москвы. Спортивная пружинистая и одновременно расслабленная походка выдавала в нем бывшего спортсмена. Да в его прошлом единоборства занимали значительную часть жизни. Он шёл не торопясь, но это не была просто легкая прогулка. Скорее попытка разобраться с проблемами, свалившимися на него в последнее время. Со стороны казалось странным, что прохожий разговаривает сам с собой, причём у него не было гарнитуры блютуза. Иногда он останавливался и

жестикулировал. - Да уж Игорь, не важно, идут твои дела, хотя командировка пришлась вовремя, есть время побыть наедине с самим собой.

И так, незнакомца зовут Игорь, он не москвич, просто командировочный, и неплохо знает столицу, благодаря своему спортивному прошлому. Немного, но это лучше, чем ничего. Между тем, Игорь шёл дальше и продолжал размышлять вслух. - Да я довольно высоко поднялся по служебной лестнице, причём за счёт своих личных качеств, а не путём интриг. - Но это совсем не радует меня, напротив, кольцо одиночества продолжает сжиматься. - Друзья, их и в юности было не много, в основном по спорту и дворику, где мы росли. - Но что, же с нами происходит, предавался размышлениям наш герой, - одни просто сломались, да черт с ними, хотя жаль, конечно, столько было пройдено вместе. - Другие просто стали хорошими товарищами, мы по-прежнему вместе собираемся, но душевными эти встречи не назовёшь, скорее совместные посиделки. - Иные просто живут своей жизнью, и все общение сводится к разговорам, привет, пока... - И на работе вроде меня ценят, но стоит оступиться, сразу затопчут, вокруг много шакалов, съедят и до свидания. - Начальство понимает, что такой экземпляр нужен и без него никак, однако это какая-то игра в «Нарды», кто быстрее займёт поляну. - И наконец, в личной жизни, полный отстой.

- Пять лет вместе, и разбегаемся в разные стороны, как электроны. - А ведь все начиналось с любви и настоящих отношений, куда все исчезло? - Жена собирается подать на развод, детей не завели, а делить совместно нажитое он не хочет, пусть все останется ей. - Хотя и врагами мы не стали, просто чужие и все. Такие, не очень веселые мысли посещали Игоря. Кажется, это называется «кризис среднего возраста». Однако не все было, так однозначно плохо и цветовая гамма совсем не казалась чёрной. - Так живут многие, подумает читатель, и будет прав.

Кроме того, Игорь довольно крепко стоял на ногах, много работал, был очень привязан к своим родителям, которые уже устали ждать внуков и вообще радовался жизни во всех проявлениях и совсем не казался несчастным человеком.

Игорь уже почти дошёл до центра и спустился в подземный переход. Там было почти безлюдно, однако внимание Игоря привлекла девушка, продававшая картины. Игорь хотел было пройти мимо, но что-то остановило его. Картины, они были странными, нет, в них не было асимметрии абстракционизма. На картинах был космос, другие планеты со своими закатами и восходами. Нечто подобное Игорь видел на полотнах космонавта Алексея Леонова, но тот был в открытом космосе, а девушка, ее движения были странными и рядом сидел добродушный лабрадор. - Да ведь, она же слепая или плохо видит, осенила Игоря мысль. Наш герой не был тонким ценителем изобразительного искусства, однако его жена Ирина, т.е. почти бывшая жена была искусствоведом и несколько лет совместной жизни принесли свои плоды. Молодой человек остановился и подошёл к девушке, одетой немного небрежно в старые куртку и джинсы. - Здравствуйте прекрасная незнакомка, произнёс Игорь. - Вечер добрый, ответила девушка, повернув свою коротко стриженную голову. Ее глаза закрывали темные очки, чёрные волосы были немного растрепаны, видимо девушка очень спешила, собираясь дома. - Это ваши картины, спросил Игорь. - Да, я давно пишу, пытаюсь продать, но с переменным успехом. - Вы стремились делать выставку? Да что вы, я не член «Союза художников», хоть и закончила училище. - А что у вас со зрением? Робко спросил Игорь. - Меня сбила машина, и скрылась, виновника не нашли. - А потом я стала терять зрение, почти не вижу. Но как, ни странно, стала больше видеть и знать такого, о чем раньше не догадывалась. - Да вы торопитесь, наверное? Спросила девушка. - Нет, вечер не занят, просто болтаюсь, вот по улицам. - А вы приезжий, улыбнулась она. - Да в командировке здесь. - Может быть, вы поможете донести до дому картины, здесь не далеко, две остановки от метро «Красные ворота». - Пожалуй, помогу, согласился Игорь. - Ну и чудно, меня, кстати, Настей зовут, девушка протянула маленькую руку. - Игорь, промолвил он в ответ. - Ну что идём, сегодня день не удачный, ничего не продано, Рем, за мной, командовала девушка, и пёс покорно подчинился. Они шли до метро и болтали, словно давно знали друг друга. Потом вагон метро увёз их к дому девушки и вот уже двое молодых людей, и пес Рем стоят возле ее подъезда. - Спасибо вам большое, сказала Настя. - Можно я ещё приду, завтра вечером, нерешительно спросил Игорь, словно боясь быть отверженным. -

Конечно, буду рада. - Простите, что не приглашаю сегодня, у меня такой беспорядок, давайте завтра на чай, ладно. - Идёт, улыбнулся Игорь. - Девушка, попрощалась и скрылась за дверью подъезда. - Игорь возвращался в гостиницу и радовался предстоящей встрече. Давно на душе не было так хорошо.

Следующий день прошёл в заботах и текущих делах. Вечером Игорь опять пришёл к подземному переходу, где встретил девушку. Она была рада, что не обманулась в своих ожиданиях. Тем же маршрутом они пришли к дому Насти. Наконец Игорь переступил порог, за которым скрывался целый мир девушки. Квартира выглядела несколько аскетичной, но уютной. На одной из стен висели картины, которые Игорь раньше не видел. Сказать, что он был поражён, значит, ничего не сказать. Для него словно открылась дверь в другое измерение. Конечно, земное тело оставалось в квартире, но он ясно ощущал, что вместе с девушкой словно шагнул внутрь картины. Все проблемы казались мелкими и ничтожными. Здесь действовали совсем другие законы, и не было привычного притяжения. Игорь видел другие миры, вдруг открылись цвета и краски, которые не были доступны раньше. Вместе с девушкой он сам словно стал частью космоса. Казалось, это длилось целую вечность. Наконец, они вернулись в квартиру и обрели земное притяжение. - Как у тебя это, получается, спросил Игорь. - Не знаю, что-то изменилось во мне после аварии. - Я стала другой. - А кто ещё видел эти картины? - Да многие видели, друзья, знакомые, понравилось, но такого не было, вы первый. - Я могу договориться насчёт выставки, тогда больше шансов продать картины. - Не нужно суетиться Игорь, мы все много суетимся, а главного не видим, строго сказала Настя. - А я ведь скоро уезжаю, командировка заканчивается, грустно ответил Игорь. - Ничего я буду писать тебе. - Как же операция, твои глаза? - Не знаю, может все образуется. Игорь ушёл, девушка стояла у окна, провожая, хотя и не могла видеть его, но она хорошо чувствовала, что Игоря уже нет рядом. Возле ее ног сидел пёс и тоже грустил, новый человек очень понравился ему, жаль, что он уходит.

Игорь вернулся домой, пока он жил у родителей. На работе он сдал отчёт и написал заявление об уходе. - Что с вами Игорь Владимирович, зачем, у вас такая карьера? Начальник искренне пытался понять мотивы его поступка, но не мог. Игорь только пожал плечами и вышел из кабинета. На душе было хорошо, словно груз, давивший на него много лет, исчез. Вернувшись с работы, он не застал родителей дома, они уехали на дачу. Поэтому вечер предстояло провести в одиночестве. Но тут зазвонил телефон. - Игорь приезжай, нужно поговорить, это Ирина. Он собрался и поехал к жене. Ира как то загадочно встретила его. Игорь

давно не помнил ее такой. - Знаешь, у нас будет ребёнок, не волнуйся, у меня никого не было. Пыталась было, но не могу, тебя вспоминаю. И вообще нужно о многом поговорить. Игорь сидел в прихожей и ошарашено смотрел на жену. - Почему они раньше не могли вот так поговорить. - И я тоже хорош, индюк надутый. - А что у тебя с работой, спросила Ира. - Ничего, образуется, улыбнулся Игорь. В этот вечер он остался дома. На следующий день позвонил друг детства, с которым они уже давно только перебрасывались сообщениями и не более, того, ссылаясь на занятость. - Старина, приезжай в субботу ко мне на дачу, мы давненько не рыбачили. - Хорошо, только я не один приеду. - Как ты уже, начал, было, друг. Но Игорь перебил его, - я с Ирой буду. - Да, в трубке повисла пауза. - Вот и отлично, жду вас вдвоём.

- Как то за суетой дел Игорь забыл, что Настя сначала посылала короткие сообщения, и вдруг замолчала. Прошёл месяц, Игорь заволновался, - что-то случилось? Он даже поведал жене об этом странном случае. Ира была удивлена, ведь совсем недавно, не задолго до его возвращения ей звонили и просили организовать выставку в Москве для одной девушки и даже экспозиции картин присылали. - Но это не я был, поразился Игорь. - На следующий день пришло большое сообщение от Насти, где она рассказывала про свою выставку, на которой оказался один немец, купивший потом ее картины. И теперь она едет в Германию на операцию по зрению. Ещё девушка просила забрать к себе Рема, на время, если можно. - А я как раз в Москве буду, произнесла Ира. Игорь смотрел на неё и думал, - а если бы он тогда в подземном переходе прошёл мимо?

Светлана Назарова

Отмеренная чаша

Эта встреча в сорок первом году, когда лето прощалось с живыми и мертвыми, была яркой, как всполохи на грозовом небосводе. Еще только однажды пришлось испытать это маме моей, когда через долгих, долгих, как санный путь в степи, четыре военных года папа вернулся уже инвалидом. И тогда, подросший за войну сынишка, знакомился с ним. Он стоял белоголовый, вихрастый, в шортиках на одной помочи, и, открыв рот, смотрел и смотрел на незнакомого мужчину в поношенной шинели, из-под которой не видно было, что одна штанина подогнута. Отец понравился ему. Правда, некрасивая щетина выступала на израненных щеках, и был баритон, который немного пугал.

А папа стоял, опираясь на костыли, неустойчиво, и когда женщины, забыв о том, что он на одной ноге, облепили его, он чуть не упал, но вовремя откинул костыль в сторону и удержался.

Но до этого было долгожданное письмо, где просил он принять его. Мама ждала. Еще издали увидела она его, с костылями, и, схватив сынишку за руку, помчалась навстречу мужу. Мальчик почти-что летел по воздуху, настолько быстро она бежала и кричала, и плакала.

«Маленький мой, это твой папа» - прошептала она и подвела мальчика к отцу. Валерик подошел к папе и, удивляясь мужскому запаху, которого не знал вовсе, прижался к нему, осторожно и боязно, но, подняв глаза, увидел папину улыбку и оттаял.

«Извини, на руки не могу поднять» - наклонившись, прошептал папа – «дома посидишь на колене, поговорим».

Мама тогда поразились этому «на колене». Значит, он уже привык к одной ноге, если даже сейчас в минуту высокого эмоционального накала не ошибся. А ей было непривычно и больно, и жалко до слез. Ей предстояло еще только привыкать и помогать во всем и всегда, до конца.

А тогда в далеком сорок первом году пришла телеграмма, ее вызывали в Петрозаводск, и был указан адрес. Телеграмма была официальной и настолько тревожной, что вызвала в доме переполох. Мама с дочкой, совсем еще маленькой, жила в лесном поселке, где работала в детском саду. Они ютились здесь со свекровью, с двумя девочками – сестрами мужа с тех пор, как репрессировали свекра. Муж воевал с начала финской компании, и мама взяла на свои белые, как

сахар плечики заботу о семье, и за всю жизнь ни разу не расслабилась, не оттаяла. Уже закончилась финская компания, и был страшный первый год большой войны. Получив телеграмму, мама с трудом оторвалась от маленькой дочки и помчалась в город, ужасно тревожась.

Папа учился в школе политруков, и по его просьбе маму вызвали в воинскую часть. И эти звонкие часы промелькнули молнией, оставив память на всю долгую жизнь.

Они любили друг друга страстно, как в последний раз, за исходной минуткой было расставание. Затаенная тревога обостряла чувства, и осыпали они друг друга ласковыми словами и поцелуями. Мама рассказывала ему о дочке, которую не видел он еще. А сердце сжималось от тоски. Прощаясь, папа сказал: «Хочу, чтобы у нас родился мальчик и чтоб был он так же красив, так же умен и так же парил в небе, как Валерий Чкалов. Прошу тебя, назови его Валерием».

А где – то там уже далеко от границы гремели выстрелы, рвались снаряды, и смерть белой женщиной ходила по лесам, полям и болотам. Она со скорбью склонялась над каждым упавшим и по велению Господа одних оставляла страдать, а других забирала с собой, и просила ангелов, что поднимали души усопших, заступиться перед Богом за воинов, павших на поле брани, за всех невинно убиенных. И не виновата была белая женщина в том, что много было траурной работы у нее. Это люди заряжали автоматы и орудия и стреляли. Это люди запирали беспомощных детей, стариков и женщин в сараи и поджигали. Она была невольницей.

Вот туда-то провожала мама моего отца. Плакать она не могла, оцепенела. Она лишь глядела и никак не могла наглядеться на него. Еще звучали нежные слова, и ласки еще только, только топили тело и душу ее, а он уже в эшелоне, уже далеко и уже надолго. «Господи, спаси!» – твердила она, да крестила его незаметно.

Затем последовала эвакуация. Собрав все, что можно было увезти, отправились они в неизвестную дорогу. Дело было к зиме, и мама кутала свою малышку, берегла, как могла. Увезли их в Архангельскую область. Подошла и зима. Метели неистовствовали в пути, били в лицо снежными хлопьями. Морозы душили холодным, звонким воздухом. И когда тоскливые сумерки незаметно уступали место ночи, и небесный купол освещался мерцающими звездами и луной, мама по млечному пути мыслями своими уносилась к мужу, пытаясь представить его в белом офицерском тулупе в промерзшем окопе, в окружении солдат в сереньких шинелях, или в бою, размахивающего наганом. И слезы катились по озябшим, побелевшим щекам, но затихала она, уткнувшись в

шубу, под которой спал ребенок. А везли их на дровнях. Худые уставшие лошади бежали мелкой рысью, заиндевелые... Изнемогая к концу дня, подвода подъезжала к очередной деревне, где ждал их «уполномоченный», который размещал эвакуированных по избам. Люди иногда отвечали, что некуда, полным – полно в доме. Подъезжали к следующей избе, вновь стучались... Укладывали в основном на полу, больше негде было. Отсыпались на сенниках, перед этим, обменяв какое-нибудь платишко на хлеб или похлебку. Бабушка возила с собой швейную машинку «Зингер» и не хотела с ней расставаться, говорила, что она их еще прокормит, и оказалась права. И только в избе мама пеленала свою дочку в первый раз за день, а иначе никак, кругом тайга и мороз. Вещи у эвакуированных заканчивались, они голодали. Люди, конечно, делились своим, тем, что вырастили на огороде, да что собрали в лесу, но скольких же надо было накормить! Однажды уже почти в конце пути, мама укачивала в избе дочку, которая заболела и капризничала, а за столом хозяйка, накрошив хлеб в молоко, ела его ложкой, причмокивая, вытирая рот ладонью. Мама глядела на нее, глотала слезы и думала: «Если останусь жива, буду есть только хлеб с молоком, и нет для меня ничего вкуснее». А под измученным сердцем у мамы билось маленькое сердечко будущего летчика. Девочка заболела, ослабшее тельце не справилось. Взрослым–то не вмоготу были нечеловеческие испытания, куда уж ей. Со стонами, с хрипами оставила она этот жестокий мир. Мама всегда потом ухаживала за безвестными могилами и говорила: « Может, кто за ее могилкой посмотрит там, на севере».

Без девочки приехали мои горемыки в большой поселок, где определили их в свободный дом. Мама работала заведующей детским садом, приносила домой паек. Бабушка перешивала соседям ношенные–переносные вещи. Валерочка родился там, в начале лета. А мама сразу же пошла на работу, какой же декретный отпуск в войну. Продукты для садика она получала в другом поселке, за пять километров, и ей приходилось носить все в рюкзаке и в сумках. Однажды несла она замороженную рыбу, и рыба таяла за спиной, стекая ручейками, смешиваясь с потом. В садике ждали ее «проверяющие» и взвесили рыбу. Не хватило двухсот грамм, и ее грозились арестовать за хищение. Мама разделась перед ними и отжимала свою одежду на весы и, рыдая, объясняла, что рыба таяла и впиталась в одежду. Не могла она обделить ребятшек, в чьих глазах поселилась скорбь, чьи разговоры и думы были не детскими. Беда жила в каждом доме и дети жили ею, не ведая, что такое детская непосредственность, детская резвость, детское любопытство. Они бедовали, как взрослые с той же скорбной маской на

лице, которая никак не сочеталась с детским тельцем. И мама носилась над ними, оберегая, опекая каждого, не жалея ласковых слов и взглядов. Честность и порядочность, воспитанные в ней родителями, не были утрачены в войну, напротив, утвердились в ней.

Мама заботилась обо всем, что было нужно для существования семьи. Весной, когда яркое солнце топило снег, а ночью мороз схватывал его в ледок, на сугробах появлялся наст, мама заготавливала дрова. После работы в сумерках брала она у соседей санки и топор и бежала в лес, где рубила березу, сосну, выбирая при этом не очень толстые, старые деревья, а лишь то, что было ей под силу. Затем, очистив ствол от веток, тащила заготовки по насту к дорожке и крепко привязывала их к санкам. Иногда в чаще мелькали жадные огоньки волчьих глаз. И тогда мама так громко просила у Господа помощи, размахивая топором и рыдая, что звери стыдливо уходили. Она кричала им в след, что не может сгинуть здесь, растерзанная, что дома ждет ее семья, что ей еще так много предстоит сделать! Затем впрягалась она в санки, как изможденная лошадка и тащила воз к дому, где бабушка уже изнемогая от страха за нее, время от времени выбегала на дорожку и звала, и звала маму... Летом был огород, да сбор ягод в лесу.

Старшая папина сестра, отучившись на курсах радисток, переброшена была к партизанам, где получила ранение черепа. После госпиталя ее привезли домой, увеченную. Лидушка все стонала и кричала от обжигающей головной боли. Она умерла в конце войны. Печаль и тревога поселились в их доме. Мама писала многочисленные письма, разыскивая пропавшего без вести папу...

Как-то бабушка вышла за кусочком мяса на обед в сени и не вернулась. Мама, забеспокоившись, пошла за ней и, не найдя ее в сенях, выскочила через распахнутую дверь на улицу. По дороге, размахивая руками, в одной кофточке, в мороз, бежала бабушка, и что-то кричала с визгом, с отчаяньем. Волосы распустились и развевались на ветру седые, длинные. Мама, крестясь, зашептала молитву, решила, что она обезумела. Бабушка, наконец, упала на колени и, громко рыдая, стала бить сухонькими кулачками мерзлую дорогу. Мама подбежала к ней, обняла, стараясь почему-то спасти окровавленные кулачки, поднимая выше и выше руки ее. Сквозь рыдания бабушка сказала, что собака голодная, как все в округе люди и животные, как-то открыла дверь в сени и украла этот выстраданный кусочек мяса. «Она убежала – тощая, испуганная, а мы вот останемся без обеда», - твердила она много раз. Люди

помогли довести бабушку до дома, и она долго не могла успокоиться, все, что терпела, все, что наболело, выплакала тогда. И все вспоминала и вспоминала она Питер, из которого после революции вынуждены были они всей семьей уехать, оставив дом со всем имуществом в холодную Карелию, как впрочем, и все родственники мамы, оставшиеся в живых.

Так вот и тянулись дни в эвакуации. Валерочка рос смышленным мальчиком и рано научился говорить. Бабушка и тетя Тамара возились с ним, рассказывали бесконечные подробности об отце, а он все спрашивал, вытаращив глазенки, и ждал. Ждали все. И папа нашел их, наконец, написал письмо и вскоре вернулся.

Когда они приехали из эвакуации в мамин дом, рассказывали о том, что им пришлось выстрадать, и где жили они, вошел мамин дядюшка, только что демобилизованный. Он слушал, не прерывая, и плакал. Затем, смахнув мужские слезы свои, сказал: «Я где служил-то, милые мои, после ранения – в отряде охотников. Для фронта зверя били в тайге. Каждый день еще до рассвета уходили мы в лес, и каждый день уже в темноте возвращались с полными полозьями туш мы мимо вашего дома. Знать бы, что вы там живете, голодаете! Неужели, какого зайчонка или куропаточку не подстрелил, не принес! Да видно чашу, что отмерил вам Господь, выпить пришлось до дна».

2005 г.

Колючий дождь

Осенний ветер навевал тоску, от которой некуда скрыться. Боль за грудиной не утихала. Когда же она появилась? Кажется сразу! В тот день, когда позвонила и узнала, что он женится... Надежды не было никакой. Я поняла это поначалу. Уж слишком она отличалась от меня, неопытной и тихой. А что я могла? Ходить за ним по пятам? Звонить без всякого повода? Но меня не было там, где бывал он. И я не знала, чем он живет. А она узнала все до мельчайших подробностей, и оказывалась в нужном месте и во время. Она была вольна в своих поступках, а я нет. Меня сдерживало чувство собственного достоинства и гордость, только я тогда об этом не знала, я просто думала, что робею, и, что хуже ее. Внешне она выгадывала. Но это только внешне, отнюдь не внутренним состоянием души и тем, что принято называть «воспитанием». Я понимала всю мелочность ее суетных действий, и не могла опуститься до ее уровня, интуитивно, не выражая этого ни в мыслях, ни на словах. И он женился на ней. И эта боль в сердце не отпускала. Так было больно, так

больно, что трудно бывало дышать, и свет застилался иногда туманной пеленой. И я скрывала эту боль. Однажды только, когда я шла по деревне с вызова, от больной, опустив голову, не замечая ничего вокруг, меня остановила подруга и ужаснулась: «Ты идешь с таким видом, как будто у тебя беда. Что случилось?» Но я улыбнулась и сказала, что ничего, ничего... Отчего я солгала ей? Не поделилась словом, болью... А, может потому, что «болью». Этим редко люди делятся. Кому я могла рассказать о том, что когда он проезжал мимо моего дома на своем мотоцикле, боль сковывала меня, и я опускалась на колени и кричала что есть сил, только крика моего никто не слышал, потому что я научилась беззвучно кричать.

Я научилась приветливо улыбаться, когда она встала ко мне на учет по беременности, и когда, благоухая парфюмом, появлялась в сельской амбулатории счастливая и многословная. Я улыбалась, осматривая ее, давая нужные советы, а там, внутри, где, наверно, у человека душа, кричала, кричала... Но советов она не слушала, слишком любила себя. Последствия не замедлили сказаться. Беременность осложнилась. От предложенной госпитализации она отказалась капризно, высокомерно. Лечение на дому, как я и предполагала, не принесло результатов, напротив, ухудшилось сердцебиение у плода. И тогда я пошла на крайние меры: пригласила председателя сельсовета, и силой местной власти, со скандалом, усадила ее в машину скорой помощи. В районной больнице, куда госпитализировали мою пациентку, коей она была для меня в первую очередь, меня похвалили. Она получала необходимое лечение, и я была уверена, что с ней все будет хорошо. Я была спокойна за нее и за ребенка, и готовила себя еще к одному, медицинскому наблюдению за новорожденным.

«Здравствуй!»- произнес он, явившись передо мной, ворвавшись в мои мысли. «Что же ты так мелко мстишь?»- добавил с мерзкой улыбочкой. Я задохнулась от возмущения, от неожиданности, от обиды; молча, прошла мимо. Как акушерка, я должна была остановиться и объяснять свои действия, если бы не было этого вопроса и этой усмешки, и если бы это был чужой человек. Я шла по деревенской улице, и слезы мои сливались с каплями колючего осеннего дождя, который хлестал меня по лицу нещадно, словно сердился, а может быть, приводил в чувство. И, вдруг, как будто кто-то прикрыл мое рыдающее сердце теплой ладонью, и покоем наполнилось все мое существо. И я поняла тогда, познала: Господь со мной...

Август 2005г.

Кристалльная Стелла

Кофейные случайности

Кофе – напиток, изготавливаемый из жареных семян (зерен) кофейного дерева.

Латте, эспрессо, капучино, американо – как же много видов кофе изобрел человек с того века, когда впервые узнал о том, что из зерен определенных растений можно готовить горький и бодрящий напиток. А ведь все началось в далеком IX веке нашей эры. Но разве это кому-нибудь интересно?

Можно было бы рассказать легенду о шейхе-отшельнике, который упустил птицу, но схватил благоухающие цветы и неизвестные тогда плоды. Или поведать самую известную историю о пастухе, обратившем внимание на поведение коз. Однако все это можно легко найти во всемирной паутине, написав в поисковой строке всего пару слов. Поэтому оставим историю того, как люди догадались сушить зерна, обжаривать их и измельчать, чтобы из получившегося порошка, залитого горячей водой, приготовить известный каждому в наше время напиток.

Лучше обратим внимание на банальные и привычные сцены, участником которых так часто становится какой-нибудь вид кофе. Как много случайных встреч повидал этот напиток в книгах и фильмах, какому количеству отношений стал свидетелем. Его проливали на одежду, просто покупали или готовили друг другу. Кофе – это извинение, забота, необходимость или просто попытка поддержать. И когда наблюдаешь за персонажами, невольно начинаешь верить в то, что и в реальности такая случайность вполне возможна.

Просто прикосновение пальцев, когда бариста передает стаканчик клиенту. Всего лишь виноватая улыбка и попытка извиниться, возмутиться, при неудачном шаге и развороте, после которого горячий напиток оказывается на чужой одежде. Такие разные и приевшиеся моменты, вызывающие у кого-то усмешку, а у кого-то печальные вздохи. И разве много в этом мире тех, кто не мечтал о такой случайности, а потом запирал подобные мысли в подвалах памяти, не желая признавать этого даже перед собой.

А что если представить на мгновение, что все возможно. Пусть первым действующим лицом будет некто П., который может быть заядлым кофеманом или тем, кто ненавидит этот напиток, но зачем-то

решает его приобрести. Не важно, как этот П. выглядит и чем занимается, а может, только это и имеет значение, потому ему и необходим кофе. П. заходит в попавшийся по пути магазин, в привлекшее его внимание кафе или в привычное место, где он всегда приобретает этот бодрящий напиток. Он заказывает что-то привычное или что-то кардинально новое; тратит на выбор много времени или произносит заказ в один момент, почти не думая.

Затем в действии принимает участие некто С., который может быть бариста или он оказался в том же месте из-за нелепой случайности, у которой было такое же объяснение, как у П. Возможно, они знакомые, даже бывшие одноклассники, а может, всего лишь случайные действующие лица. В какой-то момент их взгляды обязательно пересекаются, и они даже могут коснуться друг друга. П. и С. что-то скажут друг другу, или промолчат, улыбнуться или недовольно нахмурятся, разругаются или обрадуются. Так много вариантов и все не перечислить.

И все же спустя какое-то время и, вероятно, несколько порций кофе, их вдруг можно будет заметить вместе. Они будут в одной машине, могут просто идти рядом, сидеть в парке на скамейке или за столиком в кафе. П. и С. могут молчать и улыбаться друг другу или что-то увлеченно обсуждать. Их пальцы переплетены или лишь слегка касаются друг друга. Как же много этих «или»! Но все же рядом обязательно будет стаканчик с тем самым напитком, с которого все началось. И им даже не нужно любить кофе, ведь куда важнее то, что именно он однажды свел их. Что следует после этой кофейной случайности – совершенно другая история с любым окончанием.

Если же ваш поход за кофе не заканчивался такой случайностью, это совершенно не значит, что подобного не бывает. Может, нужно что-то изменить, ведь в этом мире столько всего зависит от незначительных мелочей. Возможно, дело даже не в кофе...

Тремасова Анастасия

Записки выжившего

"Скукатель. Нет, серьёзно. Конец света или постапокалипсис не такое уж и интересное событие, когда приходится в нём жить.

Ладно, я немного отвлёкся. Для того, кто найдёт этот блокнот, который я гордо именую дневником, представлюсь. Моё имя Максим Константинович Соколов. Можно просто Макс. На момент этой записи, мне семнадцать лет. И я уже три года живу в мире после всемирной катастрофы.

Вам наверно интересно, что произошло? Ну, думаю, я могу вам рассказать. Как я писал выше, это произошло три года назад. В тот день, всё было как обычно. Я шёл из школы со своим лучшим другом - Владом Ермошенко и моей младшей сестрой - Аней, которая недавно пошла первый класс и мечтала стать лучшей ученицей, как и я. Ну так вот. Когда мы проходили мимо детской площадки, в небе что-то блеснуло. Сначала мы не придали этому значения. И только сейчас я понимаю, что зря мы этого не сделали.

Стоило мне и Ане попрощаться с Владом и зайти домой, раздалась сирена и громкое оповещение: "Немедленно прячьтесь в бункер. В городе объявлено чрезвычайное положение. Повторяю..." Дальше я не слушал и кинулся собирать всё то, что следует брать с собой в укрытие. Спасибо урокам ОБЖ.

Аня тоже не теряла времени и старалась дозвониться до наших родителей, светлая им память.

Немного о моих родителях. Мой папа, Константин Александрович Соколов, был инженером на главном химическом производстве в нашем городе и обладал весёлым и саркастическим характером. А моя мама, Елена Максимова Соколова, была учительницей для глухо-немых детей. Она была очень добрым и заботливым человеком.

Это было небольшое лирическое отступление. И теперь, мы возвращаемся к моему рассказу, который начал подходить к своей кульминации. Так что, ушки на макушку и тому подобные высказывание.

Когда мы с Аней собрались и переоделись в уличную одежду, мы подхватили наши рюкзаки и понеслись в укрытие. Ну как понеслись. Мой рюкзак висел у меня на груди, а на спине сидела Анька, не переставая названивать родителям. Но те не отвечали. А голос с того конца всё твердил и твердил: "Абонент недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже".

Позже...хех. Если бы я знал, что больше не увижу их в живых, то обязательно попросил у них прощение за всё, что устраивал за эти годы.

Когда мы уже подбегали к укрытию, произошло то, что мне теперь периодически снится в кошмарах. Небо начало краснеть и принимать цвет крови, а в воздухе появился резкий запах, похожий на смесь запахов спирта и миндаля. Я так и не понял, что это было. Стоило дверям бункера за нами закрыться, прогремело несколько взрывов.

Так и начался весь этот ад. В бункере я и ещё несколько моих друзей, о которых я напишу позже, мы просидели месяц. И каждый день, надежда на то, что мама с папой выжили, таяла, словно снег в июле. А вот Аня, этот неугомонный ураганчик, до последнего верила, что они живы. Просто заперты в других убежищах, рядом с их местами работы. А не звонят они потому, что просто не могут - вся мобильная связь прекратила работать в момент взрыва.

Однако, по истечению месяца, нас выпустили из бункеров, предварительно раздав противогазы и специальные очки с толстыми стёклами. Господи, это был кошмар, похлеще всех тех фильмов про конец света. Небо было ярко-алым, солнце теперь тоже сияло красным, освещая землю кровавым светом. Вся земля была в жутких трещинах, а трава пожелтела. Большинство высоток лежали в руинах.

Однако, отступать было некуда и вся наша компания, состоящая из меня, моей сестры и моих друзей, двинулась вперёд, на встречу новой жизни."

После этих строк, толстый чёрный блокнот был закрыт рукой, спрятанной в перчатку. Ручка оказалась воткнута в пружину. А сам хозяин этих вещей тяжело вздохнул и спрятал блокнот в карман в своей куртки.

- Мда, - протянул юношеский голос, звуча немного хрипо из-за странного противогаза, что закрывал всю нижнюю часть лица, - С каждым днём всё хуже и хуже.

Зелёные глаза, спрятанные под очками с толстыми стёклами, с лёгкой печалю, оглядывали открывающийся с многоэтажки постапокалиптический пейзаж. Из-под противогаза раздался тяжёлый вздох, после чего парень поднялся на ноги и вытащил из ушей наушники, в которых играл тяжёлый рок.

- Ну, пора домой, - устало произнёс Максим, направляясь к выходу с крыши. И только дойдя до неё, Соколов обернулся, смотря на свою среду обитания - красное небо, чёрная, как будто лопнувшая земля, разрушенные дома и огненные вспышки вдалеке. Да, весьма удручающие зрелище. Но, прожив три года в таком мире, парню стало немного всё равно на весь этот мир. Сейчас, его интересовало лишь одно - выживание.

Валентин Дмитриев 2

Частушки

Я тоскую по тебе
Каждую минуточку
И волнуюсь везде
Всегда не на шуточку .

Не откажите мне в любезности
Со мною вечер провести
Я обязуюсь по совести
Хорошо себя вести .

Эх, пока не видать
Милого в окошко .
Значит, надо подождать
любимого немножко .

Восемнадцатой весной
Встретилась с любовью .
Познакомилась впервые
С задушевной болью .

Когда милый голосок
С улицы доносится ,
Моё сердце молодое
На свидание просится .

Хожу , как очарованный ,
С улыбкой на устах ,
И от предстоящего свидания
Млею весь в мечтах .

Я внимание обратил
На девчонку – куколку
И сразу пригласил
Прелесть на прогулку .

алланит , лазурит ,
Сердце – камень ,
Но и этот гранит
Одолеет парень .

Тут и там одна малина ,
Аж глазам не верится ,
А влюблённая детина
Ни на одной не женится .

Была бы моя волюшка –
Завёл бы я гарем ,
Где каждая девушка
На зависть была всем

Когда будешь ты моей ,
Я не лгу , не путаю ,
Словно куколку , тебя
Я парчой укутаю .

Благородный кавалер
Обожает девушек .
И на их красоту
Тратит уйму денежек .

Ты прописана навечно
В моём сердце , лапушка ,
Без тебя бывает пусто ,
Как обед без хлебушка .

На гулянии стульев нет ,
Вы учтите , девочки ,
И без стеснения садитесь
К парням на коленочки .

Прийти бы на гуляночку
Да в грязь не пасть лицом ,
Такая вот задачка
Стоит пред молодцом .

Только кажется присели ,
 А уже прощаешься ,
 Что – то рано , дорогая ,
 Ты удрать пытаешься .

Девки - молодницы ,
 Дайте молодцу водицы ,
 Та , что молодцу нальёт ,
 Мне за невесту подойдёт .

Эх , девица – молодница ,
 Необычная краса ,
 Тёмной ночью мне сняться
 Твои дивные глаза .

Ты путеводною звездой
 Для меня являешься ,
 И своею красотой
 Соблазнить пытаешься .

Ты идёшь , а звёзды в небе
 Твоей красой любуются ,
 И за обладание тобой
 С нами соревнуются .

Посодействуй мне в любви ,
 Моему горю пособи .
 Я немного хочу ,
 Только рядом посижу .

Когда рядышком сию ,
 То азотом не дышу ,
 Боюсь воздуха глотнуть ,
 Чтобы птичку не спугнуть .

Будешь жить , как у Христа ,
 Ты со мной , за пазухой ,
 Наслаждаться жизнью этой
 Беззаботной , сказочной .

Моё небесное создание ,
Неземное существо ,
Пригласи в своё владение
Ты мужское божество .

Симпатичная лицом
С ангельским характером
Будет в домике моём
Настоящим ангелом .

Вот тебе моя рука ,
И в придачу сердце ,
Отдаю всё без остатка
Любящей девице .

До калитки проводить
Дали мне согласие
И с улыбкой до ушей
Засиял от счастья я.

Волны ходят чередой
По подводным камушкам,
Парень дюже молодой
Гладит грудь милашкам.

Приведёт тебя ко мне
Постовой с дубинкой,
Соглашайся добровольно
Быть моею жинкой.

Стадию последнюю
Прохожу любви,
А потом на пенсию
Меня проводи.

Хоть и нравится дивчина ,
 Взять не такт – то просто .
 Еще надо заслужить
 Её для комфорта .

Город Иваново
 Полон невест ,
 А дед из Луканова
 Ходит , как перст .

Мне не многое ведь надо ,
 Ты должна это понять ,
 Моё законное желание –
 Одним воздухом дышать .

Бык не может заменить
 Мужика бабёнке –
 Для любви надо иметь
 Нежные ручонки .

Дамы и кавалеры ,
 Вам не привыкать
 Любовные барьеры
 С шуткой штурмовать .

Приласкаю , обниму ,
 Назову царицей ,
 И обратно получу
 Нежностей сторицей .

Твоё желание для мужчины –
 Непреложный есть закон ,
 И повсюду с наслаждением
 Исполняет его он .

Я под парусом примчусь
 К милой на побывочку ,
 Чтобы дома лицезреть
 Её милую улыбочку .

Василёчки , васильки ,
Белые ромашки
Собираю в поле
Для своей милашки .

Подойду к окошечку ,
Постучу разок ,
Выйди , моё солнышко
Радость на часок .

А соседская девчонка
Привлекает красотой ,
И её надо на рыбалку
Прихватить будет с собой .

Мне дороженька знакома
К милому окошечку ,
Где сегодня возле дома
Буду гладить кошечку .

Черноокая красotka
Своим лукавым взглядом
Соблазнила паренька
Пройти по саду рядом .

Мне ненадобна корова
И не нужен воробей ,
Моё сердце тяготеет
Всё к милашечке своей .

Придёт красная девица –
И удалый молодец
От девичьего сердца
Пойдут прямо под венец .

Выходите , девки , замуж
За меня весёлого ,
Будете вечно хохотать
От достатка полного .

То не красная девица ,
 А удалый молодец
 Добиваться должен сердца
 И согласия под венец .

Я не пью и не курю ,
 Люблю девушку свою
 И энергию свою
 Целиком ей отдаю .

Избави , Бог , душу мою
 От всякого соблазна ,
 Если даже дивчина
 Согрешить согласна .

Клятву верную даю
 Вести жизнь безгрешную ,
 Всегда любовью отвечать
 На улыбку нежную .

Если нежно относиться
 С любящей девицей ,
 То любовью поделится
 С миленьким сторицей .

Твоё личико , родная ,
 Мне покоя не даёт ,
 И посмотреть его украдкой
 Меня , грешного , влечёт .

Куда ты , туда и я
 Пойду следом рядом ,
 Потому что без ума
 Под твоим я взглядом .

Личико девичье
 Приворожило молодца ,
 Теперь ночами снится
 Она хлопцу без конца .

Никого не удивим ,
Что девочек мы любим .
Это знают стар и млад ,
Слабый пол – наш шоколад .

Моя прелесть недалёко ,
На окраине села
Ждёт , наверно , не дождётся
Своего ясного сокола .

Когда даму обниму
В лунное затмение ,
Это будет для меня
Лучшее мгновение .

ЕК.КЕ

Ухмылка

Удар, еще один! Слева, справа, кругом и внутри... Четкий и мерный, хотя и учащенный темп. Аллегretto.

- Дирижер! Где дирижер?!

В зале уже расселись, шикарные люстры ослепительно ярко освещают вечные вечерние туалеты, очевидно, светских львов и обжигающих остатками зимнего холода львиц в чересчур плотно облегающих шуб. Самые главные укротители и дрессировщики приехали, и, поприветствованные градом атмосферных аплодисментов, расселись бог знает где, но, видимо, на балконе. Все ассистенты заметались в панике, до выступления остались считанные секунды, а вокруг хаос и беспорядок... Нет, представление невозможно. Оно все смялось и трепещет, механизм перестал быть механизмом и, о ужас, приобрел, наконец, естественные очертания. Что же делать? Что?

Но вот перевоплощение окончилось и дирижер сделал робкий шаг, выйдя из рядов скрипок, а может быть, и флейт, или вообще фортепиано - какая разница: симфония или концерт? Впрочем, с наступлением этого лета участники, наконец, сняли противогазы, пальто, себя, других себя и, конечно, свою бессмысленную суть, испарившись в первом зное паром от тепла первой ноты, прозвучавшей в уже тесной камерке. Зато темной и в меру освещенной небольшой самодельной лампадой.

Ухмылка.

Не могу

- Я не могу этого сделать! Нет! Не могу! Я не в силах... Да и какие силы, когда все предельно ясно, что даже размыто?.... Даже не проси, пожалуйста! Не проси и не смотри на меня такими чувствами. Знай, я выключу свет, и тебе ничего не удастся, ты слышишь?!

- С удовольствием, я и так посижу. Мне хорошо и удобно, дорогая. Ну почему ты так разволновалась? Бедная моя девочка.... Позволь мне избавить мучения от тебя.

- И не смей подползать. Иначе, клянусь, ты сгоришь! Молчи, молчи! Это лучшее из того, что ты можешь не причинить! Чини, но не тут. Почем электрики во тьме?

- По тебе, лам-по-понь-ка.

- Хуже, но спой-ка.

-

Она забила в угол, окруженная и вооруженная, хоть и беззащитная. А он, оказывается, как ни взгляни, внешний. Хоть глазницами, хоть взглядом, хоть травящим гостя, но теперь хозяина каморки, ядом.

Некому

Я сначала все думала: а что такое счастье? И чем дальше, тем хуже, хуже, больнее и мучительнее - ну почему они его достойны, почему они чувствуют себя такими счастливыми, а я - нет? Чем я хуже? От одного их вида меня бросало в лихорадку ностальгии и осознания безысходности, в слезы отчаяния и обиды. Меня терзал мой собственный выбор, а вернее, его последствия.

Теперь все не так. Мне казалось, худшее и мучительное позади - а нет, это было только начало. Есть выход из пучины разочарования, но что делать, когда осознаешь, что все понимаешь? Дали в руки ребенку игрушку, да как играть не научили. Как справиться с этим пониманием? Кто мне поможет? Некому.

Отчаявшейся рукой

Это был теплый, а может, и вовсе холодный день. Во всяком, случае для начала нашей истории это не важно. В соседнем здании кто-то сидел на кухне и смотрел новости, кто-то смотрел вдаль, кто-то на экран, спроектированный на небоскребе, казавшийся всем близким к ним домом.

После нелегкого дня ей, наконец, удалось присесть. Вечер вдвойне теплее, если есть, с кем его провести. Странное дело, но ей было с кем - неожиданность, и все же факт. Она, как обычно написала первой, устроившись помягче на ковре и облокотившись на диван. За окном был город - далекий для тела, но как никогда близкий для души. Ей было важно поговорить с ним - столько лет интерес не давал ей покоя, а желание поговорить и, что важнее, заинтересовать самой, не навязываясь, будто случайно, рвалось наружу.

Да, она умеет настоять. Выдержать оборону до последнего, сделав все, чтобы достичь желаемой цели. Даже если ради этого придется идти на уступки или, как это обычно бывает, равноценный обмен - рассказать что-то взамен, чтобы человек не чувствовал себя обесцененным. Однако насколько личное рассказывать и раскрывать - решать только ей.

Пишет - отвечает. Ей рассказывают. Ей всегда рассказывают, и она это ценит, хоть и не понимает, что заставляет людей, кроме знакомого только ней ее искреннего желания помочь и понять, частенько оправданными людьми любопытством, доверять ей. Странно... Он обычно никому про себя ничего не говорил. Никому не говорил, а ей сказал. И тут же спохватился: "Не знаю, почему я тебе это рассказываю..."

Экран на небоскребе погас так же резко и нелепо - оставив емкую воздушную яму недопонимания в тишине - , как и его искренность. Ничто не давит бесщаднее тишины. Спohватившись, мы часто роняем, торопясь, бестолково мягкие набитые, а оттого и пустые неосторожности. Они падают в лужи, намокают и местами рвутся, а потом мы закидываем их обратно, предполагая, что эти облака не будут выглядеть столь рваными, пока продуваются ветром. Но когда тот стихает, эти пустоты неизбежно выдают себя, и обман, иллюзия, которую так тщетно пытался скрыть как от других, так и от самого себя хозяин ароматным и мясистым пятном пустоты переваливается на всеми видный холст.

Давалась ли вам когда-либо в руки иголка, чтобы зашить что-то ошутимое? А настолько ошутимое пустое, что о его неизбежность можно было бы буквально порезаться?... До крови. Что тут кровь? Безделка по сравнению с уроном, понесенным душой вследствие осознания нещадно жадной до надежды пустоши! "Впрочем, что же ей дать, если и самой нечего?" - спросите Вы. Да только она оттого до опьянения и пуста, что наполниться чем-то более объемным, чем ничем, невозможно. И не пробуйте браться за такую работенку.

А она пыталась. Пыталась зашить эту дыру, но, вдруг что-то осознав, поняла, что какие-либо попытки теперь были бы не больше, чем глупостью и бестактной безответственностью, обесценивающей его личное, доверенное, вероятно, нечаянно ей. Нелепо получилось. Нужно попрощаться и... поблагодарить за доверие? Не сейчас. Люди не понимают такого. Еще подумает, что она из тех, кто делает это напоказ и неискренне. Просто попрощаться. Наверное, навсегда. Он не увидел в ней ничего, стоящего общения. А жаль. Это единственная категория, доступ к которой ей не дан составленным образом. Позицией, которой доступна любая душа.

Кроме этой.

Меж тем заходящее солнце окрашивало небо в разводы невероятной красоты акварели чьей-то отчаявшейся рукой.

Шум мыслей

Самое худшее, что может случиться с вами в маленьком городе - это постигшая усталость от людей. Когда деться от общения нет никакой возможности, как и убежать. И хочется громко-громко закричать, будучи уверенным, что тебя никто не услышит. Однако слышен каждый шорох, любая мелочь и порою даже дыхание.

Слышали ли вы когда-нибудь шум окружающих вас мыслей? Они летают повсюду, они задыхаются в жесточайшей давке между подобными себе и в то же время самыми неподобными на остальные во всем свете. И этот шум, столь неощутимый сначала, каким бывает только наш выдох во время восхищения прекраснейшим в мире феноменом, несколько мгновений спустя перерастает в настоящий гомон, до дикости настойчивый, до безумства не заглушимый, до агонии несокрушимый и до отчаяния ничем не сломимый в своем напоре! Этот шум мыслей невыносимо давит, вырывая между нашими пальцами последние клочки пространства, необходимого для мозгов как воздух для тела, чтобы либо не сгнить в этой влажности, выделяемой остальными из усилия неподъемной для них работы, либо не сжариться в пустыне из мыслей, внутренность которых - не более, чем пустота.

Да, пустота, оставшаяся после звона очередного разбитого алкоголиком стакана; пустота, охватывающая своими вездесущими щупальцами самые светлые чувства души после отказа во взаимности; пустота, подавляющая своими откормленными массами самое сильное, казалось, создание человеческое, которое лишь тогда потеряло право носить гордое звание Человека, когда поддалось ей, но такое в действительности слабое в этой неравной битве, решающей все - уйдет ли Он победителем или отправится вслед за тысячами таких же неподобных до секунды погружения, как и он, сделав последний выдох. Выдох ошеломления от осознания того, насколько неумолимо правдиво он в миг потерял необъятно великое - право а Жизнь.

И вот ты стоишь, а тебе все кажется, будто ты наг! Невозвратно наг, не контролируем собой, не понимаем и бессилён! Ты столь гол перед людьми, будто твоя мысль уже не принадлежит тебе вовсе, так как потеряна в попытке убежать от чужих, таких лишних, глаз и чувств! Будто тебя нет, а внутри лишь пустота в то время как этот бой, повторяющийся из раза в раз, будто этот бесконечный бой все плотнее окружает, обездвиживая и парализуя. Будто ты - раздавленное прессом яйцо с выплывающим содержимым, которое, не успевая схватиться, испаряется, оставляя после себя ничего, кроме пустоты. А кажется, что ты был - а так же развеялся, вместе с мыслью, идеей. Просто: был, и в один миг перестал быть - слился с массой, присоединился ко всем, врос! Столь пуст,

как они, а то, что еще минуту назад в тебе жила и существовала какая-либо мысль, кажется теперь лишь самообманом и иллюзией.

И похоже, что насилуют и тело, и разум, хочется убежать подальше, да так, чтобы долго не видеть ничего, кроме дороги и воздуха, материализующегося на глазах, потому что самое тяжелое, что можно было увидеть - испарившаяся мысль, теперь повсюду. Везде, но и нигде одновременно. И мало ли таких?! Они слились в единое месиво, хоть и по крупницам - но крупницы целого рассеяны неодолимым километражем, который соединим в нечто целостное лишь магнитом, которым может стать лишь Человек, поборовший этот шум, абстрагировавшийся от любого давления и каких-либо помех.

Конечно, совсем иное в толпе - там ты отделен, ты - личность, потому что она безлика, она сера, ей также нет дела до тебя, как и тебе до них, именно поэтому между вами особый барьер - непробиваемая самым первым, скоростным и впопыхах кинутым дротиком мальчика, обезумевшего от подарка, давшим тому множество возможностей. Нет, конечно, тебе есть дело, и еще какое, до каждого в этой толпе, но лишь отдельно. Разница в том, что не до нее в целом.

Контактная информация авторов

<i>Дмитриев Валентин «Валентин Дмитриев 2»</i>	<i>zaur-mostovoi@yandex.ru</i>
<i>Шерешкова Алиса «ЕК.КЕ»</i>	<i>hf120tellme@gmail.com</i>
<i>Назарова Светлана</i>	<i>svetlanapoe@mail.ru</i>
<i>Тверитинов Алексей</i>	<i>atveritinow@mail.ru</i>
<i>Трушкова Анна</i>	<i>truann13406@mail.ru</i>
<i>Сергей Протасов</i>	<i>zeke_elos@list.ru</i>
<i>Лихолетов Александр</i>	<i>likholetoalex@gmail.com</i>
<i>Тремасова Анастасия</i>	<i>mugvara.diana@gmail.com</i>
<i>Журавская Светлана</i>	<i>pochta-svs@mail.ru</i>
<i>А. Долгушина «Оанслер»</i>	<i>oansler@mail.ru</i>
<i>Брицова Екатерина</i>	<i>kitibrits@gmail.com</i>
<i>Киреев Валерий «Юл Валерьян»</i>	<i>ler-64@mail.ru</i>
<i>Пилипенко Татьяна</i>	<i>Pilipenko.polya2017@yandex.ru</i>
<i>Столбова Вероника «Кристалльная Стелла»»</i>	<i>Stolbova00@inbox.ru</i>
<i>Александрович Дмитрий «Д. Строгий»</i>	<i>radak62@mail.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 10

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

www.перваякнига.рф